

МИСТИЧЕСКАЯ ТРИЛОГИЯ
ТАЁЖНЫЙ МИРАЖ

книга первая

«ЧЁРНОЕ ОЗЕРО»

Ульянов Ю. А.
2010

ББК 84 (2Рос-4Ряз)
У 10

Ульянов Ю. А.

**Мистическая трилогия «Таёжный мираж»
Книга первая – «Чёрное озеро»**

Рязань: Культурное Наследие Руси, 2010 – 408 с.

© Ульянов Ю.А., 2010
© ИД «Культурное Наследие Руси», 2010

Предисловие

Порой, бывают такие моменты в жизни, когда нам кажется, что то, что произошло с нами совсем недавно, когда-то давно с нами уже случилось. Причём, было это в этой жизни или в прошлой, мы не уверены, лишь подсознательно чувствуя, что это всё-таки Было. Правда разум, сопротивляясь чувствам и подсознательной памяти, упорно твердит – этого не может Быть!!!

Не может Быть, потому, что не может Быть в принципе, ведь ЖИЗНЬ одна, и каждый шаг, сделанный нами в этой ЖИЗНИ, он неповторим и индивидуален, отражаясь в простой поговорке: «Дважды в одну реку не войти...». А уж тем более не войти дважды в реку Жизни, где ход событий предначертан нам Временем, и где Судьба всего лишь проводник, который ведёт нас в пространственный тупик, под названием – НЕИЗБЕЖНОСТЬ!

*«Есть Истина – она в печали,
Что может вас свести с ума.
Есть Время – мудрости познание,
Веков холодных седина.
И есть Надежда – дар бесценный,
Судьбы утраченная нежность.
Любовь – величие Страстей.
Но всех сильнее – Неизбежность!»*

(Ульянов Ю. А.)

Но так ли это? Может всё же, наша нынешняя жизнь, это всего лишь изменённая проекция прошлой, прожитой нами не так, как стоило бы её прожить. Вот генетическая память и будоражит в нас прежние переживания, подсказывая нам о наших ошибках былого. Судьба, постоянно предупреждает о предстоящих событиях, оставляя нам определённые знаки, в виде всевозможных подсказок, как бы направляя наши действия в нужное русло. Ведь даже линии жизни, отображённые на наших ладонях, могут меняться в зависимости от выбранного нами пути. А раз так, значит путей несколько. Мы просто не всегда замечаем, по ходу движения жизни, тех подсказок, которые нам оставляет Судьба, и потому, не всегда делаем правильный выбор в решении тех или иных моментах Бытия. Поверьте голосу своего сердца – **ВЫБОР** есть **ВСЕГДА!!!**

Заметьте, очень часто в обиходе каждодневных событий и мимолётной суеты, мы непроизвольно, повторяем слова – «Наша жизнь», «В этой жизни»! При этом, мы даже не задумываемся о том, что говорим, как будто есть другая Жизнь или есть Жизнь не наша? И это не случайный ВОПРОС! Он сидит где-то в подсознании, ибо в этом «Отражённом Мире» Мы всего лишь гости, о чём нам и подсказывает инстинктивное восприятие действительности, в контексте неосознанного понимания существования «Другого Мира», так называемого – Зазеркалья. Вы не задумывались, что подобные восприятия не возникают у человека просто так, на голом месте. Значит

сознание всё же хранит какую-то Тайну о «Других Мирах», а Мы просто эту Тайну позабыли. Кстати, наши Предки знали об этом «Другом мире», гораздо больше, чем могут нам рассказать современные учёные и философы... Очередной вопрос – Почему?

Почему, кажущаяся случайность определённых событий, на самом деле, является закономерностью неизбежности Случая, где каждый последующий шаг, сплетает из «покутных нитей» нашей жизни прочный ковёр Судьбы. При этом из нашей памяти иногда всплывают обрывки Прошлых Жизней. Ведь Память наших Предков переходит по цепочке Рода, меняя лишь внешние раздражители, оставаясь в нас Правдой Веков, пережитых нашими Пращурами. Есть в жизни определённые вещи, когда не нужно что-то объяснять или доказывать, когда ЭТО сидит где-то внутри, говоря нам – Это и есть ПРАВДА Жизни. И ЧЕЛОВЕК, если он конечно для этого созрел, начинает жить так, как ему подсказывает голос ПРАВИ (Наша Совесть). Конечно, не всем дано обрести это просветление Духа Света, не всем дано понять, что Мир вокруг нас многогранен и многомерен. Большинство, устав от жизни уже задолго до того, как её прожить, тонут в суетном болоте Быта, считая призрачные блага цивилизации истинным Бытиём. Но Душа! Наша Душа почему-то противится этому состоянию, стараясь вырваться из Тела на ВОЛЮ...

Это значит, лишь одно – ТАМ (на Воле), за пределом нашего познания и тела, есть НЕЧТО, что

более значимо, чем просто – есть, пить и прожигать жизнь, чему стоило бы уделять больше значения. У многих из нас (да почти у всех), блокировано внутреннее осознание своего превосходства над СУДЬБОЙ и НЕИЗБЕЖНОСТЬЮ. Мы, наивно верим, и в то, и в другое, по привычке полагаясь, почти всегда, лишь на удачу и случай, забыв о своих внутренних сверх возможностях, которые скрыты в огромной энергии нашего ДУХА, при этом, на всякий случай, помолившись и Иконе в Храме, и Дереву в Дубраве. Мы Язычники, с Душой Христа, вечно жаждущие Вольного Простора...

ВОЛЯ... ДУХ... ДУША...

Именно эти, во многом непонятные, словосочетания питают нас энергией жизни, восполняя утраченное телом адекватное восприятие тонкого Мира в общении с себе подобными, ибо мы перестали мыслить и общаться Образами. Но, как только человек переходит грань круга своего общения, наступает момент ИСТИНЫ – кто ТЫ? В Зеркальном отражении своего Я нет смысла выглядеть Кем-то или Казаться быть Лучше, наедине с самим собой Ты – Есть То, что Ты есть! Где хочется Быть, а не Казаться...

Большинство людей, даже не задумываются об Этом для них это Блажь, стоящая за пределом их восприятия. Они просто ещё не доросли до осознания Величия своей Души и ощущения себя в Ней.

Но если Ты, хоть раз, стоял на краю черты и пытался, набравшись смелости, заглянуть внутрь СЕБЯ, а точнее говоря за Грань Бытия, то уже не сможешь жить дальше, так, как Жил ранее или как Все...

*«Алмазы мысли, тонкой грани,
Из Вечности приходят с нами.
И лишь шлифуя их в пути,
Мы стоимость определяем сами.
Всё в этой жизни лишь Мираж.
Шаги Судьбы к Предначертанью.
Не дай вам Бог, прожить её,
Какой-нибудь безликой гранью»...*

(Ульянов Ю. А.)

Глава первая

«Михаил и Юля, работники обычного НИИ»

Михаил был очень перспективным сотрудником престижного НИИ, причём перспективным он был, не только в плане работы, но и в плане перспектив личной жизни, особенно для молодых незамужних женщин, коих в стенах данного института было немало. Именно о таком муже мечтали многие молоденькие девушки – высокий, спортивный, умный,

с чувством юмора, и с отдельной квартирой в придачу... Мечта, а не жених.

Михаилу совсем недавно исполнилось тридцать три года – возраст Христа, шагнувшего в вечность. Он был в расцвете творческих сил, и уже успел достичь определённого успеха в жизни, но при этом, стремящийся к чему-то большему, в том числе, и в вопросах личной жизни. Он давно уже подумывал о надёжном, уютном, тихом семейном счастье, успев устать от случайных встреч с женщинами, обильно перенасытившими его образ жизни. Он устал от столовской и ресторанной пищи, грозящей привести его к язве желудка, от дружеских попок по пятницам и субботам, от частых приступов гнетущей тоски, и прежде всего, от внутреннего одиночества. Он устал носить маску благополучия, преуспевающего человека, пряча за этой маской тонкую, ранимую Душу, которую так хочется кому-нибудь открыть, прижав свою голову, к нежной трепетной груди, почувствовав понимание и любовь. Но в конечном итоге, грудей промелькнуло мимо много, а Душу раскрыть, оказалось, что и не перед кем...

Больше всего, Михаила раздражала очевидная, ни чем не прикрытая, зависть его сослуживцев, воспринимавших его, как весельчака-балагура, и не признававшего в нём творческую личность. Хотя, некоторые, всё же завидовали его таланту организатора, а большинство, скорее его упорству, с которым он продвигался по служебной лестнице.

Женатые мужчины института, завидовали его раскованному, холостяцкому, образу жизни. Попасть к Михаилу на вечеринку считалось престижно, он имел знакомство со многими, и не только творческими людьми города, но и с просто нужными людьми, через которых можно было что-то достать или о чём-то договориться. К тому же, Михаил являлся секретарём комсомольской организации института, в котором работал, что так же повышало его статус в обществе. Конечно, Михаилу был присущ здоровый карьеризм, но в тоже время он не был занудой с учёной степенью. Остроумный, высокий, спортивный молодой человек, разбирающийся в музыке и искусстве, завсегдагай всевозможных тусовок и спортивных мероприятий, он был душой компаний. До безумия смелый, и в меру наглый, особенно с женщинами, обескураживающий их своим напором слов, большинство из которых женщины даже не понимали, и тем загадочнее и интереснее был для них этот мужчина, говоривший им столько непонятного и умного, а от того, становясь ещё более интересным. Вместе с тем, он был внимателен, обходителен, учтив и романтичен, что тоже накладывало свой отпечаток в вопросе предпочтений у представительниц слабого пола. В тоже время, в отношениях с женщинами он был циником. Михаил не стеснялся нагло льстить, какой-нибудь дурнушке с хорошей фигурой, вознося её на пьедестал блаженства, сводя с ума своей очередной красивой метафорой в её адрес и букетом цветов в придачу, ради одной только

ночи. При этом он умело избегал разговоров о всевозможном совместном проживании, и уж тем более о браке. Чаще всего романтические отношения заканчивались до того, как они могли перерасти во что-то большее, и потому в памяти многих женщин Михаил оставался умным, загадочным, но, всё же, не покорённым любовником.

У самого же Михаила, от череды всех этих бесконечных сексуальных приключений в Душе оставалась какая-то пустота, которую он заполнял работой, после разрыва с очередной жертвой любовного фронта. Он понимал, что ночь, проведённая с женщиной, это ещё не вся женщина, принадлежащая тебе, а всего лишь ночь, промелькнувшая сладким Миражом лёгкой влюблённости. И тем не менее, многие женщины, зная о его похождениях, искали с ним встречи, считая что только она одна может зажечь в нём пламя настоящей любви, а все те, что были до этого – были просто жалкими неумёхами и дилетантками. Ведь настоящего, искущённого мужчину трудно взять голыми руками и только одним телом. Его нужно завоёвывать постепенно, используя весь арсенал женских премудростей – обволакивая мужчину собой, как туман обволакивает путника в пути, где-нибудь на болотах, заставляя его трепетать от своего бессилия перед стихией, в которой, рано или же поздно, ему суждено будет увязнуть. В этом вопросе женщина действительно подобна стихии, необузданной и неотвратимой, как сама природа человеческого естества, которая поглощает Нас Целиком и без

Остатка, иногда ещё и проникая в Душу, словно заноза в сердце. Вот именно это состояние, наверное, и называется – Любовь...

Однако Михаилу ещё не попалась женщина сумевшая проникнуть в его Душу, и тем самым, заманить в лоно семейной жизни, опутав паутиной тепла и уюта, против которой он и не сопротивлялся, а уже и подумывал сам. Оставаясь один в своей квартире, Михаил подолгу перебирал у себя в голове всех женщин, с которыми был близок, стараясь хоть одну представить в роли своей жены. Но, это получалось с трудом. Одна хорошо готовила, другая хороша в постели, с третьей можно было хоть о чём-то поговорить, но, у каждой находились какие-то огромные минусы, в которых Михаил пытался разобраться, но целостной картины всё равно не получалось. Он не был готов кого-то принять целиком, со всеми недостатками и достоинствами претенденток. В конечном счёте, он решил положиться на судьбу, посчитав, что если и будет дано судьбой ему найти ту единственную и неповторимую, то он жениться то только на ней, которую ему преподнесёт «товарищ случай», а в случай, как разумный человек, он верил безрассудно. При этом Михаил, не зависимо от своих предпочтений, он целиком полагался на интуицию, считая, что она его не обманет. Ведь в настоящую любовь он не верил, считая, что раз она не встретилась ему до сих пор, то её нет и в помине, а полагаться в вопросах создания семьи на одну лишь

сексуальность Михаилу не хотелось. Конечно, определённые сексуальные пристрастия у Михаила были, но они почему-то часто менялись, в зависимости от податливости очередной жертвы, хотя, как раз жертвами, женщины себя и не считали, а наоборот, сами вели на Михаила охоту, о чём он даже и не подозревал. Вот так и протекала обычная Советская жизнь обычного научного сотрудника НИИ – в постоянной борьбе с самим собой, со своими потребностями и обществом, перерастая к весне в состояние апатичной влюблённости...

Так было и на этот раз, жизнь текла своим обычным неспешным чередом. На дворе была весна, точнее её завершающая фаза, а в свои права уже вступало лето, разогрев воздух до 25 градусов по Цельсию, приближая плановую экспедицию на Урал. Михаил переживал очередной приступ апатии и душевной хандры, из-за чего, сразу после Майских праздников, расстался с девушкой по имени Анжелика. Кроме определённой эротичности её имени и бурных застолий праздников, в памяти Михаила ничего не отпечаталось, если конечно что-то вообще могло отпечататься от очередной неудачной любовной интрижки. Нет, он, конечно же, понимал, что впоследствии, беспорядочные половые связи могут ему ещё аукнуться на его здоровье и психику, но Михаил не мог ничего с собой поделать, он просто не хотел об этом думать, ведь жизнь продолжалась, идя своим чередом...

Расслабиться и отвлечься от мирской суеты Михаил предполагал лишь в предстоящей экспедиции на Урал. Каждый раз, отправляясь в подобные путешествия, он получал массу новых впечатлений, которые заряжали его на весь год, и лишь весной он чувствовал очередной упадок сил, нуждаясь в хорошей встряске. А, как известно, любая хорошая встряска, это почти всегда экспромт, но экспромт хорошо подготовленный. Вот и Михаил, в некотором роде, подготовил для себя очередной экспромт в своей вялотекущей жизни, попросив руководителя экспедиции, профессора Бориса Яковлевича, включить в состав группы молоденькую лаборантку Юлю. Эта девушка ему понравилась с самого начала, как только она попала к ним в институт, но он не спешил устраивать с ней какие-либо отношения, присматриваясь, и лишь изредка, делая лаборантке ничего не значащие комплименты. Он, как изысканный гурман, не торопился брать приступом эту милую, скромную и к тому же, кажется ещё и умную, стройную блондинку. Михаил жаждал стать в её глазах героем в экстремальных условиях дикой тайги, озёр и гор, предвкушая, в дальнейшем, шикарный пир любовной страсти. При этом он ни на минуту не сомневался, что ему это удастся. Ведь совсем нетрудно быть покровителем и защитником, среди бескрайних просторов дикой природы, где беззащитное хрупкое создание само будет жаться к его широкой груди, ища в этом сильном мужчине опору и защиту. И именно это, очередное предстоящее приключение, давало

Михаилу силы и вселяло надежду найти своё счастье, потому, что каким бы преуспевающим и весёлым он не выглядел со стороны, внутри себя он чувствовал одиночество. Душа его металась, не находя отдушины ни в чём – ни в женщинах, ни в дружеских гулянках, ни даже, в любимой работе, вновь погружая его в болото тоски и уныния... Снова эта проклятая весенняя хандра...

Юля с детства была худенькой и болезненной девочкой, эдакой «дурнушкой в очёчках», однако уже к шестнадцати годам она сформировалась в высокую стройную девушку с хорошей фигурой и маленькой изящной грудью. Конечно, Юлю нельзя было назвать красавицей, просто она ярко выглядела на фоне своих сверстниц, выгодно используя пышные белые волосы в сочетании с длинными стройными ногами и умением одеваться. Живя с мамой и бабушкой, Юля не была избалована судьбой, ведь их семья практически ни чем не выделялась из массы прочих семей, ведя такой же скромный образ жизни, как и многие другие Советские люди. Их семья была обычной, по меркам СССР того времени. Мама работала на швейной фабрике, а бабушка была простой пенсионеркой. Поэтому одежду дочери шила мама, чаще всего перешивая свои старые платья или доставая с фабрики импортный материал.

Юля любила ярко одеваться, предпочитая лёгкие облегающие платья. Её пышные белые волосы прекрасно смотрелись на фоне недорогой, но яркой

одежды, Юля больше ничего не использовала в своём скромном туалете. Бюджет её семьи не располагал к излишествам. Она не имела золотых украшений, не пользовалась косметикой, была безразлична и к дешёвым побрякушкам, разве что к хорошим духам испытывала слабость. К запахам она относилась очень трепетно, тратя на парфюмерию немалые деньги, заказывая себе французские духи через фарцовщиков-спекулянтов. Юля считала, что именно запахи имеют большое значение в отношениях между мужчиной и женщиной.

В отличие от сложившегося стереотипа, что все блондинки дуры, учёба для девушки была всегда на первом месте, как в школе, так и в институте. Она была так же в меру умна, как и красива. Юля неплохо знала два иностранных языка – английский и немецкий, и даже ходила на курсы испанского. Она вообще была разносторонней девушкой, разбирающейся в поэзии, искусстве и музыке. В школе она ходила в кружок бальных танцев, но, так как найти себе партнёра в более взрослом возрасте ей не удалось, мальчиков было мало, и они предпочитали более симпатичных девочек, и в седьмом классе Юля танцы забросила, более серьёзно занявшись языками. У неё было немало поклонников среди мальчишек своего возраста, но она не очень обращала на них внимание, считая, что любовь сама расставит всё по своим местам, а встречаться с кем-то просто так, ей не хотелось. Для неё это святое чувство, олицетворялось со сказкой. Юля представляла Любовь, как некое

невообразимо красивое и сильное состояние Души, захватывающее и опутывающее человека своими сетями, сразу, и на всю жизнь. Она верила в то, что кто-то свыше должен определить ей избранника, и поэтому, размениваться по мелочам она не хотела. Но такой любви у неё ни разу не было, хотя была она уже женщиной. Девственности её лишил на выпускном балу мальчик, из параллельного класса, в спортзале на матах, правда она этот момент помнила смутно, так как была сильно пьяна, первый раз в жизни попробовав и вино, и секс, и это показалось ей – неудачным занятием. По настоящему, у неё был всего один мужчина, с которым она познакомилась, когда училась в институте на третьем курсе. Он был старше Юли на шестнадцать лет, хорошо одевался, имел машину, и самое главное, от него всегда пахло приятным дорогим одеколоном. Они встречались с ним, один или два раза в неделю, на протяжении трёх лет, но вот уже пять месяцев, как она не знала, что с ним и где он. Её друг просто пропал. Последний раз они виделись под Новый Год. Это был шикарный романтический вечер, на какой-то заснеженной даче с камином, где они провели, два незабываемых выходных дня. Напоследок, он подарил Юле мягкую игрушку в виде лохматой рыжей обезьяны и большой пакет с новогодними подарками, словно Дед Мороз из детства. И после этого пропал из её жизни.

Нет, Юля его не любила, это она поняла только сейчас, после стольких месяцев разлуки, просто, ей было с ним хорошо, а хорошо, чаще всего бывает,

не с тем, кого любишь, а с тем, с кем просто – ХОРОШО! И вообще, не смотря на то, что он так внезапно исчез из её жизни, Юля была благодарна этому человеку, хотя бы за то, что он сделал из неё женщину, в прямом и переносном смысле этого слова, вдохнув в её серую обыденность – тепло и радость общения. Ей было с ним по-настоящему легко, как не было легко никогда, и ни с одним человеком в Мире. Рядом с ним она ничего и никого не боялась. Но, он пропал, и она с этим уже смирилась...

Все Майские праздники, не смотря на хорошую погоду и приглашения друзей, Юля провела дома, с мамой и бабушкой, не видя никаких перспектив в личной жизни, лишь предстоящая экспедиция, которая была у неё первой поездкой вообще куда-либо дальше родного города, вселяла какую-то непонятную надежду и в тоже время тревогу. Она знала, что на Урал с группой поедет и Михаил, которого она заметила сразу же, как только увидела, впервые придя в НИИ. Это было зимой, когда она пришла устраиваться на работу в институт лаборанткой. Он явно выделялся среди других сотрудников – своим ростом, спортивным сложением и умением одеваться, в нём чувствовалась сила, которую женщины научились ценить в мужчинах ещё с древних времён. Михаил не был красавцем, в классическом понимании этого слова, но зато, он умело шутил и улыбался ей, делая своевременные и приятные комплементы. А ещё, и это было самым ярким и главным впечатлением от их первой встречи,

от него пахло приятным дорогим одеколоном. Именно это обстоятельство, чисто инстинктивно, пробудило в Юле симпатию к этому мужчине. Правда, со временем, она поняла бессмысленность своих, даже виртуальных, притязаний на Михаила, видя, какие «хищницы» ведут на него свою охоту. А это не ускользнуло от взгляда даже неопытной Юли. Но, от этого, он не переставал ей нравиться всё больше и больше, изредка продолжая делать Юле, ничего не значащие, дежурные комплементы. Лишь в предстоящей экспедиции, она надеялась, что всё изменится, ведь она будет намного чаще попадаться ему на глаза, и вообще, природа сближает – она где-то это слышала, или читала. А, в общем, это не важно, будь что будет. Так думала Юля, перебирая свои пробирки, как вдруг, к ним в лабораторию зашёл Он...

– Привет милые девчонки! Как пробирки, все целы? Яду не одолжите? – весело прокричал Михаил, напугав своим резким появлением задумавшуюся Юлю.
– Вот решили чаю попить, а «белая смерть» закончилась.

– Какого Яду? Какая «белая смерть»? – вылупив свои большие красивые глаза, удивлённо переспросила Юля.

– Ну, сахар одолжите? – глядя на ошарашенную Юлю, уточнил Михаил. – Ты что, не слышала, что сахар называют «белая смерть»?

– Нет, не слышала. Наоборот, мне бабушка рассказывала, что для них во время войны это было

наивысшее лакомство, вместо конфет. – придя в себя, констатировала Юля.

Пока они разговаривали, лаборант Вадим услужливо принёс Михаилу банку с сахаром. Михаил подмигнул Юле, сказал громко – «Спасибо», и пошёл к выходу. Но, уже в самых дверях он обернулся и спросил Юлю:

– Да, кстати, вы на Урал девушка поедите?

– Кажется, поеду, меня вроде записали... – голос Юли был неуверенным.

– Я точно еду! – радостно откликнулся Вадик.

– Ну ладно, там разберёмся... – буркнул Михаил, закрывая за собой дверь.

Однако через мгновение в проёме двери вновь появилась его улыбающаяся голова, которая достаточно серьёзным и официальным голосом сказала:

– До отъезда всем сдать комсомольские взносы, а то потом мне будет не до этого...

Наступило долгожданное лето, однако погода резко испортилась. Всю первую половину июня лили дожди, лишь к концу месяца распогодилось. А на Урале стояла, несвойственная для этого времени года жара. Все те, кто был зачислен в отряд, с нетерпением ждали отправления. Экспедиция должна была отправиться на Урал, в одну из аномальных зон, на Северо-Западном склоне Большого Камня, как называли Уральский хребет. За последнее время в этой зоне пропало несколько человек и поисковый вертолёт с экипажем. Официальные поиски результатов не дали, а

профессор НИИ Борис Яковлевич, с которым работали Михаил и Юля, считался специалистом по подобным аномальным вопросам, поэтому ему и предложили организовать соответствующую группу. Первую поездку Борис Яковлевич планировал, в основном сделать ознакомительной, экспедиция должна была просто осмотреть прилегающий район, и отыскать подходы к таинственному «Чёрному озеру».

Особых специалистов профессор привлекать в свою группу не стал, должное оборудование, в том числе и разработанное их совместным с Михаилом трудом, было не тяжёлым. Но, при этом, хоть в серьёзность мероприятия, из вышестоящих чинов никто и не верил, профессор всё же получил соответствующие напутствия от начальства и был проинструктирован ответственными органами – «Чтоб в случае чего такого экстренного сами никуда не лезли, а немедленно доложили. Местное начальство посодействует в обеспечении лошадьми, продуктами и необходимым инвентарём, и даст проводника».

Своё трудное и увлекательное путешествие по горам Урала группа должна была начать в посёлке Качнар, где её уже ждали, приготовив лошадей и прочее снаряжение, необходимое для такого серьёзного путешествия. Главной целью экспедиции, под руководством профессора Бориса Яковлевича, было небольшое и загадочное озеро Чёрное, в Северо-Западной части Урала, расположенное недалеко от истока реки Усь. Именно в этом районе была некая аномальная зона, про которую издревле ходили

страшные легенды, и где чаще всего находили следы присутствия «Снежного человека», и других загадочных явлений, которые запечатлелись в рассказах местных жителей, считавших урочища «Чёрного озера» – страшным и гибельным местом. Одно время в близлежащих лесах пытались наладить вывоз древесины, но, после того, как в этом районе, действительно за последние десять лет исчезло очень много людей и животных, чему есть реальные подтверждения местных властей. В этом районе, несколько лет назад, даже пропал поисковый вертолёт, искавший, чуть ранее исчезнувших геологов. Преодолев партийную мнительность и щепетильность в вопросе мистики, местные власти сами попросили прислать им специалиста по аномальным явлениям, такого как, профессор Борис Яковлевич, желая разобраться с этим странным явлением, толи природы, толи каких-то других сил, чтобы развеять всякие предрассудки, домыслы и слухи. К тому же, все обычные меры поиска были уже исчерпаны, а проблема оставалась необъяснимой, что сильно раздражало Высшее Начальство. Вот только найти нужного проводника оказалось делом архи сложным. Никто из местных жителей, даже за деньги, не хотел, идти к «Чёрному озеру». Этого проклятого места люди боялись больше чем огня и начальства. И лишь один человек считался полноправным хозяином тех мест – это новый егерь Николай, не так давно обосновавшийся в местном охотхозяйстве, но уже успевший заслужить уважение у местных охотников.

Глава вторая

«Николай – таёжный отшельник»

Николай узнал об экспедиции за три дня до её прибытия, он редко бывал в посёлке, приезжая лишь пополнить запасы еды, патронов, водки и книг. Получив зарплату и продав то, что сумел добыть в тайге, Николай, гульнув немного, снова уходил в тайгу. Так было и на этот раз, вот только гульнуть не получилось. Как только он появился в правлении охотхозяйства, ему тут же предложили быть проводником, сказав, что никого из местных уговорить так и не смогли, а ему, если он согласится, выпишут премию. Николай согласился срезубу, даже и не раздумывая. Ему уже давно было очень нужно и важно поделиться с кем-нибудь с большой земли, о том, что он успел повидать в тайге за то время, что живёт здесь, при этом, не будучи принятым за сумасшедшего.

К тому моменту, что он уже прожил здесь, у него к самому себе накопилось столько вопросов, на которые он никак не мог найти ответов, да и никакая современная наука не могла объяснить увиденную им здесь «Суть Таёжной Жизни». Поначалу ему было очень тяжело адаптироваться, Николай даже запил, ни запоями, как многие тут, но всё же пил. Это у местных жителей всё было предельно просто, на всё

находились заранее припасённые отговорочки или поговорочки. А Николаю многое было чудно и непонятно. В реальной жизни ему пришлось столкнуться с необъяснимыми фактами и явлениями, не вписывающимися в современную догматику научных терминологий, хотя, с этими, мягко говоря «неординарными явлениями», ему приходилось сталкиваться ещё в армии. Возможно, что в своё время, он видимо упустил что-то главное в учёбе, заиклившись сначала на спорте, а затем на военной подготовке в десантном училище, куда он поступил после школы. Потом, когда он попал в войска и, поучаствовал в некоторых Военных операциях, в разных точках мира, доучиваться и читать умные книжки, ему было просто некогда. Но жизнь сделала крутой вираж, и он стал осознавать, что в его голове существует множество пробелов, в реальном понимании окружающей природы, и многого другого, что за ней скрывается. Поэтому, именно теперь он стал навёрстывать упущенное, став чуть ли не единственным завсегдаем местной библиотеки. Николай стал много читать, беря книг на самые разнообразные темы, и стараясь заполнить информационный пробел своей молодости, тем более что время у него для этого было.

Узнав о приезжающей экспедиции, Николай получил надежду, что именно те люди, которые должны были приехать, смогут, хотя бы частично, удовлетворить его любопытство. Он просто жаждал встречи с ними, надеясь с их помощью заполнить

пробелы в своём познании Сути Природных явлений не очень вписывающихся в его мировоззрение, и что совместными усилиями, они смогут разобраться не только в окружающем их мире, но, и возможно, в вопросах смысла всего Мироздания, о сопричастности людей с которым, Николай задумывался и довольно часто, сидя вечером у костра, и любуясь звёздами. Да и долгие зимние ночи, в одной из трёх его зимовок, после выпитой бутылки водки, располагали к философским мыслям. Покопавшись в чулане своей Души, Николай стал даже задумываться о своём жалком предназначении на этой маленькой планете, по имени – Земля. У этого, казалось бы сурового на первый взгляд человека, было достаточно теперь времени, подумать и о смысле жизни, и о Душе, в особенности среди девственной природы, где даже звёзды казались ближе и ярче, а окружающий его дикий и нетронутый мир, был до боли родным, хотя и всё ещё загадочным и непонятным, но от того, не менее красивым и притягательным...

Николай не был местным жителем, он приехал сюда после службы в армии. Причём, именно этот район Урала, он выбрал по воле «Товарища случая» – ткнув пальцем в небо, а точнее – кинув нож в висящую в казарме карту СССР. И, как говорится, попал в точку. Это случилось в тот момент, когда он подал рапорт об увольнении из рядов Вооружённых Сил по состоянию здоровья.

Николай поехал на Урал по довольно банальной причине – дома его никто не ждал, да и несчастная любовь ещё терзала его Душу. Любимая девушка не дождалась его, хотя и считалась его невестой на протяжении долгого времени. Служил Николай в специальном подразделении войск ВДВ, постоянно попадая с «Интернациональным приветом» в различные горячие точки нашей планеты. Так что времени жениться всё никак не находилось. Зато, после очередного приезда домой на побывку, их чувства вспыхивали с новой силой и они мечтали о свадьбе и о семейном счастье. Однако, после очередной «рабочей командировки», его застала весть о том, что любимая девушка – вышла замуж, за другого молодого человека, с менее опасной профессией, устав ждать своё счастье. Само собой разумеется, Николай сильно переживал, и даже стал меньше думать о жизни, ища смерти, и вызываясь добровольцем в самые «суровые командировки». Так бывает, ведь Молодости во всём свойственен максимализм – если умерла Любовь, то умерла вместе со мной, если меня не смогли понять, то бездарен и несовершенен весь этот Мир, а раз так, то пошёл Он... И все остальные вместе с ним...

За время своей недолгой службы, Николай много где побывал, и много что повидал. Был на Кубе, в Африке, в Индокитае, в горах Центральной Азии, и даже на Ближнем Востоке. Получил несколько лёгких ранений, был контужен, но всегда умудрялся оставаться живым в самых невероятных ситуациях, за

что получил от сослуживцев соответствующее прозвище – «Бессмертный». И всё же однажды он нарвался на свою пулю...

Это случилось в одной из Азиатских стран, точнее там, где стран и границ не существует вообще – в высоких горах Гиндукуша. Спецгруппа, с которой Николай вышел на очередное задание, была заброшена в горы для уничтожения базы особо опасных бандитов. Группа Николая двигалась по отвесному уступу горы, внимательно всматриваясь в камни на противоположном склоне. Николай, как всегда шёл первым, медленно двигаясь от камня к камню, полагаясь на свой опыт, хорошее зрение и интуицию, которая никогда не подводила. Вдруг он почувствовал что-то, чего не испытывал до этого, никогда. У него защемило в груди, в районе солнечного сплетения, словно кто-то изнутри несильно ударил его в живот, мурашки, предательским зыбким холодком, пробежались по спине, как будто он, из знойного пекла, на несколько мгновений, попал на Северный полюс или в большой морозильник. Николай поднял вверх руку и сжал в кулак, и группа, из семи человек, быстро рассредоточившись, замерла за камнями, всматриваясь в окружающее пространство. Вроде бы всё было тихо, лишь палило нещадное солнце, заливая потом глаза, нагревая камни как сковородки, на которых им приходилось, иногда подолгу, жариться, лёжа в засаде или ожидая вертушку.

Предательский холодок, пробежавший по всему телу Николая, всё ещё не уходил, дурное предчувствие настораживало его, каким-то непонятным ощущением опасности. Он ещё раз внимательно обвёл своим цепким взглядом противоположный склон и вновь ничего не увидел, кроме камней. Пауза затянулась, вся группа с настороженностью осматривала периметр не находя ничего подозрительного в раскалённых камнях, но тем не менее, они понимали, что что-то не так, готовые вступить в бой. Николай хотел уже дать сигнал – «продолжить движение», как чувство беспокойства вдруг усилилось и не отступало. Всеобщее беспокойство нарастало, ведь таким мнительным, бойцы не видели своего командира ещё ни разу. Но никто даже словом не обмолвился, все лишь ещё больше насторожились. Раз уж сам «Бессмертный», что-то почувствовал, то это действительно серьёзно. Он поднёс к глазам бинокль, липкий пот застил глаза. Отерев лоб тыльной стороной руки и протерев окуляры, он ещё раз глянул вперёд и чуть выше – туда, где бы он сам залёг, если бы был сейчас в засаде...

Выстрела Николай не услышал, лишь увидел отблеск окуляра снайперской винтовки и пулю, да-да, именно пулю, которая летела к нему как в замедленном кино, не спеша, словно муха, которая хочет сесть ему на лоб. Николай инстинктивно дёрнул голову в бок, при этом отмахиваясь от этой мухи рукой... И... Потерял сознание...

Очнулся он, когда его парни утюжили противоположный склон из подствольных гранатомётов, причём видел всё это Николай, как бы со стороны, не понимая происходящего. Когда взрывы стихли, а клубы дыма и пыли рассеялись, воцарилась неимоверная тишина – давившая своим безмолвием. Всё вокруг словно застыло, и тут Николай вдруг осознал, что он – это, вроде бы как, и не он, потому, что его тело лежало внизу на камнях с окровавленной головой, а глаза наблюдали за происходящим со стороны, как бы сверху, словно бы он сидел в театре, на балконе, а всё происходящее внизу казалось спектаклем.

От этого яркого осознания себя вне своего тела Николаю стало жутко, он зажмурился, его голова поплыла, после чего он вновь потерял сознание, растворившись в нереальной реальности.

Когда в очередной раз Николай пришёл в себя и открыл глаза, то он их тут же зажмурил. Яркий свет пронзил его всего насквозь, резанув в самое сердце до боли. Он постарался припомнить всё, что с ним приключилось за последнее время, но, ни как не мог собраться с мыслями. Было такое ощущение, что он был сам по себе, а его голова и мысли сами по себе. В теле боли не было, хотя если он ещё жив, то по идее она должна была бы быть. Он лишь чувствовалась неестественную лёгкость, словно он сейчас взмахнёт руками и взлетит.

– Наверное, я умер? – подумал Николай, плавно приоткрывая глаза.

Всё тот же яркий свет вновь заставил зажмуриться. В голове роем забегали хаотичные мысли, которые пытались доказать что они принадлежат ещё пока ему, ударяясь импульсивными всполохами крови в его конечности, от чего по всему телу ударили тысячи мелких иголочек, приводя его мышцы в движение. Николай вдруг вспомнил себя маленьким мальчиком, играющим с котёнком во дворе своего дома, и от этих воспоминаний ему стало так хорошо на Душе, что он ещё сильнее зажмурился. Мысли по-прежнему хаотично бегали где-то под волосами, словно лёгкий электрический ток, пытаясь заставить его тело пошевелиться. Тем не менее, напрягаться не хотелось, хотелось просто играть с котёнком, как когда-то в детстве, а потом, попросив у бабушки молока, напоить им своего маленького друга...

Преодолевая своё нежелание стать самим собой, Николай всё же приоткрыл глаза, стараясь привыкнуть к такому непривычно яркому свету. Хотя, пообвыкнув немного, Николай пришёл к выводу, что свет вроде и не был уж слишком ярким, он был просто – Другим! Свет был каким-то неземным, несолнечным, а просто Другим. Просто Другим и всё тут!!! Но, каким Другим он не мог никак понять...

– Может это Рай? Я где-то читал, или от кого-то слышал, что сначала появляется «Яркий Свет», в каком-то там тоннеле, или кажется это бывает у ворот

Райского сада... Господи, как же я далёк был от тебя, там на Земле... Ну вот и про Бога вспомнил... Да, уж... Кстати, а где же птицы, почему не поют Райские птицы? А может... Может я просто сплю и мне это всё только снится? Нет, стоп, надо собраться с мыслями... Гул, что за гул?

Гудело в его голове, и это гудение помогало мыслям постепенно собраться в цепочку логических умозаключений:

– Так... Мы попали в засаду... Был бой... Меня ранили... Или всё таки убили? – Воспоминания к Николаю возвращались с трудом.

– Стоп! Но ведь после того как меня убили – меня несли... А раз я это помню, значит меня всё таки – ранили! Точно, ведь я же помню что мы ещё раз попали под обстрел... А потом... Потом не помню... Всё время болела голова, а сейчас не болит, только какой-то гул...

Гул стал плавно переходить в шёпот, потом, в тихий разговор, который скорее напоминал журчание воды в ручье, чем человеческую речь. Слова были не понятны, но смысл проникал в сознание без слов – и Николай понял, что говорили о нём. Вот только он не мог понять кто говорит и что именно, но то, что говорили о нём, сознание просто улавливало без всякого объяснения. Он ещё раз попытался открыть глаза, приложив для этого определённые усилия своей силы воли, и у него это получилось. Над ним стояли люди в белых одеждах, из-за спин которых струился,

всё тот же яркий свет, словно этот свет исходил от самих людей... Глаза вновь зажмурились, а тело куда-то провалилось, а плавная речь вновь превратилась в журчащий ручей.

– Наверное, это Врачи или Ангелы? – мелькнула в голове мысль и так же неожиданно исчезла.

Он попытался приподнять голову, но резкая боль вновь опрокинула её на что-то мягкое, на то, на чём он уже лежал. Хотя нет, не лежал, а скорее парил в тягучей невесомости, не ощущая тяжести своего тела, словно под наркозом. И лишь резкое движение, сделанное Николаем «через немогу», дало понять – что он ещё жив. Чья-то рука нежно коснулась его лба, и он, ощутив прилив тепла и нежности, снова ушёл в забытье, вернувшись к своему маленькому другу котёнку...

Очнулся Николай от звука журчащей воды. Вспомнив про яркий свет, он осторожно приоткрыл глаза. Яркого света, ослепляющего его до этого, уже не было. Был каменный потолок с полукруглым сводом и тёплым голубовато-нежным светом, неизвестно откуда падающим на стены, но Николая это не удивляло и не беспокоило. Он закрыл глаза и глубоко вздохнул, почувствовав лёгкость и свежесть, как в детстве, после долгого и крепкого сна. Он потянулся, ощутив упругость и силу своего тела. Ему захотелось вскочить и побежать. Даже показалось, что он дома у Мамы, и что на столе его ждут блины со сметаной или с мёдом. И тут он реально почувствовал

запах её блинов, которые так давно не ел. Мама, бедная моя Мама... Как она там без меня?

Где-то за стеной текла река, или Николаю это только казалось, но он готов был поклясться, что слышит журчание воды. Он ещё раз потянулся, и всё его тело напряглось, как пружина, ощущая прилив энергии и бодрости, готовая разжаться с новой силой. Николай снова открыл глаза и ощупал себя. Боль не ударила ни в один мускул, приподнявшись на локтях, он осмотрелся. Комната оказалась небольшим каменным помещением, с высоким полусводом. В стенах были неглубоки выступы, а из-под разделявших полусводы и стены углублений падал нежный голубоватый свет, дававший всему увиденному ощущение нереальности. Точнее говоря, свет не падал, а как будто был везде, просто был и всё. Николай встал, осмотрелся и ещё раз ощупал себя с ног до головы. Он был одет в белую рубаху из приятной мягкой ткани, похожей на лён и в таких же штанах. По краю рукава рубахи красными нитками был вышит какой-то замысловатый орнамент, в котором угадывалась ярго-свастическая вязь...

– Где-то я похожий рисунок уже видел? – подумал Николай, стараясь вспомнить где. – Ах-да! У бабушки в детстве, в деревне, у неё была праздничная скатерть вышитая почти таким же узором, в котором просматривалась такая же ярго-свастика!

Николай даже припомнил, как однажды спросил у бабушки:

– А почему бабуля у тебя на скатерти вышит немецкий крест???

– Это внучёк не немецкий крест, а наша древняя ярга-свастика, наше русское солнышко, дающее нам жизнь, а немцы у нас его украли, только вот ничто ворованное впрок людям не идёт! Только давай внучек это будет наша с тобой тайна! – сказала маленькому Николке бабушка, взяв с него клятву, что он никому об этом не расскажет.

И Николай пронёс эту тайну через всю свою жизнь, хотя несколько раз, особенно в школе на уроке истории, ему хотелось сказать про «Немецкую Свастику», что она вовсе не Немецкая, а наша, Русская, просто ими у нас украденная...

Каменная кровать, с которой он встал, была застелена шкурами каких-то животных, а прямо напротив располагалась мощная дубовая дверь, обитая зеленоватой медью. Один угол комнаты занимала полукруглая ниша, своим нижним краем выступавшая немного вперёд, на которой стояли серебряные предметы – кувшин, кружка и миска. На стене висел ковёр с ещё более загадочным орнаментом и окантовкой в виде всё того же ярго-свастического узора...

Не успел Николай до конца осмотреться, как дверь безшумно открылась, и в комнату вошёл Старец.

Он был весь белый, включая бороду, длинные волосы, балахон, тапочки и полотенце, которое он держал в руках. Лишь лицо Старца и его руки были бледно-серого цвета, словно он был статуя, а не человек... Хотя...

– А может это Ангел или сам Бог, а Я на страшном суде? – подумал Николай, почему-то лихорадочно пытаюсь вспомнить хоть одну какую-нибудь молитву.

– Я не Бог, и не Ангел, Я как и ты ЧЕЛОВЕК. – услышал Николай голос в своей голове, при этом, слово Человек отпечаталось в его сознании с каким-то особым почтением.

Однако он готов был поклясться, что этот Старец, стоявший перед ним, не проронил ни слова, его губы даже не шелохнулись, а лицо казалось всё таким же каменным, просто его слова сами проникли к Николаю в голову каким-то непостижимым способом.

– Но каким образом? Как это возможно?

Человек в белом взял серебряный кувшин и подошёл поближе к Николаю, жестом предлагая ему умыться. Вода была холодной, но это было даже приятно. Старец протянул ему полотенце. Утерев лицо и руки, Николай хотел что-то спросить, но Старец поднял перед ним свою руку с широко раскрытой ладонью, и вопрос так и остался застывшим в горле. Раскрытая ладонь, с широко растопыренными пальцами была перед глазами Николая, как экран телевизора. По

всему его телу пробежал слабый электрический ток. Он зажмурился, ожидая чего-то страшного, и это страшное поплыло у него перед глазами...

Хотя нет... Это проплыло не перед глазами, а непосредственно в его сознании... И даже не проплыло, а скорее пронеслось как воспоминание, но только очень яркое и чувственное, уносящее его куда-то в поднебесье. Николай словно парил над землёй, как орёл, высматривающий себе добычу где-то внизу, всматриваясь в мельчайшие подробности происходящего на земле. А на земле его взору открывалась страшная картина, и это была картина Смерти: Внизу на камнях, в узкой расщелине между высоких гор лежали окровавленные тела. Тел было много, и все они были вражескими. Однако, среди них он разглядел и своих товарищей, они лежали чуть выше по склону расщелины, полукругом, у небольшого входа в пещеру, видимо отбиваясь от превосходящих сил противника, явно прикрывая кого-то, ценой своей собственной жизни. Вглядевшись в полумрак серой глубокой пещеры Николай обомлел... Дыхание его застыло, грудь сдавило, словно тисками... Волосы на голове слегка зашевелились... В глубине пещеры, завёрнутый в плащ-палатку лежал Он... Серо-бурое лицо, в запёкшейся крови и пыли, было не узнаваемо, но Николай, всем своим нутром, ощутил что это Он... Это его тело лежало там, в пещере, и что это его защищали товарищи, чьи Души, скорее всего должны

были быть где-то тут рядом, среди тех облаков, под которыми парил сейчас он...

– Наверное, я умер, а это мой страшный Суд!!! – промелькнуло в сознании Человека, только что увидевшего себя мёртвым.

Но тут, невысказанный взлёт Души, поднявший его высоко над горой, заставил его чувства пребывать в недоумении. Он вдруг оказался в такой заоблачной выси, которую неоднократно наблюдал лишь из иллюминатора самолёта, однако теперь у него были совершенно иные ощущения. Поднявшись над облаками, Николай осмотрелся, ожидая увидеть Души боевых товарищей, но ничего, кроме облаков, не узрел. Вдруг резкая боль в сердце вернула его обратно в пещеру. Николай, словно стрела, с болью вонзился в своё тело, застонав и открыв глаза. Боль пронзила его так сильно, что он понял: «Раз чувствую Её, значит ещё жив»...

Николай оказался в своём теле в той пещере, которую только что наблюдал со стороны. Один глаз его заплыл и ничего не видел. Второй мешала открыть слипшаяся кровь. И, тем не менее, сквозь пелену второго глаза он заметил какое-то движение в дальнем углу пещеры. Её задняя стена отодвинулась, раскрыв широкий проход, из которого в лицо Николаю ударил яркий свет. Какие-то силуэты приподняли и понесли его навстречу этому свету. Снова сильная боль резанула по всему телу, и он в очередной раз потерял сознание...

В голове, по-прежнему, гудело. Нет, он уже не чувствовал боли и глаза его видели хорошо, и даже на лице не было крови, лишь небольшой шрам – от левого глаза к виску ощущала рука. Николай стоял, не понимая где он, и куда попал – в Рай или в Ад...

Старец опустил руку, и взглянул на Николая, а точнее говоря, пронзил его своим взглядом, и он снова услышал в голове голос.

Нет, не голос, так как губы Человека в белом, как и до этого, были плотно сжаты в узкую, ничего не выражающую полоску, он лишь уловил его мысли:

– Наши предки, когда-то очень давно, пришли в эти края с Севера, и остались в этих глубоких пещерах навсегда. Ибо и здесь, под землёй, так же идёт война между Силами Тьмы и Света, как и на поверхности. Только тут эта война другая, и вам людям её суть знать не обязательно. Мы редко выходим на поверхность и не вмешиваемся в дела людей живущих там, у нас разное мировоззрение и разные возможности, мы по-разному воспринимаем жизнь и смерть, но у нас одни корни. Ты тоже с Севера и у тебя большая чистая Душа. Твоя Смерть ещё далеко, и тебя ждёт впереди ещё много невероятных событий. Ты, даже, побываешь в потустороннем Мире, но тебе нечего бояться, ты Великий Воин Духа – Ты преодолеешь все испытания и всех победишь.

– А как же мои товарищи? Я их увижу? Они живы? – Николай хотел спросить что-то ещё, но

Старец остановил его порыв взглядом и ответил, всё также беззвучно:

– Хорошие Воины везде нужны... У них всё хорошо... Не о том тебе стоит печалиться. Сердце женщины породившей тебя остановилось.

Сказав это, Старец вновь поднял раскрытую ладонь, и Николай опять почувствовал, как его прострелило током, и он стал медленно проваливаться в забытьё...

Нашли Николая в горах лишь через месяц, когда его уже никто и не искал. Как нестранно, нашли его наши Пограничники недалеко от расположения своей частей, без сознания и без памяти, чего он не смог объяснить ни себе, ни начальству. Врачи поначалу и не надеялись, что к нему вернётся память, и вообще, его уже до этого списали. Даже домой, его матери, отправили похоронку – «что так, мол, и так, погиб Ваш сын Николай смертью храбрых, как настоящий герой, исполняя свой Интернациональный долг!»...

Сердце матери, конечно же, не выдержало такого удара. Но Николай выжил, и ни кому не рассказывая, что он видел – Там... На Том Свете... И в особенности то, что ему ещё рассказал тот Старец...

А Там, в Зазеркалье, ему сказали, что его час ещё не пробил, и что впереди у него будет новая жизнь и новые испытания, и что своё предназначение

он осознает сам, но чуть позднее. Невыполненное задание и провалы в памяти очень сильно насторожили начальство. Но врачи подтвердили его амнезию и тяжёлое ранения в голову, от которого случилась потеря памяти. Взяв с Николая кучу объяснений и подписку о неразглашении, его – комиссовали.

Домой он, по понятным причинам, ехать не захотел, и, кинув в карту нож, попал в точку на Северном Урале, куда и поехал, устроившись там работать в охотхозяйство. Ему захотелось скрыться от людей, от цивилизации, от всего Мира, в стремлении переосознать своё существование...

С одной стороны может показаться, что выбор судьбы был случайным, но дальнейшие события покажут, что случаем, почти всегда, правит – Неизбежность!

На Урале Николай жил уже пять лет безвылазно, лишь один раз съездил домой, чтобы поставить на могилу матери памятник. В Качнаре ему выделили дом, к тому же в тайге у него было три заимки, между которыми он, время от времени, кочевал. Местным девушкам в посёлке он понравился, встречаясь с некоторыми из них тайком, и от случая к случаю, что раздражало немногочисленное коренное мужское население, и поэтому его недолюбливали.

А ещё его недолюбливали, за неразговорчивость и постоянно угрюмый вид, за что он и получил за глаза у местных прозвище – Угрюмый. К тому же, в

некоторых стычках с местными, после какой-нибудь гулянки, Николай всегда выходил победителем. Правда драться особо он не умел, его ведь в армии учили убивать, а не драться, так что тех неразумных «нахалов», которые решались на него напасть, он вырубал, как правило – одним ударом, либо применял какой-нибудь болевой приём, после чего «неразумные герои» попадали на больничную койку. В Качнаре все знали, что под его горячую руку лучше не попадать, особенно когда он выпьет. Его побаивались, но в то же время, и стали уважать, силу везде уважают. Однако уважать его стали не только за силу, ведь он ещё был одним из немногих смельчаков, которые решались ходить по тайге в одиночку, заходя даже туда, куда никто из местных даже толпой ходить не решался. А бояться ходить далеко в тайгу, действительно повод был, особенно в районе урочища Чёрного озера, до которого вообще никто не доходил, даже Николай. Об этом озере у современников остались лишь легенды от далёких Предков, которые передавались из уст в уста.

От далёких предков Хантов и Манси ходит по тайге легенда о большом лохматом человеке – Куле, который наводит ужас не только на людей, но и на животных, причём этот ужас бывает необъяснимым. А люди, которым попадалось на пути это существо, пропадали или лишались рассудка, и лишь немногим, видевшим его, удавалось спастись. Так же говорили, что живёт это чудище якобы под землёй, и что все те, кто туда проникают в поисках сокровищ, назад уже «шипко не возвращаются».

И действительно, что-то эдакое в тайге было, Николай это чувствовал, да и за то время, что он здесь жил, уже пропало несколько человек, не говоря уже о животных. Причём, следы всегда обрывались в районе урочища Чёрного озера. В лесное чудище Николай верил, он даже видел зимой его следы, но они всегда обрывались как-то странно, как будто «Снежный человек» исчезал в никуда. Он не верил лишь в то, что пропадают люди и животные из-за этого лохматого существа. Ведь если бы это было так, то он – Николай, уже давно бы пропал в тайге и сам, ведь он не раз чувствовал присутствие этого великана подле себя. Правда, он не видел его близко, да и следов тот оставлял мало, но Николай чувствовал его присутствие всегда безошибочно и точно. Как только «Снежный человек» приближался к нему менее чем на километр, а подходил он всегда с подветренной стороны, как опытный охотник, у Николая мурашки пробегали по спине, и холод пронизывал всё тело, как тогда – в горах. Да и собаки начинали жаться к Николаю всё ближе и ближе, как бы ища поддержки и защиты, при этом, шерсть у них вставала дыбом. А ведь собаки у него, это две большие породистые лайки, хоть и были молодые, но не из робкого десятка, Николай, не раз, ходил с ними даже на медведя. А «Снежному человеку» он даже дал имя – Кузя, вспомнив про домовёнка Кузю, из далёкого детства, который был для него любимым сказочным персонажем.

Было в тайге ещё что-то, именно в районе Чёрного озера, что-то необъяснимое, сверхъестественное, что не давало покоя Николаю в его размышлениях. И всему этому он хотел найти объяснение, надеясь, что вместе с учёными из экспедиции, они смогут разгадать тайну этого загадочного озера. А Кузя, стал для Николая такой же неотъемлемой частью тайги, как и другие обитатели, с той лишь разницей, что его он ставил на одну ступень с собой, как равного из равных, стараясь без нужды не заходить на его территорию. Но если это и случалось, а владения Кузи находились как раз на пути к озеру, то егерь откупался водкой. Этому приёму его научили местные охотники. И действительно это помогало, потому что Кузя пропадал после каждого подношения, довольно на долго, то ли наслаждаясь эйфорией сладкой неги, толи мучаясь похмельем. А ведь первое время он сильно докучал Николаю, распугивая зверьё и ломая ловушки. Но со временем, они привыкли друг к другу, да и подношения, скорее всего, сыграли в этом не маловажную роль...

Глава третья

«Михаил и Юля, начало отношений»

В середине июля, группа из девяти человек, поездом, отправилась на Северный Урал в экспедицию. В дороге ничего экстраординарного замечено не было. Просто ехала весёлая, шумная компания, с песнями под гитару, с игрой в карты и с предвкушением интересного путешествия. Возглавлял группу профессор Борис Яковлевич, а его заместителем был Михаил, который как всегда, был в центре всеобщего внимания – много шутил, читал стихи и подбадривал новичков, особенно Юлю, уделяя ей всё больше и больше внимания, правда, пока ещё, просто, как старший товарищ. А Юля, уже была готова раскрыть перед ним своё сердце, начиная потихоньку влюбляться в Михаила. Самой любви она ещё не чувствовала, потому что не знала что это такое, а лишь иногда замечала в себе неумолимое притяжение к этому сильному и весёлому человеку, без внимания которого ей становилось скучно и грустно. Его шутки казались остроумными и уместными, а его умение читать стихи, просто восхищало Юлю, которая сама любила поэзию, особенно Есенина, Блока и Фета...

До этой поездки Юля даже не подозревала, что Михаил знает столько стихов. Иногда он говорил цитатами из книг, и вставлял в разговор удачный афоризм, того или иного Великого человека, а Юля, с большим для себя удовольствием, угадывала автора. Ведь она тоже любила книги, прочитав многих великих классиков на их родном языке. Будь то Гёте или Бернс. Однажды, когда они остались в купе одни, Михаил взял в свои руки руку смутившейся Юли и, тихим, искренним голосом прошептал:

*«Куда подевался мальчик,
Которым Я был когда-то.
Долгая старость – награда или расплата?
Куда улетают птицы,
Сколько лет сентябрю,
Понимает ли море, то, что Я говорю?
О чём листва поёт небесному бризу?
И откуда является Смерть, сверху, или же снизу?»*

– Кто это? – после некоторой паузы спросила Юля, зная многих авторов наизусть, но эти строчки она слышала впервые. Ей даже захотелось, чтобы это были его слова.

– Это Пабло Неруда, чилийский поэт. – Уже обычным голосом ответил ей он, заметив что сумел произвести впечатление.

– Я такого поэта не знаю... – искренне ответила Юля, ещё раз поразившись разностороннему кругозору Михаила.

– У меня дома есть пластинка с рок-оперой Рыбникова «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты», потрясающая любовная драма. Вернёмся, я приглашу тебя послушать. Придёшь? – заискивающе посмотрел в её глаза Михаил.

– Я не люблю драмы, а тем более Любовные... – кокетливо ответила Юля, опуская глаза в пол.

– У меня есть друга рок-опера «Юнона и Авось»... Правда, это тоже любовная драма.

Прости, я же не виноват, что Настоящая Любовь – это почти всегда сплошная Драма, но, именно в таких произведениях описывается Настоящая Любовь, о которой пишут все поэты. Думая, что без этого человеческая жизнь была бы слишком скудна и не интересна. Хотелось бы и мне самому испытать такую Любовь, хотя бы однажды, но пока что-то мне не встречалась девушка...

– Вот так уж прям и не встречалась ни разу? И что, правда, ещё ни разу не испытывал? Странно... Я слышала в институте, что ты в этих вопросах мужчина опытный... Даже немного страшновато с тобой один на один оставаться... – поддела Юля Михаила, желая посмотреть на его реакцию.

– Ну есть конечно кое-какой сексуальный опыт, но пока ничего серьёзного. Не везёт мне что-то с хорошими женщинами. Похоже, что так и останусь бобылём. А о том, что говорят в институте – не верь.

Всё лож и провокации! – Михаил не успел договорить, как в купе ворвалась шумная компания попутчиков, и ему снова пришлось шутить, рассказывать анекдоты и всякие увлекательные жизненные истории из жизни закоренелого холостяка. В общем, к концу их железнодорожного пути, скромная и застенчивая девушка смотрела на Михаила с нескрываемым восторгом.

Правда пару раз в «бочку с мёдом» свою «ложку дёгтя» подкинула её институтская приятельница Светка, которая ехала с Юлей в одном купе. Она очень настойчиво и вульгарно, по вечерам, когда они оставались в купе одни, рассказывала о «любовных похождениях» Михаила, чуть ли не в подробностях, словно сама принимала в них участие. А один раз, даже сказала Юле напрямую, что бы та не раскрывала рот на такого парня, как Михаил, добавив: «Не по зубам он тебе милочка...». Однако, это ещё сильнее раззадорило интерес девушки к Михаилу...

Экспедиция прибыла в Качнар 24 июля. К конторе охотхозяйства подъехал автобус, из которого вывалила шумная и пёстрая компания людей, имеющих на лице все признаки суетной городской жизни, но с явной улыбчивостью и приветливостью, что не очень-то наблюдалось в этих краях. Николай из среды своих будущих попутчиков сразу и безошибочно определил – кто есть кто. Седой и поджарый мужчина в возрасте, явно был руководителем экспедиции, а высокий и крепкий парень, скорее всего, был его

заместителем, об этом говорило их уверенное поведение и оценивающий обстановку взгляд.

Николаю они сразу понравились своей открытостью взгляда и уверенными командами.

– Не хлюпики, уже хорошо... – отметил про себя Николай.

А ещё, краем глаза, он заметил среди всей этой пёстрой толпы, хрупкую, белокурую девушку, близоруко озирающуюся по сторонам. Она инородным телом выделялась на фоне всего окружающего её пейзажа. Николаю даже показалось что она не из этой компании, а сама по себе приехала. Тем более, что выйдя из автобуса, она как-то насторожено отошла в сторонку.

– Может новая учительница? – подумалось Николаю.

Но после того, как к девушке подошёл высокий парень и они мило о чём-то перебросились парой фраз, Николай понял что ошибся, блондинка была из этой группы. Просто ему наверное захотелось чтобы она была не с ними, а сама по себе.

Руководство охотхозяйства и другое начальство посёлка вместе с профессором Борисом Яковлевичем отправилось в контору, обсуждать организационные и финансовые вопросы по предстоящей экспедиции, а Николай, подошёл к высокому парню и, протягивая руку, представился:

– Николай, ваш проводник. Как доехали? – Николай почему-то вдруг постарался быть максимально

приветливым, что ему было явно не свойственно. Но особого напряжения при этом он не испытал.

– Михаил... Спасибо, без особых трудностей, надеюсь, что они ещё впереди. – Ответил с улыбкой Михаил, пожимая руку проводнику и оценивающе измеряя его взглядом.

– Ну, глядя на вашу пёструю толпу, похоже что их действительно не избежать. – парировал Николай с такой же, как и у Михаила улыбкой и открытостью. Они оба заулыбались ещё сильнее, невольно переводя свои взгляды на окружающих.

Михаил сделал театральную паузу, откровенно оценивая своего будущего попутчика. Перед ним стоял невысокий, чуть выше среднего роста, крепкий парень, примерно лет тридцати пяти, может чуть моложе, может чуть старше, борода мешала определить точно.

У проводника был колкий и въедливый взгляд, сильная рука и подтянутый вид, выдававший в нём бывшего военного, о чём Михаил и спросил Николая в лоб:

– Вы бывший военный?

– Да, а как догадался? – неожиданно, для самого себя, заговорил на «ты», и как-то доверительно Николай, почувствовав необъяснимую симпатию к этому улыбчивому человеку по имени Михаил.

– Выправка, её батенька-с даже под телогреечкой не скроешь, многозначительно сказал Михаил, хотя на Николае не было никакой телогрейки, а лишь рубаха защитного цвета. Да и какая телогрейка, если на дворе лето и жара под 30 градусов.

– А как сюда попали, вы ведь явно не местный?
– в очередной раз огорошил проводника Михаил.

Николая восхитила хватка и наблюдательность этого человека, и вместе с тем, напористость, с которой он, сразу же, брал «быка за рога». Но Николай намеренно промолчал.

– Ладно, не буду вот так сразу лезть в Душу. Как-нибудь расскажешь, если конечно захочешь. – Михаил развернулся, и быстрым шагом, пошёл догонять начальство, скрывшееся в дверях конторы.

Николай стал внимательнее разглядывать остальных прибывших. И чем больше он наблюдал, тем больше понимал – работка предстоит не из лёгких. Невооружённым взглядом было видно, что наибольшая часть экспедиции – это явный балласт, с которым ещё предстоит повозиться. И лишь присутствие блондинки, которую он для себя отметил, и внимательно разглядывал, вселяло в Николая приятный, и вместе с тем непонятный, трепет...

Экспедицию разместили на пару дней в школе. Были каникулы и поэтому, присутствие посторонних людей никому не мешало. А за это время, Борис Яковлевич, Николай и Михаил, обсудили маршрут путешествия и подготовили необходимое снаряжение. Они предполагали провести в тайге почти месяц. Рано утром, 26 июля, запланировали выступить, а перед этим, надо было, как следует выспаться, отбой наметили на 10 часов вечера...

После ужина многие пошли спать, пытаюсь уснуть, но стояла невыносимая духота, из-за которой, невозможно было спать, да и волнение предстоящего похода накладывало свой отпечаток на внутреннее эмоциональное состояние людей. Мешало ещё и то, что солнце почти не уходило за горизонт. Николай, проверив лошадей и снаряжение, посоветовал всем намочить простыни и укрыться ими с головой, это, хоть и ненадолго, но освежало. Подобными ухищрениями он пользовался ещё в армии, находясь в горячих точках планеты...

Михаил сам упаковывал рюкзак Юли, проведя в нём тщательную ревизию. Он отбраковывал половину содержимого её туалета, отложив в сторону – будильник, небольшой электрический утюг, маникюрные ножницы, духи, вечернее платье, туфли на высоком каблуке, книги и некоторую другую мелочь, стараясь облегчить её ношу до минимума. Юля смогла отвоевать лишь расчёску, зеркало и духи, которые удалось отвоевать с трудом. После долгих сборов, споров и всякой возни, они вышли на улицу.

Хоть и было уже достаточно поздно, однако небо ещё не затянулось звёздной тьмой, солнце и не собиралось отдавать ночи её права. Было так жарко, что даже дуновение ветерка не освежало, а обжигало. Михаил взял Юлю за руку и повёл в школьный сад. Там они нашли лавочку, и присев на неё долго молчали, взяв друг друга за руки.

Не темнело, ночь лишь пыталась навалиться на день, накрывая землю, словно одеялом, через которое еле просматривалась звёздная пелена. Не сговариваясь, они устремили свои взоры к небу, где ели-ели были видны проблески звёзд, и даже казалось, что можно дотянуться до них руками и сорвать, как сказочные ягоды...

Дома, в родном городе, такого низкого неба Юля не видела, хоть и частенько смотрела на небо с балкона своей квартиры. Михаил, всё ещё державший в своих руках руку Юли, тихим, но уверенным голосом заговорил:

*«Душно без счастья в постели безумья.
Ночь бесконечно длинна без любви.
Жаль, безразлична плоть к равнодушью,
А звёзды как мухи, только лови.
Душно без счастья в постели безумья.
Ночь бесконечно длинна без любви.
К утру останутся только раздумья...»*

Михаил замолчал, тяжело вздохнув, и ещё крепче сжал нежную руку Юли. Не сговариваясь, они повернули головы друг к другу, и их взгляды встретились. После некоторого молчания, не отводя от её глаз своих, и выдержав на вздохе паузу, Михаил продолжил:

*«И что за дело мне до света,
Когда сидишь – Ты предо мной,
Когда моя рука согрета – Твоей,
Божественной рукой, когда с тобой,
О, дева Рая, Я провожу небесный час –
Не беспокоясь, не страдая, не отворачивая глаз...»*

После этих слов, Михаил резко прижал к себе Юлю, и крепко поцеловал в губы, одной рукой обнимая её за талию, а другой неслышно сдавив грудь. Юля не сопротивлялась, лишь после того, как он ослабил объятия, спросила:

– Чьи это стихи? Я их никогда не слышала.

– Это Михаил Юрьевич Лермонтов... Великий русский поэт... На мой взгляд, о чувствах, лучше него не писал ни кто, даже Пушкин. У Пушкина всё уж слишком легко, я бы даже сказал, как-то ветрено – пришёл, увидел, победил... А Лермонтов – это всё намного тоньше и чувственнее, трагичнее что ли, наверное, как и вся наша жизнь. Вот видишь, опять Трагичная Любовь – подметил Михаил. – Только она толкает людей на сумасшедшие поступки и даёт проявиться настоящим чувствам...

В голосе Михаила чувствовалась печаль одиночества. Он ещё раз тяжело вздохнул, от того, что немного слукавил, отвечая Оле на вопрос – «Чьи это стихи?», первые строчки были его собственные, можно сказать исповедь прошлой жизни. Слава Богу, он вовремя остановился, перейдя на стихи Лермонтова.

Ему почему-то не хотелось продолжать дальнейший разговор на тему Любви, и он слегка замкнулся.

Юля, почувствовав это, промолчала, не желая теревить Душу, ни себе, ни ему, лишь убрав руку Михаила со своей груди. Ей не хотелось сейчас ничего, ей и так было хорошо, от того, что она сидит именно с тем мужчиной, который ей нравится и который, читает ей стихи, похожие на признание в любви, а над головой, неизмеримо глубокое небо с полупрозрачными звёздами, горящими фейерверком, словно предвещая ей счастье. У Юли ещё никогда не было такого необычного романтического вечера, точнее уже ночи, от чего сердце стало биться ещё сильнее и сильнее...

Пауза сильно затянулась, создав между ними определённую неловкость. Чтобы как-то разрядить обстановку Юля решила ответить стихами на стихи, вспомнив Марину Цветаеву:

*«Сердце – любовных зелий,
Зелье – вернее всех.
Женищина с колыбели –
Чей-то смертный грех...»*

– Это точно... Тут даже и не поспоришь... Так оно и есть. – вновь глубоко вздохнув, сквозь зубы процедил Михаил.

– Может, пойдём спать? Уже, похоже, ночь. А ведь нам рано вставать, я очень волнуюсь, ведь у

меня это первое в жизни путешествие, да ещё такое опасное. – неуверенным голосом сказала Юля, как бы оправдываясь.

– Ты можешь ничего не бояться, ведь я же буду рядом. Только у меня к тебе одна просьба.

– Какая?

– Пожалуйста, Юленька, не отходи от меня в походе далеко, чтобы не случилось, будь всегда рядом и всё пройдёт отлично... Ведь я... Ведь я... Я кажется в тебя влюбился? – Голос Михаила слегка дрожал, он даже и не подозревал, что сказать слова Любви так тяжело.

После некоторой паузы, и осознания сказанного, Юля встала, и повернулась к нему лицом. Михаил тоже встал, опустив глаза в землю.

– Так кажется, или влюбился ... Что же ты замолчал?... – слегка взволнованным, но уже более уверенным голосом спросила Юля. Ей импонировало волнение Михаила, это говорило о его искренности.

Желая сменить щекотливую тему, он вновь сел на лавочку, и резким, но уверенным движением посадив себе на колено Юлю, и полушутливым тоном сказал:

– А ты знаешь, что всё в нашем Мире находится в движении и каждую секунду изменяется, в том числе изменению подвержена и Любовь. «Ничто не вечно в этом Мире» – как гласит древняя мудрость. По китайской философии наша действительность – это жизнь, вечно прибывающая в процессе текучести и изменений. Так называемое состояние – Дао!

– А я думала что Дао – это религия. – вставила своё слово Юля.

– Ну, в какой-то степени да... Наверное так оно и есть. Однако я бы этот принцип существования назвал – Философией мышления.

Михаил слегка задумался над чем-то, а потом продолжил:

– Как-то одного Чаньского монаха спросили: «Что такое Дао?», и его ответ был достаточно точен: «Прогуляемся!»

– Что значит – прогуляемся? – переспросила Юля.

– Ну-у, в том плане, что наша жизнь – это всего лишь лёгкая прогулка в «Отражённом Мире Сути». Философия Дао и Буддизма говорит нам о том, что не нужно сопротивляться движению жизни, а напротив, стоит принаравливаться к этому движению всеми своими поступками, не нарушая гармонии с природой и теми явлениями, которые в ней происходят.

– А что, разве философия Буддизма и философия Дао – это одно и то же? – сумничала Юля.

– Я считаю, что в принципе Да... Будда сформулировал свою философию перемен исходя из того, что все вещи преходящи и прибывают в непрерывном становлении и преобразовании. – Михаил сделал небольшую паузу...

– Ну, это почти как семейная жизнь, когда каждый из супругов пытается её наладить по-своему, в соответствии с индивидуальными ритмами своего

характера, а надо бы стараться жить в гармоничном движении взаимных уступок и добрососедства. В моём понимании «добрососедства» лежит сопричастность семьи с обществом, без влияния которого мы не можем прожить и дня. Так что, философия – это не такая уж и бесполезная штука, как многие хотят доказать.

– Я тоже не считаю философию бесполезной наукой. Вот только твои формулировки и примеры с семейной жизнью не слишком убедительны, так как Будда под понятием динамизма взаимоотношений подразумевал прежде всего – Душу. К тому же, он не призывал к гармонии с природой, как к чему-то, с чем стоит уживаться в соответствии с ритмами своего Духовного состояния. Мне кажется, что напротив, Будда говорил – что этот Мир не заслуживает привязанности, так как Душа прибывает в нём всего лишь мгновение, по сравнению с Вечностью... В Буддизме даже есть соответствующий термин – Сансара, что означает – Непрерывное Движение Духа... – ответила Юля, сделав паузу, чтобы Михаил смог переварить её слова.

А он был просто ошарашен. Как говорят боксёры – находился в состоянии Нокдауна. Нет, он конечно подозревал, что Юля не дура, но чтоб вот так, да ещё и в вопросах философии...

Юля, дабы устранить неловкую паузу, пояснила своё мнение, по вопросу философии, в более лёгком стиле:

– Конечно, как молодая глупенькая женщина, я могу в чём-то ошибаться, особенно в философии Буддизма, которая мне не совсем понятна своей отстранённостью от Мирского Бытия, где принцип движения поставлен во главу угла жизни, как абсолют, за которым сама жизнь почему-то и не видна. А как же тогда – Любовь, Семья, продолжение Рода наконец...

– Да-а... Ты как раз что-то говорил о любви... Прости я тебя перебила... Так что ты хотел мне сказать по этому поводу?

– Точно не знаю... Извини... Уже забыл... Или нет, просто не могу правильно сформулировать свои мысли... Пойдём лучше Юленька спать. Утро вечера мудренее... – Ответил Михаил, немного приходя в себя от столь бурного обсуждения вопросов философии. Он не привык, что кто-то берёт в разговоре с ним «бразды правления» в свои руки. Образованность Юли радовала и пугала одновременно. Но как умный мужчина, Михаил был всё же в предвкушении дальнейшего общения с Юлей, ощущая в ней не только духовны, но и сексуальный потенциал, к которому он всю жизнь стремился.

Михаил молча взял Юлю нежно под руку, и увлекая за собой, повёл в сторону школы...

Наступило утро 26 июля. Всю ночь, от волнения и жары, почти никто не спал, поэтому подъёма ждали с нетерпением. С первыми лучами

солнца лагерь зашевелился. Суэта сборов передалась даже собакам, которые металась между людьми и лошадьми, предчувствуя охоту, правда не понимая какую. Проводить экспедицию пришёл почти весь посёлок. Ещё раз, проверив снаряжение и подтянув у каждой лошади стремяна, Николай проворно вскочил в седло, подмигнув стоявшей неподалёку молодой женщине, которая в последнюю минуту сунула ему какой-то свёрток. Оглянувшись назад, он махнул рукой и тронулся первым. Михаил замыкал растянувшийся караван. Экспедиция медленно удалялась, растворяясь в утренней дымке горизонта. Народ провожал их молчаливыми взглядами, лишь одна бабулька, тяжело вздохнув, что тихо пробормотала и перекрестила удалявшихся в неизвестность людей...

Глава четвёртая

«Первые дни экспедиции»

Первый день похода прошёл без особых приключений, за исключением маленького инцидента. Проходя через небольшую речушку, один из членов экспедиции, молодой лаборант Вадим, упал с лошади в воду, чем сильно повеселил всех остальных наездников. Молодой человек слегка ушибся при падении локтем, но зато освежился в прохладной воде. При этом, купание пошло ему даже на пользу,

учитывая палящий зной полудня. Его примеру последовали другие. Кто-то стал обливаться, а кто-то просто умылся чистой прохладной водой из речки. Пришлось сделать привал, чтобы все желающие смогли охладиться, попить и пополнить фляги. Вода была прохладной и кристально чистой. Юля, встав на корточки, и сложив руки лодочкой, зачерпнула воды, чтобы напиться. Зубы слегка заломило от леденящей свежести.

– Какая вкусная вода! – отметила про себя Юля.

Она никогда в жизни не пила такой вкусной воды. Юля зачерпнула ещё, и умылась, с наслаждением ощутив прохладную нежность этой маленькой речки. Поднимаясь, девушка поскользнулась, но чья-то сильная рука не дала ей упасть, подхватив за талию и поставив на безопасное место. Это был Николай, оказавшийся рядом, как нельзя, кстати.

Юля помедлив, несильно его оттолкнула, почувствовав холодок возбуждения. Николай, не проронив ни слова, пошёл поить лошадей, под пристальным взглядом Михаила, который, уже спешил на помощь, к девушке, ощутив неловкость ситуации.

– Всё в порядке? – задал глупейший вопрос Михаил, не найдя более умных слов, чтобы поддержать девушку, и поняв это, сам смутился сказанному, отводя глаза в сторону.

– Да, всё хорошо, я просто слегка поскользнулась, а Николай меня поддержал. – и не желая продолжать разговор на эту тему, тут же, как восторженный ребёнок залепетала:

– Ты знаешь, вода такая вкусная! Ты уже попробовал? Интересно здесь во всех ручьях такая чистая вода? Я в жизни не пила такой вкусной воды! – восторгу Юли не было предела.

– Вкусная, уже попробовал. – буркнул Михаил, наклонившись к ручью и наполняя свою и Юлину фляги водой.

Он явно был недоволен собой, и тем, что случилось. Ведь это он должен был первым подхватить Юлю, а не проводник, к которому он претензий не имел. Лишь лёгкое чувство досады и ревности промелькнуло где-то в глубине его души. Юле вдруг стало неловко от сложившейся ситуации, и она не стала продолжать разговор, уловив смущение Михаила. Не нагнетая обстановку, она пошла делиться впечатлениями с другими девушками, которых тоже переполняли эмоции...

В первый день пути пройти удалось всего лишь километров двадцать. Учитывая контингент собравшихся, Николай не торопил события, давая подольше отдохнуть на привалах, видя, как многим, тяжело сидеть в седле, особенно девушкам. Днём мучила жара, а к вечеру комары и мошки досаждали своими укусами, помогали только мази, которыми запаслись члены экспедиции. А Михаила насекомые вообще не трогали, словно он был каменный. После ужина, сидя у костра, завязалась беседа на абстрактные темы, но усталость первого дня пути,

очень быстро сморила всех, не дав разговору перейти в конкретную дискуссию.

Николай особо в разговоры пока не вступал, помалкивал, присматриваясь к окружающим его людям, и смекал, о чём стоит говорить, а о чём лучше помолчать. Время откровенничать ещё не пришло, зачем зря пугать людей таёжными байками. Учитывая темп путешествия, до Кузиного камня, было ещё дня четыре пути. Николай обошёл лагерь, и, не заметив ничего подозрительного, подбросил в костёр дров и можжевельных веток. Осмотрев всех присутствующих членов экспедиции внимательным взглядом, он сам лёг спать. Но ему не спалось, сон не спешил окутать своей пеленой, лишь слегка сжимая веки, да и то, не от усталости. Николай не устал, для него движение в таком темпе было всего лишь лёгкой прогулкой. В Армии он пешим ходом преодолевал, куда большие расстояния. Лёжа на спине, проводник смотрел в небо, вслушиваясь в шорохи ночи, которые не предвещали ничего неожиданного – фыркали лошади, трещали угли в костре, кто-то сопел, кто-то храпел, кто-то ворочался, страдая от комаров. Лес тоже жил своей ночной жизнью, стрекоча, шурша и курлыкая. А молочное небо манило своим безмолвием, навивая философские мысли, своей бездонностью унося в потаённые уголки памяти, мешая полудрёму с явью...

Николай лежал на копне сена, вглядываясь в звёздное небо, и пытаясь отыскать созвездие Тельца, он нашёл это созвездие по самой яркой и красивой

звезде – Альдеборан. Правда, приглядевшись к этой далёкой звезде, Николай вдруг удивился своей прозорливости в вопросах астрономии, но, тем не менее, он точно знал, что эта звезда именно Альдеборан. На своём правом плече он ощущал приятную тяжесть женского лица. Рядом лежала Юля, положив свою голову ему на плечо, и сладко посапывая. Её длинные белые волосы щекотали ему нос, но он терпел, боясь пошевелиться, чтобы не разбудить это хрупкое, нежное создание, затихшее у него в объятиях, в сладкой неге ночного безмолвия. Мысли ни как не хотели собираться в кучу, расплывшись по небу бусинками звёзд, словно прекрасные глаза – той единственной, что спит у него на груди. Вдруг она проснулась, и, приподняв свою голову, склонилась над ним, расплывшись в светлой улыбке. Николай напрягся в предчувствии нежного поцелуя...

Но, почувствовав горячее дыхание на своём лице, Николай открыл глаза. Перед собой он увидел морду лошади, которая склонилась к нему словно желая поцеловать. Ещё не совсем осознавая реальность происходящего, Николай, отмахнувшись от животного, и не желая выходить из сладкой сказки блаженства, повернулся на бок и попытался опять уснуть.

Лежал он так недолго, всего несколько минут, сон больше не брал его. Николай резко встал, достал флягу, плеснул из неё себе в руку и умылся, смахнув с лица остатки сна...

Лагерь ещё спал, лишь первые лучи солнца пробивались сквозь лапы мохнатых лиственниц, разбросав золотые отблески по чистому небу. Николай посмотрел на часы – 4:50.

– Приснится же... – толи вслух, толи про себя, сказал Николай, оглядывая сонное царство.

Он ошибся, спали не все, Михаил брился в сторонке, приладив к дереву небольшое зеркало. Он был бодр и свеж, и явно, встал уже давно, об этом говорил подогретый на костре чайник. Странно, что Николай этого не услышал. Его собаки с интересом наблюдали за Михаилом, похоже, что он им тоже нравился, животные особенно хорошо чувствуют людей. Они лежали недалеко от Михаила и с особым вниманием следили за каждым его движением. У Николая, как и у его собак, этот мужчина вызывал всё большее уважение, видя как дотошен тот в мелочах, даже бреется, встав пораньше, чтобы быть приятным и свежим, показывая пример другим. Николаю самому захотелось побриться, но порыв быстро улетучился, уступив место текущим делам наступающего дня...

Юля проснулась от лёгкого поцелуя в щёку. Одновременно с этим прикосновением, она почувствовала знакомый и приятного запах Михаила, вперемежку с полевыми цветами. Открыв глаза, она действительно увидела Михаила, гладко выбритого и свежего, с улыбкой на лице, и с букетом из лесных трав и цветов в руке. Она лениво потянулась, поднимая вверх руки, и улыбнулась ему в ответ.

Потом обняла его и поцеловала в щёку, вдыхая аромат душистых трав и цветов. О, как бы ей хотелось, чтобы вот так было всю жизнь, он будил бы её ароматом своего тела и нежной улыбкой губ и глаз, светящихся любовью к ней. Наверное, об этом романтическом периоде мечтает каждая женщина, но мечты, на то они и мечты, чтобы лишь изредка становиться явью. Но сейчас это явно был не сон, а если и сон, то очень и очень приятный...

– Спасибо. Ты прелесть... – опуская руки, прошептала Юля.

– Я знаю, и надеюсь всегда быть таким. Только поцелуй мог бы быть и погорячее... – Слегка самонадеянным тоном ответил ей Михаил, помогая Юле подняться.

Пока народ умывался, завтракал и делал свои дела, Николай, Михаил и Борис Яковлевич корректировали маршрут и темпы его прохождения, планируя преодолевать в среднем по тридцать-сорок километров за день пути. Учитывая, что дорога поднималась в гору, эта задача требовала определённых усилий для всех членов экспедиции. Николай надеялся, что намеченная перспектива им под силу.

В 7:30 тронулись в путь. К полудню прошли около двадцати километров и сделали привал. Потом, учитывая жару и относительно крутой подъём, движение замедлилось, и в 15:30 сделали ещё один привал.

Пока женщины готовили еду, мужчины присели на камни под выступом, который отбрасывал тень. Кто-то посетовал на жару, отметив, что даже камни от неё изнывают. Борис Яковлевич с серьёзным выражением лица подхватил эту тему, как повод для разговора:

– А вы знаете, что основной источник тепла наша Планета получает не столько от Солнца, сколько за счёт Космической пыли.

– Это как? – недоумённо вопрошал лаборант Вадим.

– А вот так. Попадая в атмосферу планеты пыль сгорает, нагрев её до определённой температуры, благодаря чему, даже без солнечного света, становится возможным существование тепловых форм жизни. На всех планетах любой солнечной системы, где есть атмосфера, благодаря этому – тепло, почти так же, как на Земле. Более того, ежегодно, в конце Августа, когда Земля входит в метеоритный пояс, как раз и происходит разогревание верхних слоёв атмосферы. Это явление нам всем известно, как – Бабье Лето. – Профессор явно был доволен своим ликбезом, видя заинтересованность практически всех присутствующих.

– Странно, но я не знал о подобном явлении. – честно признался Михаил, первым нарушив молчание.

– А я этот метеоритный дождь действительно наблюдаю каждый август... И даже в сентябре бывает звездопад... Забавно... – проговорил как бы в никуда Николай.

– Точнее говоря, о явлении этом я знал, но не думал, что именно оно влияет на потепление. – как бы оправдываясь перед Борисом Яковлевичем добавил Михаил.

– Интересно, а если вдруг «Ядерная Зима»? – спросил кто-то из присутствующих.

– Тепло выделяет и сама земля, и опавшие листья, и сгнившие корни деревьев. – продолжил тему Борис Яковлевич. – Вы когда-нибудь пробовали засунуть руку в перегнутой?

Все дружно замотали головами, явно никогда не занимаясь сельским хозяйством.

– Так вот, внутри перегнутой такое тепло, что рука не выдерживает. Да и сам человек является носителем тепла не потому, что его нагревает Солнце, а потому, что в нём есть Душа. Отсюда кстати и такое странное, на первый взгляд, выражение – «Теплота Души». Это не просто метафора, это Суть нашего Бытия. Я бы охарактеризовал эту субстанцию, как – Холодную Плазму Мыслеформ. То, что Душа существует уже научно доказано. Более того, американские учёные сумели вычислить её плотность – 56 грамм в кубическом метре. Для сравнения скажу, что плотность воздуха – 1205 грамм на тот же объём. Не правда ли, Забавно... как сказал Николай... – Борис Яковлевич усмехнувшись, посмотрел в сторону проводника, явно подталкивая того принять участие в разговоре. Но Николай молчал, внимательно слушая профессора, не желая вступать в дискуссию, тем более что данная тема ему была неведома.

– А причём тут тепло Земли и Душа? – задал логический вопрос самый молодой участник экспедиции Вадим.

Борис Яковлевич, ещё раз усмехнувшись, продолжил:

– Всё очень просто и сложно одновременно... Человек, как живое и разумное существо выделяет Холодную Плазму Мыслеформ, существование которой доказано французскими учёными Де-Рошем и Дюрвилем, эти Мыслеформы и являются источником энергии всей Солнечной системы, от себя же я добавлю, что и камни, животные, и растения, и даже трава, имеют Душу.

– Ну тогда получается, что и животные, и растения, и даже камни тоже выделяют Мыслеформы, раз они живые и разумные. – подхватил эту мысль Михаил.

– Именно так, но в меньшей форме, ибо они не совсем разумные, только Светлая Душа Человека, наполненная Добрými Мыслеформами, влияет на весь окружающий нам Мир... – продолжил профессор, всё больше вызывая интерес у окружающих. Даже женщины стали прислушиваться к разговору.

– Тогда получается, что основными источниками энергии Солнца являются все живые существа и прежде всего человек...

Но... Есть некая несостыковочка. – заметил Михаил, посмотрев на улыбающегося профессора. – Ведь температура Солнца составляет – почти 5000 градусов! А температура человека меньше 40 градусов,

как быть с этим фактом... Однако версия очень интересная...

Борис Яковлевич, заметив, что все взгляды направлены в его сторону, сделал многозначительную паузу. Затем встав с камня, он взял фляжку, выпил воды и продолжил свою лекцию, прохаживаясь перед сидящими товарищами туда-сюда, как в студенческой аудитории.

– Действительно, основным поставщиком энергии для Солнца и для других Звёзд, являются Мыслеформы. Но, не только современного человека, живущего на планете Земля, но и населявших нашу Солнечную систему в прошлом, в том числе и на других планетах, Звёзды – это аккумуляторы энергии.

– А что, на других планетах тоже была Жизнь?
– недоверчиво поинтересовался лаборант Вадим.

– Вы что молодой человек, вправду думали что за миллиарды лет существования Вселенной мы с вами единственные разумные существа во Вселенной. Да само наличие Звёзд на небе говорит о том, что различных форм разумной жизни во Вселенной – было и есть Множество. Астральные и Ментальные поля умерших и живых людей, выраженные в их Мыслеформах, попадая в центр нашей планетной системы, то есть в ядро Солнца, взаимодействуют между собой и, вследствие трения, разогреваются, достигнув температуры в 5000 градусов. Хотя лично для меня такая температура Солнца – это большой вопрос. Даже если термоядерная реакция, происходящая внутри Солнца, да и всех остальных

Звёзд, происходит именно с такой температурой, то это всего лишь сопутствующее явление Холодной Плазмы, как основной энергии Мыслеформ. Примером тому может служить Шаровая Молния, являющаяся мощным сгустком энергии Души. И я не думаю, что температура Шаровой Молнии составляет – 5000 градусов. Кстати, эта высокая температура Солнца лишней раз подтверждает, что человечество в нашей солнечной системе живёт уже очень давно. Ну как минимум несколько сотен миллионов лет...

– Сотни миллионов лет??? – глаза Вадима, да и всех остальных, выражали явное удивление, если не сказать, больше чем удивление.

– А почему тогда в истории нет хоть каких-то свидетельств, подтверждающих эту догадку? – поинтересовался Николай, до этого сидящий полулёжа у камня и не проявляющий уж слишком явного интереса к разговору. Но с каждым последующим словом профессора, в голове у него стали проплывать сюжеты из его последнего армейского задания в горах Гиндукуша. Он припомнил и тот загадочный свет, струящийся из неоткуда, и как он парил в облаках.

Борис Яковлевич видя появившийся интерес к теме у Николая, заговорил с ещё большим энтузиазмом, глядя в его сторону:

– Всё дело в том товарищи, что свидетельств много, их просто не выставляют на всеобщее обозрение, по возможности стараясь и вовсе умалчивать, а порой и уничтожать, дабы не менять сложившуюся историческую, научную и самое главное,

политическую и религиозную догматику того Миропорядка в котором мы с вами живём. Но это не касается наших далёких Предков, которые знали о Космическом Мироздании гораздо больше чем современная наука... Например, в Ипатьевской летописи конкретно пишется, что Бог Сварог – Отец Солнца, а мы все соответственно – Его Дети, Сварожичи. И это, к вашему сведению, так называемое – Варварское Язычество. Заметьте, в Христианской религии люди – Рабы Божьи, а во времена Язычества были – Его Дети. Ещё один пример приведу из Древнеиндийского языка, Санскрита, где существует 49 наименований различной формы проявления огня и света... Но, только понятия огонь Солнца и огонь Мысли звучат одинаково – Тайджаси! Именно это говорит нам о том, что древние знали – где хранятся и зарождаются Мысли, и какую Энергию они в себе таят...

Николай поднял вверх руку, как в школе, прося слова. Борис Яковлевич замолчал, внимательно всматриваясь в лицо этого сурового человека, в глазах которого угадывался огромный жизненный опыт. Николай негромко заговорил, оглядываясь в сторону женщин, явно не желая, чтобы они слышали то, что он скажет:

– Про то, что некоторые знают больше чем современная наука я, пожалуй, соглашусь. Примеров лично у меня в жизни было предостаточно, в этом вы и сами убедитесь очень скоро, думаю, что наша

экспедиция будет тому подтверждением. Но, я не об этом хочу сказать, я тут вспомнил один случай, произошедший со мной в Африке... Я тогда не придавал ему должного значения, более того, он мне показался всего лишь забавным и странным стечением обстоятельств... Однако после Ваших слов у меня в голове всплыли кое-какие подробности того необычного приключения...

Николай не успел договорить, как женщины позвали всех обедать, разливая по тарелкам суп, сваренный из консервов...

Пообедав и отдохнув, двинулись дальше. Они поднимались по склону небольшой горы поросшей кустарником и редкими деревьями, из густой свалевшейся травы торчали многовековые валуны, заставляя людей и лошадей петлять между ними. Конечно, можно было бы, гору и обойти по лесной дороге, но это был бы лишний день пути. Поэтому приняли совместное решение идти напрямик, ведя лошадей за собой. Несколько раз собаки, почуяв какую-то дичь, срывались по следу, но Николай их останавливал, резко прикрикнув, а они с непониманием смотрели на него, не смея послушаться. Им было трудно понять, что главная охота ещё впереди...

К вечеру третьего дня пути Юля устала, но эта усталость перемешивалась с чувством душевного удовлетворения от увиденной ею окружающей красоты,

неведомой доселе городской девушке. Она утоляла свой информационный голод познанием дикой природы в её первозданной искренности. Поднявшись на гору, в понимании Юли, хотя горой её можно было бы назвать с натяжкой, перед ними открылся потрясающий по красоте закат. Скрывающееся за дальними вершинами гор Солнце, отражалось своим багрянцем в водах небольшой реки, протекающей между сопками, и убегаящей серебристо-багровой ленточкой куда-то вдаль. Лёгкая дымка редких облаков, смотрелась красно-розовым мазком на фоне глубокого синего неба...

Во время подъёма в гору, Михаил шёл пешком, держа за поводья свою лошадь и лошадь Юли, а ей было стыдно, сидя на лошади показывать свою усталость, и она старалась держаться в седле ровно, хоть у неё это и плохо получалось. Оглядываясь украдкой назад, Николай с восхищением смотрел, как неуклюже, но уверенно, держится в седле это хрупкое создание. Непосредственной детской наивностью Юли любовался и Михаил, замечая, как она радуется каждому новому цветку, вспорхнувшей из кустов птичке, или своему очередному открытию чего-то нового в первозданной дикой природе, в которую она явно не вписывалась. Было просто восхитительно наблюдать, как она гонялась за ящерицей, а поймав её за хвост, потом долго и испуганно удивляясь, когда этот хвост остался у неё в руке, а ящерица убежала. Как она приветливо улыбалась ему – Михаилу, не

смотря на свою усталость. А он подбадривал её, как мог, стараясь сделать путь приятнее, то читая стихи и делая глупые комплементы, то просто даря ей попавшиеся на пути цветы.

Третья ночь свалила всех моментально. Как только солнце закатилось за горизонт, все уже спали, даже не став ужинать, а лишь попив чаю с сухарями. Свалился и уверенный в своих силах Михаил, державшийся до этого в седле как заправский наездник. Он устало прилёг рядом с Юлей, и как все, уснул опьяненный свежей прохладой лёгкого ветерка, дувшего с реки.

Лишь Николай сидел у костра, держа в руках кружку с чаем, и любясь языками пламени, уходящими в небо отблесками искр, взметавшимися вверх от сгоревших веток можжевельника, что подбрасывал в костёр проводник. Огонь и вода завораживают. Николай заметил уже давно, что эти две противоположные стихии, словно притягивают взор, заставляя Души людей трепетать. Он не раз размышлял об этом странном явлении природы, которое цепляет что-то внутри, но так и не находил для себя приемлемого ответа – почему людей так манит огонь и вода, притягивая их взоры как магнитом?

Огонь потихоньку угасал, отбрасывая на окружающие предметы чуть заметные блики. Проводник, почувствовав, что камень на котором он сидел холодеет и начинает тянуть тепло из него, встал. Добавив в костёр дров, он настороженно

прислушался. Сильный порыв ветра раздул пламя, пробежав лёгкими мурашками по спине Николая. Собаки, тоже наострили уши, почуяв что-то чужое и недоброе, но это что-то, было явно далеко, иначе, они бы уже вскочили и дали ему знать. Николай ещё раз прислушался, и, не услышав ничего более подозрительного, кроме обычных лесных звуков, пошёл спать к ближайшему дереву, расстелив потник и положив под голову седло...

Михаил зашёл в воду, но он не чувствовал её, вода, как будто была эфемерной – ни холодной, ни тёплой, никакой! Её поверхность лишь чернела своим отражением, как затемнённое стекло. Он шёл медленно, погружаясь в эту субстанцию чёрной глади. С высоты его глаз вода казалась действительно Чёрной, но когда вода подступила к горлу, и он нырнул, она оказалась кристально чистой и настолько прозрачной, что даже создалось впечатление, что её и нет вовсе. Не чувствуя тяжести тела и не задумываясь о дыхании, Михаил парил в глубине прозрачных вод, словно в невесомости Космоса, где так же было пустынно и жутковато. Не было не рыб, не растений, лишь голые чёрные камни на дне, от которых и вода казалась чёрной. Михаилу показалось, что он находится под водой уже целую вечность, но нехватки воздуха не ощущалось, он не задышался – он просто не дышал. Эта потребность почему-то отсутствовала в его мозгу. Когда он всё же решил всплыть, насладившись невесомостью своего тела, в глубине

озера промелькнула какая-то крылатая тень. У Михаила перехватило дыхание от увиденного, и он быстро стал всплывать. Лишь вынырнув, он почувствовал, как к его горлу подкатил удушающий ком нехватки воздуха. Он захлёб стал хватать ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. С трудом откашлявшись и надышавшись, Михаил поплыл к берегу. Выходя из воды, он увидел на берегу Николая, сидящего у костра с кружкой чая в руках, а из соснового бора, позади него, с копьями наперевес, бежали люди, одетые в звериные шкуры. От увиденного Михаил опешил, а Николай продолжал спокойно сидеть у костра, думая о чём-то своём и не замечая нападавших. Это было тем более странным, ибо люди в шкурах что-то кричали, но что именно Михаил не мог разобрать. А Николай всё сидел у костра как каменная статуя. Михаил хотел крикнуть ему о надвигающейся опасности, но удушающий ком опять сдавил ему горло, не давая выронить ни слова. Он побежал, споткнулся, упал, вновь поднялся и вновь упал лицом в воду...

Поднявшись, Михаил смахнул с глаз капли влаги, и застыл от удивления. Николай по-прежнему сидел возле костра с кружкой чая и с каменным лицом, но людей в шкурах и с копьями почему-то не было видно. Михаил опешил, ведь всего лишь несколько секунд тому назад он видел нападавших и даже слышал их устрашающие голоса. Но сейчас берег был пуст, и ничто не нарушало спокойствие сидящего

у огня Николая, либо задумавшегося, либо впавшего в полудрёму. Вдруг вода вокруг Михаила забурлила и закружилась, словно в водовороте. Он вновь рванул к берегу, и снова поскользнувшись, упал в воду, лицом вниз...

В очередной раз, поднявшись и пристальнее взглядевшись в берег, Михаил замер от ужаса! Нападавшие «дикари» вновь появились и были уже совсем рядом с костром, более того, один из нападавших даже метнул в Николая копьё. Михаил закричал, снова рванулся вперёд, и вновь упал...

Михаила трясло, холодный пот крупными каплями сползал со лба, заливая глаза. Он вскочил, смахивая с лица влагу, как назойливую муху, не осознавая своих действий. Его футболка была мокрой насквозь. Лучи яркого солнца, поднимающегося из-за дальней горы, слепили глаза. Прищурясь, Михаил осмотрелся. Николай сидел у костра с кружкой чая в руках и смотрел на огонь.

Никакого озера и никаких «дикарей» не было и в помине. Лагерь ещё спал, видя сны, и скорее всего, более приятные, чем тот сон который приснился Михаилу...

– Чаю можно налить? – спросил Михаил, подойдя к проводнику со своей кружкой.

– Без проблем, только осторожнее – горячий, я его только что заварил. – ответил Николай, наливая из чайника в подставленную Михаилом кружку.

– Он крепкий, может разбавить?

– Нет, спасибо, мне как раз сейчас нужен покрепче и погорячее. – негромко ответил Михаил, успокоившись.

– Приснилось что? – спросил Николай, глядя на влажную майку товарища, и на то, как он жадно пьёт чай, обжигая губы, ему было знакомо подобное состояние.

– Да так, ерунда, не стоит внимания. – Михаилу явно не хотелось продолжать разговор, но про себя он подумал:

– Присниться же такое, и к чему бы это? Да и к тому же так всё было явно, что до сих пор всё ещё колотит, хорошо, что кроме Николая, все остальные спят...

Николай не стал нагнетать обстановку, молча попивая крепкий чай, вприкуску с сухарями. Михаил был ему за это благодарен, они явно понимали друг друга. А тем временем, их лагерь потихоньку начинал просыпаться навстречу новому дню, и новым приключениям. Борис Яковлевич тормошил заспавшихся, а молодёжь, отшучиваясь, нехотя поднимала свои тела от земли, не сильно торопясь прыгнуть в седло. Вчерашняя усталость ещё не отпустила непривычных к таким переходам людей...

Их растянувшийся караван гудел как улей, медленно сползая с горы к речке вниз, в предвкушении живительной влаги. Николай, визуально, ещё сверху, уже выбрал брод, двигаясь впереди колонны. Михаил, как всегда ехал позади всех. Речка была не глубокой, но быстрой, правда это не доставило особых хлопот. Перейдя её, решили сделать привал на другом берегу, чтобы напоить лошадей, набрать воды, поесть и искупаться. Пока одни разводили костёр, а другие купались, Николай наловил рыбы в небольшом тихом затоне, где та отдыхала от бурного течения. Рыбы здесь было настолько много, что ему не составило особого труда поймать её голыми руками. Костёр потрескивал углями, выбрасывая всполохи пламени, языки которого облизывали закипающий котёл, словно огонь был голодным, как и все те, кто сидел вокруг костра, в ожидании ухи.

Женщины чистили рыбу. Николай суетился у котла, подбрасывая в него специи, пшено, морковь и картошку. Михаил с двумя подручными собирал грибы в лесу, благо, что и ходить далеко не пришлось.

Борис Яковлевич, вскипятив воду и заварив чай, изучал карту, фиксируя пройденный маршрут, и что-то записывая в свой походный блокнот.

Уха удалась на славу, да и шашлык на палочках из грибов с поджаристым чёрным хлебом, приготовленный Михаилом заслуживал уважения и наслаждения, под такую закуску Борис Яковлевич даже разрешил выпить. У Николая на этот счет бутылка

Водки всегда была под рукой. Разомлев немного, от еды и питья, народ потянуло на разговоры...

– Борис Яковлевич, а почему вы выбрали именно Урал для своей экспедиции, ведь, наверное есть места и поинтереснее чем эти? – задал провокационный вопрос Николай.

Борис Яковлевич явно оживился, видя неподдельный интерес слушателей, к тому же ему и самому хотелось поговорить с Николаем на эту тему, но он не знал, как начать разговор, слегка побаиваясь, этого на первый взгляд, сурового человека.

– В позапрошлом году мы были на Кольском полуострове, изучали обычаи и легенды Лопарей, дошедшие до нас из глубины веков Крайнего Севера. От наших Пращуров, до нас эти знания древних цивилизаций дошли в виде заложенного в эти легенды определённого смысла, не требующего доказательной базы, а существующего в ноосфере земли, как некое энергетическое поле знаний. Я вам уже начал об этом говорить, имея в виде человеческие Мыслеформы, которые не исчезают в пространстве, а концентрируются в Звёздах, таких, как наше Солнце, например. Сами же легенды, являются неким смысловым ключом к источнику этих знаний. Из этого источника человек и черпает, я надеюсь, и в дальнейшем будет черпать свою историю, в виде всё тех же легенд, сказок и мифов, не требующих каких либо подтверждений, а лишь открывающих в сознании людей дверцу, с названием – Родовая Память. В

сказках заложен огромный смысл, первичный по своей Сути, как универсальный ключ к двери познания, который каждый из нас впитал с молоком матери, с самого рождения. Вот только не каждому эта дверца может открыться, и не каждому понятен смысл нашего существования. Незря же существует древняя мудрость – «Познай себя, и ты познаешь весь Мир!». Наша История, как я уже говорил, гораздо более древняя, чем принято считать, и истоки её находятся, как раз где-то на Севере... Возможно, что именно здесь – на Северном Урале...

А тут как раз и подвернулось предложение с этой экспедицией. Как говорить – «Не было бы счастья, да несчастье помогло»... Вот вы Николай, ведь наверное не очень-то верите, что произошли от обезьяны? – Борис Яковлевич лукаво улыбнулся, подбивая собравшихся у костра на откровенный разговор, желая в непринуждённой обстановке разговорить окружающих.

– Нет, не верю... Я верю в некий Высший Разум, который и заложил, как вы говорите, во всё наше существование некий смысл, который мы, Люди, пытаемся отыскать где-то за пределами нашего существования. Хотя... На самом деле, по моему разумению, смысл заложен внутри каждого из нас, ведь только мы сами, познав себя в своей, как вы говорите – Сути, можем познать и смысл всего нашего существования. И лишь в слиянии с природой и в гармонии с самим собой каждый можем обрести покой

и удовлетворение на этой Земле, в рамках той жизни, которая отпущена нам судьбой.

– А как же Бог, который нас всех создал и в которого верит большинство людей на Земле? Спросила одна из женщин.

– Нет, Бог, конечно же, существует, но не в том понимании, которое нам навязывают различные религии. Бог – это нечто Другое... Это То, что находится у каждого – Вот Тут! – и Николай приложил руку к Сердцу. – Если Бог в Тебе, то посредники между Тобой и Им не нужны... Вот как Я считаю...

Юля, как и все остальные, слушала Николая открыв рот, никто не ожидал услышать от этого хмурого и немногословного человека, такой содержательной и уверенной речи.

Разговор становился всё интереснее и интереснее, даже те, кто уже прилёг отдохнуть, стали подтягиваться к костру, с молчаливым интересом поглядывая то на проводника, который, явно вызывал повышенный интерес у присутствующих, то на профессора.

– И ещё, я считаю, что мы не одни на этой планете. Я не берусь судить о происхождении тех или иных существ, но я точно знаю, что параллельно с нами живут другие сущности, с которыми, хотим мы того или не хотим, нам приходится считаться, и скоро вы сами в этом убедитесь. Вот только, мне не хватает знаний осмыслить всё это, хотя, может быть, нам всем

не хватает этих знаний. – Николай явно хотел выговориться, но не был уверен, что поступает правильно, так как не был уверен в том, что его правильно поймут. Но выпив Водки для храбрости, он готов был высказаться.

– Вот с этим я как раз полностью согласен. – вступил в разговор Михаил. – Знаний нам как раз и не хватает, за этим мы сюда и пожаловали, чтобы с помощью тебя эти знания и пополнить. А если подходить философски к вопросу осмысления нашего существования, то проблема нашей цивилизации находится не столько в плоскости географической и космопланетарной, сколько в ноосферной. Ибо, границы нашего бытия проходят не по суше, или по морю, а по нашим Душам, проникая через сердце в глубь нашего сознания, из которого мы и черпаем глубину присущих только человеку чувств, с названием: Вера, Любовь, Страсть, Надежда, Истина, Дух... Хотя, Любовь, скорее всего, большее чем просто чувство – это Сверхчувство! И это ощущение Сверхчеловечности дано пережить не всякому, но в конечном итоге, всё приводит к одному концу, к – Неизбежности. Ибо весь наш жизненный путь уже давно предрешён кем-то Свыше. – вздохнул Михаил, поглядывая на Юлю...

– Я бы молодые люди хотел бы дополнить слова Михаила ещё одним немало важным фактором. – Борис Яковлевич явно волновался, подбирая слова, не в силах сдержать нахлынувших позитивных эмоций.

– Величие и историческое бессмертие народа определяется его Духовной культурой, способной донести эту Духовность, через потомков, будущим поколениям людей, и именно это сумели сделать малые народности нашего Севера. В связи с этим, наша цивилизация является, увы, антиподом варварства, где войны и разрушения стали нормой жизни. И вполне возможно, что на какой-то стадии развития человечества, некоторые ветви древних цивилизаций, не приняв устоявшуюся Неизбежность, ушли в параллельные Миры. Я даже не сомневаюсь, что они имеют место быть, наравне с нашим Миром, где мы мним себя главенствующей цивилизацией, а на самом деле, являемся лишь зеркальной тенью других Миров, связь с которыми и является Неизбежной составляющей наших взаимоотношений.

– Проще говоря, мы не можем существовать друг без друга, соприкасаясь, во времени и пространстве, в некой определённой точке, которая называется портал, или временные ворота, через которые, иногда, мы можем попадать в параллельные Миры, без особых проблем. Но это только гипотетически, а на самом деле... Чёрт лишь знает, как это всё бывает... – скаламбурил Михаил, подытожив разговор.

– А почему же тогда, мы не знаем ни одного случая контакта с этими параллельными Мирами? – спросил кто-то из молодых людей, сидящих возле костра.

– Так вот, отвечаю на ваш вопрос. – Борис Яковлевич всё не унимался, явно поймав своего конька, и почуяв благодатную почву.

– А домовые, лешие, кикиморы и прочая нечисть – это разве не образы контактов с параллельным миром. Наши предки называли его – Навий Мир. Уральские горы, в древности назывались – Рипейские или Гиперборейские горы, за которыми была Великая страна Гиперборея. По приданиям Греков – страна замёрзшего сердца Бога Борея, Бога снегов и ветров, где солнце светит круглый год, являясь любимой обителью самого Аполлона, Бога-Солнца. Так утверждали древние Эллины.

Эти древние Боги, коих множество в разных эпосах, скорее всего и являются существами других цивилизаций, ушедших когда-то, либо под землю, либо на небо. И это, ещё раз подтверждает, что наши предки владели более развитыми технологиями, чем мы сейчас. Они умели строить, летать, знали законы гравитации и антигравитации, расщепления атомов, и не только знали, но и умело применяли всё это в своих интересах. Именно они научили людей всему тому, что мы умеем и знаем сейчас.

Существует множество артефактов и древних манускриптов, подтверждающих это, но спрятанных от людских глаз в секретных хранилищах различных тайных организаций. Сам Александр Македонский владел тайными знаниями древних, якобы побывав за Рипейскими горами. Вообще с Александром Македонским связано очень много всяких загадочных

историй, касающихся Севера, но это отдельная тема, затронем её как-нибудь в другой раз. Да, кстати, поддерживая теорию, о том, что мы не одни на Земле, я хочу заручиться, в этом вопросе, позицией очень уважаемого мной учёного Циолковского Эдуарда Константиновича, потому, что он тоже не исключал существования параллельных Миров. Более того, к нему приходили и с ним общались некие Ангелоподобные существа, с которыми он, якобы, неоднократно беседовал, почерпнув многие свои знания о строении Космоса именно из этих самых контактов. И вообще, стремление познать Мироздание было у многих древних философов, которые обсуждали эту тему на различных диспутах, оставив после себя горы томов разных книг. – Борис Яковлевич сделал небольшую паузу, пытаясь восстановить теряющуюся нить конструктивного разговора, но, не заметив желания у кого-либо из присутствующих завязать дискуссию, продолжил дальше свой монолог:

– Здесь на Северном Урале, по легендам народов ханты и манси, могут быть определённые древние свидетельства существования, как и порталов в параллельный Мир, так и следов древней Гиперборейской цивилизации. Может все те люди, что пропали за последнее время, как раз и оказались в параллельных Мирах, ведь мёртвыми их никто не видел, значит, они могут быть где-то тут, рядом с нами, но в другом измерении. Надеюсь, что мы, хоть на чуть-чуть, приблизимся к этим тайнам, изучив эти

места, а быть может и отыщем что-то невероятное и интересное. Чем Чёрт не шутит, как сказал Михаил.

– Что-то вы слишком часто стали Чёрта поминать. – заметил Николай. – Не к добру это, давайте лучше спать ложиться, чтоб завтра, до первой моей заимки, засветло дойти.

– А что это за заимка? Там какая-нибудь речка или другой водоём есть, а то нам, женщинам помыться бы хотелось, если возможно? – осторожно спросила Юлия.

– Завтра дойдём, и сами всё увидите. – интригуяще ответил Николай. – Мимо точно не пройдем, привал у нас там будет основательный. Ну и баньку для женщин попробую организовать.

– Банька... Это хорошо... – нараспев повторил Михаил.

Народ, укладываясь спать, под впечатлением услышанного, всё ещё долго не мог уснуть, негромко переговариваясь между собой, но постепенно усталость взяла своё, и через час лагерь уже спал, посапывая и похрапывая. Лишь Николай ещё долго обдумывал слова профессора, рисуя в своей голове различные замысловатые сюжеты, касающиеся параллельных миров и иных форм существования...

Глава пятая

«Борис Яковлевич – учёный без страха и упрёка»

Борис Яковлевич был из семьи репрессированных интеллигентов, его отец – Яков Михайлович, ставший известным учёным Петербургской Академии наук ещё до революции, сгинул в застенках Лубянки в конце тридцатых годов, а их с матерью сослали в Сибирь. Такое было время. Отца Борис Яковлевич помнил смутно, но по рассказам матери, тот был увлечён историей Древней Руси и в особенности культурой древнего Севера, откуда, как он считал, и происходят истоки всей нашей цивилизации. Мать Бори, Светлана Андреевна, много рассказывала сыну и об отце, и, о их совместных экспедициях на Кольский полуостров, как они на Сейдозере, о легендах Лопарей, о ритуальных камнях сейдах, разбросанных по всему побережью Северного Ледовитого океана, об огромных подземных городах, где якобы живут люди, хранящие древние знания и традиции. Да и сам Борис вырос на традициях Русского народа, хранившего ещё Языческие предания старины дремучей...

Маленький Боря с детства воспринимал Сказки по взрослому, и это наложило свой отпечаток на мировоззрение и жизнь юного Бориса, увлёкшегося

Северной традицией всерьёз и надолго. В Сибири он много слышал от Староверов, так же сосланных, как и они с мамой, много интересных преданий и рассказов из истории древней Руси. Вся эта информация отложила свой отпечаток на дальнейшую жизнь молодого Бориса. После смерти Сталина, из Сибири они с матерью вернулись в родной Ленинград, где Борис, окончил школу и поступил в Ленинградский институт.

Используя связи родственников отца, которые от него не открестились, а помогали, как могли, Боря перелопатил множество литературы, в том числе и из старых архивов, благодаря своей целеустремлённости и генетической прозорливости, скорее всего доставшейся ему от предков. Борис собрал огромное количество конспектов по истории древней Руси, выписывая статьи из архивных документов, и продолжая совершенствовать своё увлечение, постепенно перешедшее в цель всей его жизни. Прочитав те или иные документы, он внутренним чутьём осознавал либо их значимость, либо бесполезность, выбирая лишь то, что подсказывало ему сердце, или же, скорее всего интуиция в виде Родовой Памяти, доставшейся ему от предков по материнской линии, потому, что других доказательств, позволяющих принять информацию со стопроцентным убеждением – просто не существовало. Да он и не собирался никому ничего доказывать или объяснять, он просто собирал материалы, позволяющие сделать определённые выводы об истории нашей матушки Земли, и о значении в этой истории Русского

народа. А эта история, как оказалось на самом деле, гораздо более древняя, чем принято считать, и что Золотой век человеческого развития закончился более 9 тысяч лет тому назад, по причине Космопланетарного порядка, или, попросту говоря, катаклизма, которые с определённой периодичностью перекраивают поверхность нашей Земли, вследствие чего, и возникают потопаы, и прочие техногенные катастрофы. Борис Яковлевич даже рассчитал периодичность этих самых Апокалипсических явлений – это, примерно, каждые 12 тысяч лет.

Центром цивилизации, с древнейших времён, считался Северный Полюс, точнее страна, располагавшаяся в этом месте, и подтверждение этому Борис Яковлевич находил во многих мифах и легендах, практически всех древних этносов, даже, казалось бы, обособленных друг от друга. Этим «Центром Мира», находящимся на Северном Полюсе в Гипербореи, по древней Ведической традиции, считалась именно – «Гора Меру». Древнегреческие Мыслители описывали её, как – «*Rupes Nigra et Altissima*» (Скала Чёрная и Высочайшая). Эту Вершину, окутанную «СверхСветлым Мраком», на своей карте (датированной XVI веком), отобразил картограф Герхард Меркатор. Карту он, скорее всего, срисовал со стены Египетской гробницы, где «Гора Меру», отображала в своей Сути Космогонию «Светозарного Мрака», как Меры всего Сущего. Как утверждали древние Эллины, именно с горы Богов Меру человечество почерпнуло те знания, которые, в

дальнейшем, распространились по всему Миру, дойдя до нас с вами в виде легенд и мифов, и лишь немногие посвящённые имеют возможность апеллировать имеющимися у них артефактами, древними картами и манускриптами, которые ещё сохранились.

Так называемые Арии, считающиеся потомками могущественных Гиперборейцев, были Пилигримами из космоса, со своим развитым общественным строем, владевшим высокими технологиями и обширными Универсальными знаниями. И, скорее всего, многие из тех документов и артефактов что остались нам в наследство от Арктической цивилизации, были спрятаны в различных тайниках по всем континентам Земли, и особенно в российских регионах Крайнего Севера, куда так рвался Гитлер, стремящейся завладеть этими тайными Универсальными знаниями. Сделав своим символом именно Арийскую свастику, украв этот знак у его истинных хозяев, у Русских.

Конечно некоторые исторические ценности, возможно, что и осели в частных коллекциях тайных обществ, и в спецхранилищах, практически всех религиозных конфессий, не желающих, чтобы основная масса людей знала о своём Великом прошлом. Но даже та информация, что попадалась Борису Яковлевичу, не давала покоя о судьбе Гиперборейского наследия. В этом вопросе, он являлся продолжателем дела своего отца, пострадавшего в годы Сталинских репрессий от этих самых идей и знаний. Эта работа

так сильно захлестнула его, что он не о чём другом и не помышлял, даже о создании семьи...

Вообще интерес к Северной працивилизации проявлялся у людей издревле: Шумеры, Египтяне, Древние Греки, Тамплиеры, Масоны – это не полный список тех, кто был причастен к этим древним сакральным знаниям. Даже Екатерина Великая, под влиянием Михайло Ломоносова, была вовлечена в число этих посвящённых. И уж тем более свой интерес проявляли Советские спецслужбы, начиная с «Железного Феликса» Дзержинского, который, ещё в начале двадцатых годов, самолично поставил на этой теме гриф – «совершенно секретно».

Кстати, именно в связи с этим интересом, и пострадал отец Бориса Яковлевича. Видно откопал в своих экспедициях что-то такое, чего ему знать не полагалось, по мнению спецслужб.

Будучи ещё студентом, Борис Яковлевич в одиночку, на летние каникулы, отправлялся на Кольский полуостров, в поисках приключений, с надеждой открыть что-то новое и неизведанное. В памяти на всю жизнь остались воспоминания тех лет: светлая ночь, треск костра, и леденящее безмолвие вечности, нависшее над головой алмазной пылью полупрозрачных звёзд... И гул... Гул, холодивший душу глухим тягучим стоном, исходящим из под земли, словно где-то глубоко, в её недрах тяжело вздыхал исполин, пытавшийся сорвать с себя цепи Земного притяжения...

По саамским легендам, древний народ, что раньше обитал на Севере, ушёл под землю, укрывшись от холода и мирской суеты, создав в её недрах «чудь подземную». Так собирательно был назван исчезнувший народ, с его знаниями и культурой. Своеобразная полярная версия отразилась в легендах и сказках о «Невидимом граде Китеже», в сказке о «Каменном цветке», о «Ковре самолёте», о «Молодильных яблоках», о «Живой и мёртвой воде», о «Скатерти самобранке» и о других, не менее интересных событиях, запечатлённых в народном эпосе, в виде сказок и былин.

Борис Яковлевич исходил самые малодоступные районы Кольского Заполярья, записывая всё в свой дневник, и делая снимки на фотоаппарате ФЭД, который по тем временам он купил за огромные деньги, копя на него больше года. Он собирал истории и легенды Лопарей, знавших о Гиперборее значительно больше, чем вся современная наука. Чего только стоили каменные Сейды, словно безмолвные маяки, возвышавшиеся на холмах безлюдной тундры. Эти камни, сложенные один на другой в виде колон, располагались друг от друга на определённом видимом расстоянии, словно были маяками, показывающими путнику какой-то путь.

Помимо этого, Борис Яковлевич находил другие признаки древнего вмешательства человека в эту, казалось бы, дикую природу, это встречавшиеся повсюду мегалитические каменные сооружения и другие памятники, которые на первый взгляд казались

объектами ландшафтного типа. Но Борис точно знал, что эти сооружения являются объектами культового или же астрономического происхождения, созданные руками людей или богов. Об этом свидетельствуют загадочные знаки и символы, выбитые на хорошо отполированной скальной поверхности каменных глыб. Молодой Борис находил множество подобных огамических символов, и даже крестов, ещё дохристианской эпохи, что вообще не укладывалось в современную историческую догматику. Помимо Сейдов и Мегалитов, Полярное побережье изобилует сложными из хорошо подобранных камней пирамидальными колоннами, именуемыми гуриями, которые были ведомы ещё Викингам, а те в свою очередь, использовали эти столбы как маяки, причём эти, казалось бы природные колонны, обновляются на протяжении тысячелетий, являясь предметом поклонения древних народов Севера. А чего стоит многокилометровая мощёная дорога, проложенная в труднодоступном районе Поморья, не понятно кем и с какой целью, но выложенная явно в стародавние времена, и не без помощи сложных механизмов...

Поклонение природным камням, а так же, искусственно сложным столбам и пирамидам зафиксировано в разных концах Земли, что свидетельствует о едином происхождении этого культа народов. И именно Полярный Север, являющейся колыбелью всей современной цивилизации, но в силу объективных причин утративший своё первоначальное

влияние на дальнейшее развитие человечества, всё же продолжает таить в своих недрах главные источники древних знаний. Всё это, Борис Яковлевич осознал постепенно, перелопатив горы рукописей и исторических фактов, анализируя и сопоставляя их с древними легендами народов Мира, не ведомых простым смертным. Да и кто задумывался в те годы Сверхплановых Пятилеток, о древних цивилизациях, и даже о самом происхождении Древней Руси. Новая страна, под названием СССР, строила новый Социалистический Мир, с иллюзорно-коммунистическим будущим, без всякого, пусть даже и Великого прошлого. А ведь без Прошло не может быть полноценного Будущего. И, тем не менее, владея информацией о Гиперборейском происхождении человечества, эволюционная история по-прежнему была окутана для Бориса Яковлевича глубокой тайной, в которую ни как не вписывались антропогенетические цепочки гуманоидов, населявших нашу планету, задолго, до её колонизации Пилигримами из Космоса. Теория Дарвина о превращении обезьяны, в процессе эволюции, в человека, не очень-то вязалась с действительностью и для самого Дарвина, в ней были явные пробелы. Скорее всего, потомки неандертальцев, не выдержав биологической конкуренции в борьбе за существование, а, попросту говоря, коренные жители Земли, сохранились в труднодоступных местах планеты, под видом, так называемого «Снежного человека», хотя природа происхождения этих существ могла быть и совсем иной.

Но и этот взгляд на проблему не являлся фактом, ведь существуют и другие сущности, отражённые в Русском фольклоре, такие, как – русалки, кикиморы, лешие, домовые, банные и прочая нечисть, которые тоже могут претендовать на параллельную со «Снежным человеком» роль. Тем более, что существование параллельных миров, где обитают, некие, не похожие на нас существа, никто уже не отрицает, а наоборот, эта тема становится всё более популярной в околонуучных кругах. Хотя, имея в виду тему фольклорных Сущностей, научный подход здесь не очень-то и приемлем.

Борис Яковлевич очень рано осознал для себя скользкую подоплёку данной тематики, в своё время, стоившей его отцу головы, и поэтому не сильно афишировал свои устремления в этой области философских и фольклорных познаний. Даже, не смотря на некоторую политическую оттепель, он старался замаскировать свои экспедиции.

И всё-таки, даже осознавая определённый риск, его тянуло к тайнам Севера, где всё было пропитано древней историей высокоразвитой Гиперборейской цивилизацией. И, судя по всему, Северная традиция не умерла, а лишь укрылась в подземных убежищах, спасаясь от космопланетарных катаклизмов, унеся с собой и свои Универсальные знания. В процессе изучения определённых материалов Борис Яковлевич увлёкся не только Историей далёкого прошлого, но и потустороннего настоящего. Он очень явно осознавал, по ходу своих изысканий, что он не одинок в желании

познать непознанное, натываясь на некоторые интересные статьи и научные работы своих «коллег» по иномирию. Чего только стоила история с Тунгусским взрывом в 1908 году, каких только не было версий: и метеорит, и космический корабль, и ядерный взрыв. Хотя последнее более вероятно, в особенности, учитывая масштабы разрушений в тайге на сотни километров, а вспышка была видна на тысячи километров, о чём есть множество свидетельств. И более того, местные народы, по предупреждению своих шаманов, ушли из района Подкаменной Тунгуски за несколько дней до события. Но ещё раньше оттуда ушли все звери. По этой тематике у Бориса Яковлевича, конечно же были свои мысли и свои теории. Касательно Гипербореической составляющей, он не спешил делиться своими мыслями с окружающими, готовя к выпуску научно-популярный труд в приключенческом жанре. Но он не торопился заканчивать, а уж тем более издавать свою книгу. Время ещё не подошло, как считал Борис Яковлевич...

Вообще-то Борис верил в теорию вероятностей, относительно которой мы во Вселенной, просто не можем существовать одни, потому, что подобных галактик множество, более того, ссылаясь на вполне научную теорию симметрии, наш Мир не был трёхмерен, а как минимум был – ОДИННАДЦАТИМЕРЕН!!! Особенно учитывая то обстоятельство, что мы не просто не одиноки абстрактно, ища Пришельцев извне, а мы с ними

просто сосуществуем на одной планете, не видя друг друга, так, как Наша Кормилица Земля может вместить в себя три трёхмерных МИРА, плюс два промежуточных, так называемых, переходно-астральных. И эта теория была для него не как научный факт, а как данность.

Рассматривая более подробно строение нашего Мира, можно вполне явственно, представить Землю, как трёхэтажный дом, с двумя переходными измерениями, где мы сосуществуем параллельно, время от времени пересекаясь в определённых точках, так называемых порталах. Отсюда и часто упоминающиеся рассказы об НЛО, дошедшие до нас, ещё со времён фараона Тутмоса, Шумеров, Древнего Китая. Подобные описания есть даже в библейских историях.

Библию вообще нужно считать исторической книгой, но с определённой иносказательностью, понятной только думающему человеку, ведь Библейские сюжеты переплетаются с конвой определённых исторических событий.

Но как считают многие правительства и религии Мира – подобные умозаключения, вредны для большинства смертных. Об этом писал своему учителю Аристотелю, ещё Великий Александр Македонский, отправляя очередные свитки с Гиперборейскими, Египетскими и Шумерскими знаниями в Грецию. И это, вполне логично, так как, во все времена, не многие из Людей могли себе представить даже трёхмерное измерение, не говоря уже об Одиннадцатимерном. К тому же, большинство

населения Земли и не желает забивать себе голову подобными умозаключениями. Для многих людей, собственная утроба и наслаждения – главный стимул их существования. В котле нашей повседневной Земной обыденности, страсти, охватывающие нас, летят впереди Судьбы стрелой, выпущенной кем-то Свыше, где наконечником является Человеческая Душа. Это, То непонятное, что постоянно толкает Одухотворённую Личность к познанию Себя во Вселенной, мешая наслаждаться простым Бытиём...

Борис Яковлевич относился к последнему типу людей, которые на протяжении почти всей своей жизни пытаются найти ответы на сакральные вопросы Мироздания, внутреннего понимания Себя и своей Души. Прочёсывая труднодоступные районы Севера – километр за километром, Борис Яковлевич, прежде всего, пытался найти Себя, полагаясь в своих изысканиях лишь на свою интуицию, и на негласную статистику таинственных случаев тех регионов, где ему доводилось побывать. Он старался, из года в год пополнить багаж своих знаний в увлекательных экспедициях, собрав коллекцию загадочных камней с неведомыми древними письменами. Правда многие экспедиции не всегда давали ожидаемый результат, но всегда вселяли определённую надежду, что именно в следующем году будет найдено что-то такое, что перевернёт человеческое мировоззрение в вопросах своего истинного происхождения, и заставит людей взглянуть на МИР более открытыми глазами. Именно

в том, что рано или поздно, это произойдёт, Борис Яковлевич не сомневался ни на миг, следуя к своей заветной цели – шаг за шагом. Многим своим коллегам Борис Яковлевич казался современным Дон Кихотом, сражающимся с ветренными мельницами Истории. Над ним откровенно посмеивались, принимая его увлечение за блажь, и даже в собственном институте терпели только лишь как специалиста в иной научной области. В стенах их НИИ Бориса Яковлевича поддерживал целиком и полностью лишь Михаил, став его не единственным, но самым перспективным учеником.

Глава шестая

«Шаровая молния»

Дойти до заимки, как планировали, не получилось, слишком часто приходилось останавливаться из-за явной усталости почти всех членов экспедиции. Было видно, что отдых просто необходим, тем более для людей непривыкших к таким путешествиям. Когда к концу дня пробирались сквозь кустарник и каменные завалы, по едва видимой тропе, солнце, большим багряным колесом, закатывалось за ближайшую сопку, отбрасывая густую тень на одиноко стоявший домик на небольшой возвышенности у подножия этой самой сопки.

Макушки деревьев, залитые кроваво-красным закатом, казались воинами-исполинами, застывшими после тяжёлой битвы, словно предвещая покой и забвение некогда павшим в неравной схватке с убегающим временем людям, суевившимся под их кронами, в надежде обрести, всё тот же покой и забвение. Увиденная членами экспедиции долгожданная избушка не внушала особого оптимизма, так как со стороны выглядела совсем уж маленькой, но, тем не менее, хоть какая-то крыша над головой и отдых. Николай по хозяйски проворно вошёл в дом, и не мешкая, зажёл керосиновую лампу, висевшую под потолком. Он поднёс спичку к заранее приготовленным дровам в очаге, и те, словно ожидая прикосновения к себе языков пламени, быстро загорелись, слегка коптя и потрескивая. Пока весь народ располагался как мог, Николай пошёл проводить визуальную ревизию оставленных припасов. Он не так давно покинул это место, накопив и заготовив свежего сена, аккуратно сложенного на крытом сеновале возле дома, нарубив дров для очага, а так же, навязав дубовых веников для бани. Михаил, и ещё пара ребят, расседлали лошадей и привязали их к сеновалу, после чего стали заносить в дом мешки с продуктами и весь свой нехитрый скарб. Конечно, домом назвать самодельный сруб четыре на четыре метра с небольшим тамбуром было трудно, но какая ни какая, а защита от холода и дождя, это не просто ветки деревьев и голое небо над головой, а укрытие, да ещё и с очагом. Очаг как раз располагался слева от входа, сложенный из камня, с

нависающей над ним трубой, сколоченной из досок обмазанных глиной и крепящейся к потолочным балкам. Рядом стояли две бочки с водой, ушат и два железных ведра. Бочки были накрыты деревянными крышками, а на одной из них стояла большая, тоже деревянная, кружка.

С правой стороны входа находилась вешалка с полкой, рядом с которой весело небольшое зеркало. В противоположном углу, прямо к стене был приколочен двух ярусный лежак и грубо сколоченный стеллаж для всякой утвари, под которым солидно расположился старинный сундук, видимо доставшийся новому хозяину по наследству. На верхней полке стеллажа были аккуратно сложены книги. В левом дальнем углу у окна стоял стол и две лавки...

Николай отвязал лошадей от сеновала, и привязал под навес, с левой стороны дома, бросив им свежего сена, ещё пахнущего душистой свежестью. Учитывая тот факт, что в доме могут поместиться не все, он разложил несколько охапок сена и вдоль стены, а затем, обойдя двор и осмотрев окрестности, по-хозяйски зашёл в дом. Лампа тускло освещала помещение, в очаге робким пламенем догорали паленья. Народ, не снимая даже верхней одежды, мирно и устало посапывал и похрапывал, прижавшись друг к дружке. На нарах расположились женщины, остальные где придётся. Лишь Борис Яковлевич, сидел за столом, и что-то писал под тусклым светом керосиновой лампы.

– Борис Яковлевич, я постелил вам постель из сена за домом, потом одеяло возьмите и спать туда идите, если что, я на сеновале. – тихо сказал проводник, наклонившись к профессору, который в ответ лишь закивал головой, продолжая что-то писать.

Обведя беглым взглядом всех остальных, Николай лишь слегка задержал свой взор на спящей блондинке, затем зачерпнул из бочки ведро воды и вышел на улицу.

«Без очков, она спала, как Ангелочек, маленький, свернувшийся калачиком, обворожительный Ангелочек...», подумал, выходя из дома, Николай, но резкий голос Михаила оборвал его мысли, заставив даже слегка вздрогнуть.

– Ну что там, сонное царство? – спросил Михаил.

– Скорее царство усталых теней. – ответил Николай, ставя ведро с большой кружкой на землю и снимая с себя рубашку.

– Польёшь?

– Конечно. Только, полведра мне, половину тебе, идёт или как? – весело отреагировал на просьбу Николая Михаил.

– Идёт, буркнул устало Николай, подставляя спину под приятную прохладу воды.

Вода была прохладной ровно на столько, чтобы дать телу то неопишемое блаженство, которое получает человек после трудного и жаркого дня, почувствовав на себе порцию живительной влаги. Приняв водные процедуры, Мужчины пошли спать на сеновал, где приятно пахло душистым сеном и хвоей

соседнего леса. Влага смыла усталость, а вместе с ней и сон, захотелось поговорить о чем-то Душевном.

– Коль, а ты давно тут обитаешь? – поинтересовался Михаил.

– Не очень... Но достаточно чтобы понять местный менталитет и таёжную жизнь. – ответил Николай неохотно.

– Ну и как она тебе – это жизнь?

– Пока нравится... – Николаю явно не хотелось разговаривать на эту тему, поэтому ответы его были достаточно прохладными.

Михаил понял, что разговор почему-то не заладился, замолчал. Мужчины, погрузившись каждый в свои мысли и через несколько минут задремали. Усталость, в конце концов, всё-таки сморила и их, почувствовав крышу над головой, они расслабились и крепко уснули...

Однако долго поспать им не удалось. Через несколько часов, когда лучи Солнце ещё только-только пробивались через толщу лесного массива, в доме раздался душераздирающий визг, звук которого в ночной тиши показался неестественный. Какое-то время Михаил не мог понять, толи во сне, толи наяву он слышит этот крик, и, тем не менее, он проснулся. Не открывая глаз, он прислушался к окружающей действительности – было жутковато тихо, лишь внутренний голос подсказывал, что что-то, всё-таки случилось. Михаил внутренне собрался и резко открыл глаза, посмотрев в сторону дома. В окне дома горел

яркий свет, словно внутри помещения была мощная неоновая лампа. Михаил в два прыжка оказался у двери дома. Машинально, не отдавая себе отчёта в своих действиях и позабыв про осторожность, он резко дёрнул дверь на себя. Тут же на него хлынул, неимоверно ослепительный и обжигающий глаза, яркий-яркий свет.

Чья-то сильная рука, схватила его за шиворот и отбросила назад. Он упал на сложенную у входа в дом стопку дров, инстинктивно закрывая лицо руками, лишь сквозь пальцы, заметив, как мимо проплыл белёсо-матовый шар, пульсирующий ярким светом. От неожиданности увиденного Михаил хотел вскрикнуть, но его крик застыл комом в горле, под крепко прижатой к его рту ладонью. Кто-то очень сильно обхватил его сзади, не дав не только крикнуть, но и пошевелиться. Он даже не сопротивлялся, словно парализованный, уставившись широко открытыми глазами в Огненный Шар.

Пульсирующий сгусток энергии, вырвавшись на свободу, сначала заметался из стороны в сторону, словно ища для себя жертву, а потом неестественно резко замер, зависнув в пространстве и вращаясь, словно осматриваясь. Шар, словно живой, мигал и пульсировал, явно не желая улетать без «добычи». За «добычу» он посчитал Михаила. Огненный Шар очень медленно, но неотвратимо твёрдо, направился в его сторону.

– Молния! Шаровая молния!!! – промелькнуло в голове Михаила.

– Но откуда? На улице Жара стоит, дождём даже и не пахнет? – промелькнуло в его сознании.

Остановившись в метре от лица Михаила, Шар стал пульсировать ещё сильнее, испуская в стороны едва видимые лучи, постоянно меняя оттенки своего свечения от белёсо-матового до серебристо-синего, при этом, в самом центре, Шар имел фиолетово-сиреневый отблеск, который на общем фоне выглядел как глаз. Хотя, все эти описания условны, так как мерцание постоянно пульсировало и изменялось. Шар выглядел мощнейшим сгустком энергии, словно раскалённая плазма, про которую очень часто слышал Михаил, в особенности, когда речь когда-либо заходила о Шаровых Молниях. Но тут, как не странно, Михаил не почувствовал никакого Жара или даже Тепла от Объекта, наоборот, тот источал какой-то пронизывающе-холодный импульс или точнее вибрацию, которую Михаил ощутил каждой клеткой своего тела. Было такое впечатление, что не он смотрит вглубь этого Шара, а Шар, своим фиолетово-сиреневым глазом смотрит вглубь него...

– Откуда она взялась, да ещё в закрытом помещении? – думал Михаил не в силах отвести взгляда от этого чуда природы, лишь щурясь от нестерпимо яркого, пронизывающего его насквозь света. Вдоль позвоночника пробежал предательский холодок. Волосы на голове зашевелились. Всё вокруг словно замерло, трудно было понять, минута прошла или час. Дьявольский клубок света, всё так же,

пульсируя и переливаясь различными оттенками, вдруг стал увеличиваться в размерах, и нехотя двинулся вдоль дома к сеновалу. Проплывая мимо застывшей от ужаса лошади, Шаровая Молния слегка опалила её гриву. Животное дёрнулось, и оборвав поводья, рванула вниз по склону холма в направлении ручья, лавируя между деревьями. Собаки бросились за ней. А Огненный Шар, вопреки устоявшимся правилам, полетел не в сторону движения животных, а резко рванул в противоположном направлении. Долетев до ближайших деревьев, располагавшихся в стороне от дома, Огненный Шар взмыл вверх, и, срезав верхушки нескольких елей, яркой вспышкой рассеялся в утреннем тумане, словно его и не было.

В воздухе повис стойкий запах озона, палёных конских волос и утренней свежести, вперемешку с непонятным чувством опасности, которая только что, в буквальном смысле, висела перед Михаилом. Его тело было напряжено так сильно, что он представлял собой единый комок нервов. Мышцы тоже были напряжены, как после тяжёлой изнурительной работы грузчика. Казалось, что время застыло, и даже воздух стал каким-то тягучим, а в тоже время невероятно лёгким и прозрачным.

Михаил глубоко вздохнул, ощутив проскользнувшую по телу лёгкую дрожь, как будто его изнутри укололи одновременно тысячи мелких иголок. По ощущениям прошло минут пять, не больше, но эти минуты показались Михаилу – Вечностью. А в глубине низменного сознания человека

затаился звериный страх, мурашками напомнивший о себе, перед непонятым феноменом природы.

Поняв, что опасность миновала, Михаил так же глубоко выдохнул, как и вдохнул, стараясь вместе с воздухом выпустить из себя и тот страх, что предательски в него вполз. При этом его мышцы тут же стали как ватные, а ноги подкосились, словно чужие. После столь серьезнейшего морального и физического перенапряжения, в голове гудел пчелиный рой. Лишь сделав движение рукой, и почувствовав боль в локте от удара о поленья при падении, Михаил понял, что приходит в себя, хотя ещё не до конца осознавая случившееся. Чья-то тяжёлая рука, всё ещё лежала на его плече, но у него не было сил её убрать, и вообще, не было сил пошевелиться. В доме наконец-то послышалось движение...

Первым в предбаннике с улицы показался Борис Яковлевич, его лицо выражало удивление и ужас одновременно, но этот ужас был не от Шаровой Молнии, её профессор видел лишь краем глаза, когда проснулся от женского крика. Ужас объял его от увиденного в предбаннике, где была следующая картина: там, на сложенных поленьях дров лежал Николай, без сознания, его голова была откинута к стене, при этом одной рукой он крепко сжимал Михаила, который, в свою очередь, лежал частично на поленьях, а частично в объятиях Николая, и тоже, обездвиженный, но с широко раскрытыми глазами. Выглядело всё это устрашающе трагично. Борис

Яковлевич от такой картины чуть и сам не потерял сознание. Он подумал, что их обоих убило Молнией. Вокруг стал собираться народ, многие даже и не поняли, что случилось. Михаил, взяв себя в руки, и уняв дрожь в конечностях, приподнялся. Видимого ущерба от случившегося нигде не наблюдалось. Да и особого вреда здоровью, вроде бы тоже никому причинено не было. Все члены экспедиции были целы, даже Николай пришёл в себя, но правда, только лишь после того, как Юля прыснула на него водой. До этого он был в лёгком нокауте. Лишь та девушка, которая первой увидела Шаровую Молнию и закричала, всё ещё прибывала в глубоком шоке...

Николай хоть и пришёл в себя, но всё ещё сидел на поленьях, с трудом осознавая происшедшее. У него была слегка разбита голова, и чувствовалось лёгкое недомогание, когда он отдёргивал Михаила от двери, тот упал на него всей своей массой так сильно, что Николай ударился головой о полку, прикреплённую к стене в предбаннике, и тут же потерял сознание.

Пока Юля обрабатывала Николаю рану на затылке, Михаил неровными шагами вошёл в дом. Все были так озабочены травмой Николая, что на Михаила никто и не обратил толком внимания. Девушку, упавшую в обморок, вынесли на свежий воздух, приводя её в сознание водой и похлопыванием по щекам. В избушке никого не осталось, и Михаил вошёл туда.

Осмотревшись, он никак не мог понять, как Шаровая Молния попала в дом. Зачерпнул из бочки воды, он умылся, а остатки живительной влаги вылил себе на голову, которая всё ещё гудела. Он ещё раз осмотрел всё помещение, и вновь не нашёл ответа на свой вопрос – как могла попасть в дом шаровая молния? О недавнем присутствии в помещении Шаровой Молнии, напоминал лишь лёгкий запах озона. Михаил зачерпнул кружку воды и залпом выпил, затем, зачесав назад рукой мокрые волосы, вышел из помещения на улицу...

Солнце ласкало взор своими первыми лучами, сверкавшими из-за высоких веток деревьев. Ещё не успевший разогреться воздух, ударил приятным теплом и ярким светом в прищуренные глаза Михаила. Он только в этот миг понял, что был на волоске от смерти, и что спас его Николай, и что жизнь ещё прекрасней в такие минуты, после ощущения реальной опасности. Михаил закрыл глаза, и, раскинув в стороны руки, полной грудью вдохнул свежий утренний воздух, подставив своё лицо под восходящие лучи Солнца. Выдохнув, он ощутил всем своим телом полноту этой брэнной жизни, не обращая внимания ни на дрожь в суставах, ни на боль в локте. Выдохнув ещё раз, он почувствовал вокруг себя мощное энергетическое поле, и пугающую гробовую тишину, как будто даже птицы перестали щебетать...

Михаил ещё некоторое время стоял с закрытыми глазами, не сразу поняв, в чём дело. Но когда он всё же глаза открыл, то увидел, что все собравшиеся вокруг члены экспедиции стояли и смотрели на него, не мигая и с раскрытыми ртами. Было такое впечатление, что они смотрят на покойника, только что, вставшего из гроба. Нездоровая пауза затянулась, а Михаил никак не мог понять, что же все так на него вылупились. Не понимая в чём дело, он осмотрел себя с ног до рук и даже ощупал. Вроде бы всё было на месте, и даже кроме локтя ничего не болело.

И тут вдруг Юля, словно пуля, метнулась в дом, и через несколько мгновений вернулась, держа в руках с зеркало. На мгновение она остановилась перед Михаилом в двух шагах, не решаясь, что-либо предпринять. Все по-прежнему молча смотрели на Михаила, не шелохнувшись и не смея прервать зловещую тишину. Юля тихонько всхлипнула, вытирая накатившиеся слёзы, не решаясь отдать ему зеркало. Михаил ватными, дрожащими руками взял у неё зеркало сам...

Когда зеркало оказалось у него, Михаил вдруг от чего-то испугался и растеряно огляделся ещё раз по сторонам. При попадании его взгляда на кого-либо из присутствовавших, все опускали глаза, и лишь Юля, придя в себя, и утерев слёзы, поднесла его руку с зеркалом к растерянному лицу Михаила...

Не сразу поняв, что в зеркальном отражении был именно Он, Михаил вновь стал озираться по сторонам, непонимающе всматриваясь в лица товарищей. Потом резко приставил зеркало почти вплотную к своему лицу и, присмотревшись, обомлел. На него смотрел какой-то пожилой человек, с серым лицом, воспалёнными горящими глазами и...

И весь – Белый... Хотя слово «Белый» подходило лишь под описание его Лица, которое побелело от увиденного.

Из глубины зеркального отражения на него смотрел человек лишь отдалённо похожий на Михаила. Это был вроде бы и Он, но не Он. И, лишь присмотревшись, Михаил понял в чём разница, между ним и отражением... Человек в зеркале был – седой... То есть, не просто седой, а абсолютно седой!

– Водки!!! – это всё что смог выдать из себя Михаил, осознав последствия своего свидания с Шаровой Молнией...

Глава седьмая

«Баня для женщин»

Михаил, взяв из рук Николая водку и яблоко, ушёл на сеновал, а остальные, занялись обыденными делами и приготовлением завтрака. В утренних заботах страсти по Шаровой Молнии стали потихоньку стихать. Приведя себя в порядок и позавтракав, все

занялись текущими делами, и напряжение потихоньку улеглось, словно пища в желудке, медленно перевариваясь...

Николай предложил руководителю экспедиции Борису Яковлевичу провести пару дней на заимке:

– Пусть ночные страсти немного позабудутся, отдохнём, раны залижем. Да и женщинам баньку можно сварганить, я им обещал, а то, когда ещё удастся им нормально помыться. Да и на охоту сходить не мешало бы, свежим мясом побаловаться.

На это предложение Борис Яковлевич ответил молчаливым согласием, лишь кивнув головой.

– А где же здесь баня? – недоумённо поинтересовались женщины.

– А вот здесь же и баня... – усмехнулся Николай, показывая на избушку и распределяя обязанности между мужчинами: кому натаскать воды из ручья, а кому достать с чердака дубовых веников.

Вадик полез за вениками, а Николай, стал разжигать очаге. Через некоторое время камни в очаге раскалились до добела, а в избушке стало жарко, как в сауне. Завесив лежак и стеллаж клеёнкой, Он отодвинул стол подальше в угол, поставил на него тазик, большую кружку, положил мыло и льняную мочалку с ручками. Расставив лавки вдоль стены у окна, застелил их белой простынёй. В бочке развёл тёплую воду, а рядов в вёдрах поставил холодную...

– Так, Юлю назначаю за старшую... Понятно? – сказал Николай многозначительно, при этом подняв вверх палец, словно хотел придать своим слова особую важность.

Юля деловито кивнула, не сильно понимая, что входит в обязанности старшей, а остальные женщины лишь пожали плечами. Николай, уловив во взгляде Юли недоумение, а во взглядах остальных женщин лёгкий сарказм, сделал паузу. Оглядев помещение и девушек, он прикидывал с чего начать объяснять.

– Так девочки, Баня это определённый ритуал, событие, а не просто помывочная... Поэтому, сначала.

– Извините Николай... Но, Мы по-прежнему не понимаем, а где же тут Баня? – Юлино недоумение, как и остальных женщин, было искренним.

– Так... Не перебивать, я же объясняю – Баня здесь, здесь же и помывочная, но сначала... – Николаю опять не дали договорить.

– Как здесь? – в один голос переспросили девчонки, раскрыв рты.

– Вот так... Я делаю очередную попытку объяснить сложившуюся ситуацию... Сначала раздеваетесь и складываете одежду на лежак. Лежак завешиваете клеёнкой, чтобы одежда не промокла. Далее... Обливаетесь тёплой водой. Она в бочке. Для этого, по очереди, пользуетесь тазиком...

В очередной раз, прерывая Николая, девочки захихикали.

– Не вижу ничего смешного! – вспыхнул Николай.

– Вы нас решили поучить, как нам мыться... Может ещё и спинку потрёте... Или с тазиком в виде душа постоите... Только глаза закройте, а то ослепнете, от такой красоты... – перекрикивая друг друга, загалдели женщины.

– Так, всё, прекращаем балаган. Ещё раз, коротко и ясно – Юля старшая. В обязанности старшей входит – подливать воду на камни, чтобы был пар. Понятно? – и не дожидаясь ответа, Николай вышел из помещения, услышав сзади лязг дверного засова и смех...

Пока он пытался объяснять глупым женщинам – что к чему, сам вспотел, и от волнения, и от жары в помещении. На улице его обдало свежим воздухом и хохотом мужиков, слышавших его всеобъемлющие разъяснения про Баню.

– Ну, чего ржёте, сами бы попробовали этим дурам объяс... – не договорив, он махнул рукой, понимая бессмысленность отговорок и оправданий.

Действительно, со стороны это наверное выглядело смешно. Не смеялся только Михаил, сидя на сеновале, он допивал бутылку водки, без всякой закуски и без всякого интереса к происходящему. Мужчины посмеявшись, взяли под уздцы лошадей, приготовившись идти к лесному озеру, находившемуся в километре от избушки. Направление им показал Николай:

– Пойдёте вдоль ручья, и как раз упрётесь в озеро. Ручей впадает в него, так что мимо не

пройдёте. Протекавший вдоль дома ручей брал свой исток из-под камня, располагавшегося чуть выше на сопке, и действительно впадал в небольшое озеро. Мужчины, прихватив ведро и скребок, неспешно пошли купать лошадей, кроме Вадика, который остался колоть дрова, складывая их под навес. Но и он вскоре, сложив дрова аккуратной стопочкой, побежал к озеру купаться.

Николай сел в тенёк, под ближайшее дерево, сделав вид, что дремлет, а сам вполглаза смотрел на окна, где мылись женщины, пытаясь разглядеть Юлю. Его верные собаки улеглись поодаль. Николай прогнал их взмахом руки и окриком, чтобы они не выдали его расположение. И те, с нескрываемой обидой побежали за остальными к озеру. А в голове Николая вдруг промелькнул «благодарный» взгляд Михаила, который тот совсем недавно бросил в его сторону, когда все остальные засмеялись по поводу его невнятных объяснений с женщинами. В этом взгляде Николай уловил признательность Друга, которым вдруг стал для него Михаил после ситуации с Молнией. Николай и до этого испытывал симпатию к Михаилу, но, случившееся в предбаннике, как бы на подсознательном уровне сделало их Друзьями...

Николаю вдруг вспомнился случай, произошедший с ним в первый год его пребывания в этих местах, когда у него ещё не было собак. Он тогда, вот так же неожиданно, вдруг приобрёл Друга. Друга в лице Волка... И перед его глазами проплыла

картинка того дня, словно это всё случилось только вчера...

Николай как обычно бродил по лесу, но не просто так, а выбирая себе место для очередной заимки, осматривая округу на наличие воды и подходящей поляны. Недалеко от ручья, в небольшой лощине, он заметил Волчат, игравших между собой и не замечавших никого вокруг себя. Николай вскинул ружьё и стал осматривать окрестности, разумно полагая, что где-то рядом должна быть волчица, но, не увидав и не почуяв её присутствия, опустил ствол и стал просто любоваться заигравшимися Волчатами. Понаблюдав за ними минут пять, он двинулся дальше, посчитав, что не стоит беспокоить Волчье семейство... Вдруг через несколько километров от волчьего логова, на лесной тропе Николай встретился с Волком, практически лоб в лоб. Тот словно преградил ему путь, остановившись на тропинке немного полубоком, повернув голову в сторону Николая...

Они оба стояли друг перед другом как вкопанные в трёх шагах, но при этом, не проявляя никакой агрессии. У Николая даже не возникло желания схватиться за висящий на ремне нож. Волк, так же, и не думал скалить зубы или рычать, он просто пристально смотрел Николаю в глаза, как бы оценивая его... Каким-то внутренним чувством Николай ощутил незримую связь с этим крупным и благородным зверем, который мысленно и всем своим взглядом предлагал ему дружбу... Да, именно Дружбу!

Николай это почувствовал в подсознании, словно Волк ему об этом говорил. В ответ охотник кивнул зверю головой, а тот, кивнув в ответ, побежал своей дорогой. Николай, проводив Волка взглядом, ещё пару минут постоял на тропе, обдумывая случившееся, и тоже пошёл своей дорогой. Ощущение после этой встречи было удивительно-необычным, словно он повстречал старого товарища, с которым не виделся много лет, и на душе стало спокойно и радостно лишь от одного вида его живого и здорового, а всё остальное было уже и не так важно.

В бане тем временем, был слышан смех, плеск воды и повизгивание, особенно когда Юля плескала на камни. Окна запотели от пара. Постепенно звуки стихли, наверное девочки сели на лавки и парились, стирая пот вместе с грязью со своей бархатной кожи. Затем вновь раздался смех и визг, и снова плеск воды. Николай всматривался в окно, напрягая зрение. Вот чья-то рука отёрла стекло от влаги, и распаренное лицо выглянуло наружу... Нет, не Юля... Лицо исчезло, оголив пространство возле бочки. Михаил всмотрелся ещё пристальней. Взмах руки с кружкой, шипение пара, и вновь стекло помутнело... Снова чья-то рука отёрла влагу со стекла, и, он увидел её... Красивое нежное лицо вполоборота и маленькая упругая грудь радующая глаз своей божественной красотой. Девушка повернула голову в сторону окна и замерла на несколько секунд с широко расправленными плечами, держа в руках кружку и устремив свой взгляд сквозь стекло.

Николай готов был поклясться что его не было видно в тени дерева, но её глаза смотрели прямо на него, не моргая... Её взгляд заставил Николая вздрогнуть... Потом она снова плеснула на камни воды, и стекло вновь запотело... Николаю стало неловко, он закрыл глаза от смущения и удовольствия одновременно, и в блаженстве заснул, путая реальность с видениями полудрёмы...

Из избушки вышла девушка с белыми волосами, обернутая в белую простынь и поманила его рукой. Сквозь пелену вырвавшегося из двери пара, Николай не мог точно сказать Юля это или нет, но он смело пошёл на зов. В предбаннике никого не было. Сквозь открытую дверь бани, в плотных клубках пара была видна тонкая нежная рука, манящая его к себе. Лицо смутно прорисовывалось, как бы его и не было, лишь контуры женского тела манили и завораживали. Николай стал поспешно раздеваться. Из густого пара раздавался зовущий весёлый голос, с лёгким смешком, растягивающимся в глухое эхо, как в ущелье. Николай замялся в нерешительности у двери, но голос всё манил и манил. Он переступил порог и утонул в плотном облаке влажного и затхлого воздуха. Пелена стояла настолько плотная, что он не видел протянутых вперёд кистей своих рук. Вдруг руки нащупали что-то упругое, похожее на женскую грудь. Николай, кончиками пальцев, ощутил бархатистую кожу и набухшие соски. Руки слегка отдёрнулись от прикосновения к ним, но потом, стали подниматься

выше и выше. Вот они коснулись плеч, волос, лица... И... И вдруг пелена резко рассеялась. Николай от неожиданности зажмурился, пугаясь своей смелости. Ему в нос ударил резкий запах смерти, он не раз ощущал его на войне, этот несравнимый ни с чем, и, в тоже время, трудно поддающийся описанию запах, однако спутать его с каким-то другим запахом – просто Невозможно. Николай попытался открыть глаза, но его веки были свинцовыми. Его качнуло, голова закружилась, как у пьяного. Он вновь попытался открыть глаза, и вновь не смог. Руки окоченели, как от мороза, даже по жилам пробежался леденящий Душу холодок. Что-то цепкое и костлявое схватило его за руки, пытаясь притянуть к себе. Николай оцепенел, не в силах сопротивляться. Грудь сдавило словно тисками. Он чувствовал, как его всё затягивает и затягивает в какой-то смрад, неприязнь которого он ощущает каждой клеткой своего тела. В тоже время, Николай почувствовал, что его тело бессильно против дыхания Смерти...

Но вдруг, сквозь штору век Николай почувствовал тусклый свет и тепло, его пальцы пошевелились, запах смерти сменился запахом свежести и цветов, удушливый смрад отступил.

Он пошевелил веками, тяжесть пропала. Тёплая и нежная рука коснулась его небритой щеки, он вздрогнул. Сквозь сон Николай услышал своё имя. Он резко открыл глаза и вскочил...

Перед ним стояла Юля в лёгком облегающем платье и с венком из лесных трав и цветов на голове, сзади на небольшом расстоянии, стояли остальные девушки, внимательно смотрящие на него.

– Николай... Вы в порядке... Вы стонали... Мы даже не сразу поняли что это Вы... С Вами что-то случилось? – сочувственный голос и взгляд Юли были искренними.

– Нет... То есть Да... То есть наверное... – Николай не знал что сказать, не совсем ощущая реальность, лишь щемящая боль под левой лопаткой привела его в сознание. Он несколько раз глубоко вздохнул, и боль стала отступать.

– Сон... Кажется сон... Точно... Просто дурной сон... – он ни как не мог придти в себя.

Пошевелив левым плечом, и не ощутив больше никаких болевых ощущений, Николай добавил:

– Рука затекла. Простите, что напугал вас.

– Это наверное последствия ушиба, у вас может быть даже лёгкое сотрясение, надо отлежаться в тенёчке. – заметила одна из женщин.

– Ну, тогда я здесь ещё немного полежу. – Николай выглядел явно растерянным...

Он вновь прислонился спиной к дереву, но спать категорически не собирался. Слишком уж реальным был его сон. Он представил, как он выглядел со стороны, вспомнив лицо Михаила, когда тому прошлой ночью тоже приснился кошмар.

– Бедная Юля, наверное, сильно напугалась? – подумал Николай, наблюдая за суетой женщин, развешивающих своё постиранное бельё на растянутую между деревьями верёвку...

Подождав когда из бани все вышли, Николай пошёл в избу наводить порядок. Но, к его удивлению, работы для него не было – полы вымыты, стол, лавки и утварь расставлены по местам, а бочка вновь наполнена водой.

День как-то быстро сошёл на нет, неумолимо приближаясь к ужину. За всеобщими текущими заботами незаметно прошло время. С озера подошли уставшие и голодные мужчины. Проводнику было приятно смотреть на вымытых и выскобленных лошадей и усталых, но довольных собой мужиков, успевших искупаться и немного позагорать. Николай похвалил их, как когда-то хвалил своих солдат, понимая, что даже малая похвала предаёт большие силы:

– Молодцы братцы! Спасибо за усердие.

– Служим Советскому Союзу! – громко ответил за всех Вадим.

– Так молодцы... Ну, а теперь займёмся костром, там у меня за домом очаг, ну что-то наподобие летней кухни, так что мальчики занимаются огнём, девочки готовят ужин, за одно и пообедаем...

Ужин, как говорят в таких случаях, прошёл в дружеской обстановке, за исключением того, что

Михаил, со всеми вместе есть отказался, по-прежнему оставаясь на сеновале. После того как все поели и занялись каждый своим делом, Юля наложила еды в тарелку, налила чаю в кружку и пошла на сеновал.

Михаил лежал, уставившись в потолок перекрытия сеновала. От него сильно разило спиртным, запах которого Юля не переваривала. Но сейчас ей было плевать на запах, она всё понимала, такой стресс без спиртного действительно пережить было трудно. Наверное, она сама бы напилась, если бы с не такое случилось. Нет, не напилась, а скорее умерла бы от страха и отчаяния.

– Миш... А Миш... Может поешь?

– Спасибо Юля, я не хочу... В горло ничего не лезет... Ком какой-то стоит, и всё тут...

– Ну тогда может чаю?

– Чаю, пожалуй, можно... – Михаилу было очень приятно, что Юля подошла к нему, и не желая её обидеть своим отказом, он взял у неё кружку с чаем.

– Миш не переживай ты так, ведь главное что живой... А седина говорят украшает мужчин...

– Угу... А ещё шрамы и толстый кошелёк... – отхлёбывая чай из кружки пробурчал Михаил.

Юля на его слова отреагировала улыбкой.

– Кому я такой старик теперь нужен буду? – уже более шутливым голосом продолжил свои стенания Михаил, явно стараясь вызвать к себе жалость Юли.

– Мне... – после некоторой паузы проговорила Юля, глядя прямо в глаза Михаилу.

– Точно? – он отставил кружку в сторону, и нежно обхватив её щёки своими руками, затем притянул к себе и поцеловал в губы.

Она и не сопротивлялась, хотя даже если бы и захотела, то не смогла бы, у неё в руках была тарелка с кашей. Более того, ей самой хотелось обнять его как родного. Их тела стремились друг к другу, но тут Михаил почувствовал упирающую ему в живот тарелку. Оторвав свои губы от губ Юли, он взял из её рук тарелку и отставил в сторону, снова припав к её губам. Через минуту она сама завалила его на сено, обхватив его голову своими руками и страстно целуя.

Их поцелуй затянулся минут на десять, словно они припали к живительному источнику, не в силах никак напиться, после долгой жажды. Затем, вдоволь нацеловавшись, они долго болтали просто так, не о чём, лишь ради того, чтобы слышать голоса друг друга.

– Миш – ты такой сильный, ты такой стойкий... ты такой... я просто не нахожу слов...

Юля действительно не находила слов выразить свои эмоции, нахлынувшие на неё. Всю её душу наполнил прилив нежности, ей хотелось сделать что-то приятное по отношению к этому человеку, который стал ей вдруг так дорог и близок.

– Не знаю... Я бы наверное уже умерла бы от страха, увидев ту молнию... Ну или, как минимум, расплакалась бы...

– Ну и я бы наверное так сделал, если бы успел испугаться...

– Как это так... Ты шутишь... Разве тебе не было страшно?

– Да нет... Я вовсе не шучу... Просто всё произошло так быстро, что я и испугаться-то не успел...

– Нет вру... Точно вру... Я испугался, но потом, когда всё уже произошло... Но в этом я признаюсь только лишь тебе...

Михаил положил свою седую голову на Юлину грудь и уже более серьёзным голосом добавил:

– Надо будет завтра Николаю спасибо сказать, за то, что спас мне жизнь, ведь если бы он меня от двери не отдёргнул, мы бы с этой молнией лоб в лоб столкнулись бы... И неизвестно ещё у кого этот самый лоб оказался бы крепче... – вновь заулыбался Михаил.

Юля тоже заулыбалась, поддержав его слова:

– Да-да... Конечно ему нужно сказать спасибо!

Стараясь отвлечь Михаила от дурных мыслей, она стала перебирать его волосы и рассказывать всякие небылицы, вычитанные ею из тех книжек, что она успела перечитать за свою жизнь. Михаил, первый раз в жизни, находясь рядом с женщиной, просто молча лежал, наслаждаясь её голосом. Ему было необычайно хорошо и спокойно рядом с этой милой блондинкой. Хотелось просто лежать и слушать. Они так и уснули на сеновале, не потревоженные никем.

Глава восьмая

«Снежный человек Кузя»

Следующий день было так же решено сделать выходным, поэтому каждый спал, сколько хотел. Однако Николай и Борис Яковлевич встали раньше всех, не желая изменять своим сложившимся традициям. Они сходили на озеро, освежились в прохладной воде, ещё затянутой дымкой тумана, и пошли обратно к избушке, готовить завтрак. На обратном пути Борис Яковлевич вспомнил, как когда-то в молодости он вот так же купался, но только один в озёрах Карелии.

– Да-а, какая же у нас всё таки замечательная земля Николай... Сколько интересных и прекрасных мест... А какие просторы... Не ценим мы этого, живя в городской суете... Эх не ценим... – Выразил свои чувства профессор, глядя на рассвет. – Я любезнейше извиняюсь Николай, но мне кажется, что именно от такой суеты вы сюда и сбежали.

– Возможно что и так... А может просто испугался что не смогу вписаться в размеренную жизнь простого обывателя... Знаете, после того что я повидал за время службы в армии, жизнь обывателя как-то не очень вписывалась в моё сознание... – последние слова Николай сказал уже подходя к заимке. Собаки, до этого момента плескавшиеся в

воде, выскочили на берег, и рванули догонять хозяина...

После позднего завтрака, похожего на ранний обед, Николай предложил мужчинам помочь ему с дровами – наколоть впрок, чтобы всегда можно было придти и разжечь огонь, показав, куда складывать наколотые чурбачки. Женщинам он предложил сходить в лес по ягоды.

– Но только чтоб недалеко, возле озера, и не разбредайтесь, а почаще перекрикивайтесь друг с другом... Для большей уверенности я вам собак оставлю...

– Ну, а мы с Михаилом ходим на охоту, ловушки мои проверим. Если конечно Михаил не возражает...

Михаил и не собирался возражать, он чувствовал в себе необъяснимый прилив сил, который хотелось использовать на что-то полезное и приятное, предстоящая прогулка, в этом смысле, являлась и тем и другим.

– А можно мне с вами? – напросился молодой лаборант Вадик, явно симпатизирующий мужественному Николаю. – Я воды натаскал, дров нарубил, можно сказать свою норму сделал.

– Хорошо, только не ныть, если вдруг устанешь. Имей ввиду, нам километров десять придётся пройти. Сможешь? – предостерёг Николай, кивком головы давая своё согласие.

Ему с первых дней пути этот худощавый парень понравился, еще, когда лаборант упал в реку и ударился о камни, но не стал при этом ныть, а сведя всё в шутку.

– Да я за институт в футбол играю! – отрапортовал молодой лаборант. – Ружьё брать?

– Нет, не брать. Нам лишний шум не нужен. Да и воевать тут не с кем... – сказал Николай, заходя в дом за своим рюкзаком.

– А вы, если что случится, стреляйте в воздух, мы услышим. – обратился он к Борису Яковлевичу.

Трое мужчин, перейдя через ручей, быстрым шагом направились вверх по холму, обещая вернуться через три-четыре часа. Собакам было приказано остаться, а они не понимали, за что хозяин обиделся на них, раз не берёт с собой...

Николай с утра ещё вспомнил про вчерашний сон, и пришёл к выводу, что надо поскорее отдать дань Кузе, чтобы тот, не побеспокоил их ночью, да и вообще не мешал, ведь их путь к Чёрному озеру лежал через его территорию.

– Сон... Этот дурацкий Сон... Ну никак не выходит из головы... Не к добру... Явно не к добру... – идя быстрым шагом причитал Николай.

– Ты что там всё бубнишь себе под нос? – Михаил почувствовал озабоченность Николая, но не мог понять, с чем она связана. – Да, кстати, я забыл сказать тебе спасибо? Спасибо...

– За что? – ни сразу сообразил Николай, слишком глубоко уйдя в свои мысли.

– Спасибо за то, что Жизнь мне спас... – пояснил Михаил.

– Разве? А я думал, что это ты мне жизнь спас? – искренне удивился Николай, смутно помня вчерашнее событие, о котором напоминала лишь повязка на голове, как у раненного комиссара, хотя, о случившемся напоминала ещё сильнее седая голова Михаила.

– Если честно, то я ничего не помню, видно здорово головой саданулся... Наверное из-за этого всякая чушь в голову лезет, вот и бубню как старый дед... Не обращай внимания, завтра всё будет в полном порядке и у тебя и у меня... – попытался оправдаться Николай.

– Думаю, что этот случай ты будешь потом вспоминать с юмором... Но уж забыть точно не сможешь...

Перейдя через холм и смешанный лес, они вышли к большому открытому пространству, с возвышением впереди. На возвышенности росла одинокая сосна, причудливой изломанной формы, как японская бансайка, но только много больших размеров. В нескольких метрах, от её торчащих из земли корней, лежали огромные камни, три из них были в виде массивных стенок, как у стола, или скорее, как стенки большой собачьей будки, а сверху лежал один плоский и широкий, как гигантская столешница, пласт гранита.

Вдоль склона, к дальнему бору, вела старая дорога, или что-то похожее на дорогу, уходящую смутным просветом в чащу чернеющего вдалеке леса...

– Мать моя... Дольмен... Древний дольмен... Откуда? – выпалил, как выдохнул Михаил.

– Я не знаю что такое Дольмен... А камень действительно древний. Только я его называю – Кузин алтарь. Здесь начинаются его владения. Если, так называемую дань не заплатить, в виде бутылки Водки, то можно неприятности от него поиметь... – констатировал данный факт Николай, как что-то само собой разумеющееся.

– А кто такой Кузя, идол что ли? – наивным голосом спросил лаборант Вадим.

– Ты что Колян, в языческих богов уверовал? Ну ты даёшь... – слегка насмешливо подтрунил проводника Михаил.

– Сам ты идол... Кузя не божок вам какой-нибудь языческий, Кузей это я его назвал. Должно же у него быть какое-то имя... – Николай смутился, вынимая из рюкзака бутылку Водки.

– Ты чё? – глаза Михаила широко округлились. – Мы сюда припёрлись за тридевять земель, за здоровье твоего Кузи водку пить, поближе места не могли найти? – Михаил аж побагровел от злости.

– А всё-таки, кто такой Кузя? – вмешался в их бурный диалог молодой лаборант. – А то, мне что-то жутковато как-то, аж мурашки по спине бегают.

– А это значит, что он где-то уже рядом, за нами наблюдает, я чтоб его не тревожить понапрасну, поэтому и собак с собой не взял. – Николай, вроде как оправдывался, но вслух говорить то, что от него хотели услышать, не решался, побоялся непонимания...

Он уже давно почувствовал незримое присутствие Кузи. Правда страха перед ним он уже давно не испытывал, но мурашки предательски бегали по спине сами собой. Странно было лишь то, что Михаил этого не замечал, либо просто делал вид, помалкивая об этом, не желая выглядеть трусом, либо действительно не ощущал его присутствия. Но раз занервничал, то по ходу дела тоже что-то почувствовал...

– Что-то мне как-то от этого места тоже не по себе... – вдруг признался Михаил, словно прочитав мысли Николая. – Ну и жути ты напустил тут Колян, чувствуешь себя, как на кладбище в полнолуние... Кто он такой, этот твой Кузя... Леший что ли? Мне кажется, что я его уже тоже нутром чую...

Чернеющий вдалеке лес и древние камни подействовали на Михаила завораживающе, да и бегающие по спине мурашки, не сильно настраивали на благодушный лад. Необъяснимый звериный страх пронизывал его кожу с головы до ног, стараясь проникнуть в душу...

Николай взял бутылку Водки, поднялся к камню, поставил её на алтарь, и неспешно, стараясь не показывать своего волнения, вернулся к ожидавшим его ребятам.

– Кузя, это, по-вашему – «Снежный Человек»... – не торопясь и членораздельно произнёс Николай, глядя на реакцию своих товарищей. Реакция была одинаковой – оба, не сговариваясь, раскрыли рты, пытаясь ухватиться зубами за воздух...

Первым пришёл в себя Михаил, стараясь найти подходящие слова, он что-то бубнил сначала про себя, а потом выпалил вслух:

– Так ты не шутил... Так ты его видел... Ты даже Водку с ним пьёшь, ну Ты даёшь... – от волнения Михаил даже заговорил стихами, при этом стал озираться по сторонам.

– Вы Николай нас-с-с раз-зыг-гр-ры-ваете? – промямлил, заикаясь, лаборант. Он явно был напуган и без последних слов Николая. При этом он тоже стал опасно озираться.

– Можете не озираться, его увидеть невозможно, если конечно он сам того не пожелает... – добавил Николай, думая этими словами разрядить обстановку.

– Он ч-ч-что, сейчас с-с-сюда придёт за В-в-водкой??? – глаза у молодого человека округлились до максимальных размеров, да и зуб на зуб попадал с трудом, дрожь мешала Вадиму говорить членораздельно.

– Не дрейфь малой... Он нас с тобой разыгрывает... – попытался успокоить Вадима Михаил, однако он и сам испытывал лёгкую и еле контролируемую дрожь.

– Ну - ууу... Разыгрываю я вас или нет, узнаем завтра... Нам по этой дороге дальше идти, вон через тот лесок. Там как раз его владения... – и Николай указал рукой на чернеющий вдалеке бор, к которому вела загадочная дорога...

– Если Водки завтра на камне не будет, значит Кузя дар принял, и можем двигаться дальше без проблем.

– А если не примет, то тогда что... – развёл руками Михаил.

– Примет... Обязательно примет...

– Бред какой-то... Я тебя Николай уважаю, но это просто Бред... Бред, и ещё раз Б..р..э..э..д!!! – Михаил никак не мог успокоиться, пытаясь осмыслить полученную информацию, но она не осмысливалась, лишь мурашки бегали по спине и что-то неотвратимое холодило Душу.

– Может Ты Коля действительно головой сильно ударился... Так ты меня прости, я же не специально на тебя вчера упал... – Михаилу просто не хотелось верить в То, что говорил Николай...

Это просто не укладывалось в его сознании, хотя формально он был готов к подобному повороту событий, и даже более того, он именно за этим сюда и ехал. Но вот сейчас, столкнувшись с этим в

действительности, вдруг почему-то ему принимать её не захотелось. Скорее всего, в нём боролась сущность обывателя с духом первооткрывателя. И обыватель понимал, что приняв эту данность, он уже не сможет вернуться в прошлую жизнь таким же каким он был!

– Ну, хорошо, допустим, я вас разыгрываю, а тогда откуда мурашки на вашей спине! А необъяснимый страх – это всё тоже Бред, или всё-таки Нет!!! – Николая даже пробило на рифму, от того что ему не верят...

А через мгновение он не выдержал и взорвался:

– А молния, взявшаяся вдруг из неоткуда, думаешь тоже Бред!!! Вы что думаете, местные с вами идти в эти места, просто так отказывались... А пропавший вертолёт тоже случайность... А люди исчезающие здесь каждый год без следа, словно растворившись...

Конечно это Бред! Действительно Бред...

Заметив, что он начинает горячиться, Николай сделал паузу, и, упокоившись, более тихим голосом добавил:

– Ладно, расслабьтесь, считайте, что я пошутил... Пора в лагерь, а то скоро темнеть начнёт, а на ночь такие сказки вредны. Всего неделю вместе, а приключений и воспоминаний с Вами на всю оставшуюся жизнь хватит... Да, и вот ещё что, в лагерь придём, чтоб никому ни слова, поняли...

Михаил и лаборант переглянулись. Оба без лишних вопросов поняли, что имел в виду Николай, и оба без лишних слов поспешили за ним, подальше от этого пугающего места. Лишь отойдя примерно на километр, с каждым сделанным шагом, они стали приходить в обычное состояние, избавляясь от чувства необъяснимой тревоги...

На обратном пути проверили ловушки. В трёх была неплохая добыча, так что ужин удался на славу. О камне и Кузьме, ещё раз, договорились молчать, пока не проверят завтра ритуал с Водкой.

После сытного ужина, и всех тех последних переживаний, спалось на удивление хорошо. Встали в шесть утра, позавтракали, привели себя и амуницию в порядок, и, законсервировав заимку, двинулись дальше, навстречу новым приключениям...

Подходя с каждым километром к камню всё ближе и ближе, было заметно, как молодого лаборанта Вадима просто распирало от любопытства и нетерпения. Ему так и хотелось высказаться, поделиться с кем-нибудь своими переживаниями и страхами, но он ведь поклялся молчать – но, как же это тяжело... Михаил тоже с трудом сдерживал свой интерес к грядущим событиям. Ему хотелось прищпорить лошадь, чтобы первым увидеть камень – стоит Водка или нет, но он даже не показывал своих устремлений, стараясь держаться невозмутимо, и как всегда ехал в конце колонны...

Почти все заметили молчаливость возвратившихся с охоты мужчин, но никто не решился расспрашивать их, о чём либо. Только Юля сделала робкую попытку выведать что-то у Михаила, но он, сославшись на усталость, сразу после ужина ушёл спать на сеновал...

Николай специально старался не торопить события, пугаясь неизвестности, и вместе с тем, стараясь её отсрочить, замедляя шаг своей лошади. Ему не хотелось подвергать жизнь вверенных ему людей опасности. А чувство этой самой опасности не покидало его сердце, то щемило в груди, то бегало марашками в его волосах. Нет, это не было связано с Кузей, с ним у Николая не было проблем никогда, что-то другое настораживало опытного воина. Это «Что-то» ждало их на пути к Чёрному озеру, за рекой Усь, где он никогда не был. Да ещё этот сон, будь он неладен.

Дурное предчувствие настораживало, и ни как не хотело выходить из головы...

Перейдя затяжной холм и выйдя из смешенного леса, колонна остановилась на открытом пространстве у подножия очередной возвышенности. Не смотря на то, что сегодня они были верхом, Михаил заметил, что вчера дорога была короче. Вчера они добрались до этого места пешком гораздо быстрее. Да и вышли они сегодня к старой дороге, гораздо левее и дальше от одиноко стоявшей сосны и Дольмена, которые остались

несколько правее, но в пределах вполне досягаемой видимости.

Выехав из леса, путешественники остановились, любуясь открывшимся простором. Лишь ехавший сзади Михаил заметил волнение проводника, пытавшегося увести их от дольмена в сторону. Это волнение передалось и ему. Он слегка трясущимися руками поднял к глазам бинокль, но почему-то не стал всматриваться в камень, с полной уверенностью, что водки там нет.

– Ну что там... Стоит... Не молчи, дай взглянуть... – Вырывая из рук Михаила бинокль, шептал молодой лаборант, просто сгорая от нетерпения.

Михаил, передав бинокль Вадику, посмотрел на Николая. Тот, практически совсем не проявлял никаких признаков любопытства и суеты, хладнокровным голосом скомандовав привал.

– Вот это выдержка! – с уважением и восхищением подумал Михаил, отбирая бинокль у лаборанта.

– Что вы там разглядываете молодые люди? – поинтересовался Борис Яковлевич, расчехляя свой бинокль.

– Это же... Это же Дольмен... – с нескрываемым удивлением в голосе пролепетал профессор.

Он был в этот момент как ребёнок, первый раз попавший в зоопарк, с интересом разглядывающий диковинного зверя, до этого видевшего только на картинках.

– О чём это вы. Что там такое интересное? – с нескрываемым любопытством поинтересовалась Юля, предчувствуя значимость какого-то события, возбуждив своим «Что там?» интерес и у других участников экспедиции.

– Николай, я обязательно должен подъехать к тому Дольмену и изучить его... – голос профессора дрожал, он волновался.

– Подъехать можете, а изучать будете на обратном пути. Впереди, я думаю, полно будет чего изучать, а это оставим на десерт. – высказал свою точку зрения проводник.

– Я поеду с Борисом Яковлевичем... Мне надо проверить, вдруг она упала под камень? – голос лаборанта тоже дрожал, но уже по другому поводу...

– Кто упала... Под какой камень... Я тоже хочу... – залепетала словно сорока Юля.

Вот оно женское – «Хочу». Сначала – «Хочу», а потом – «что и где»... Юля оригинальностью в данном случае не блеснула... Что сильно развеселила Михаила, да и суровый Николай улыбнулся.

– Типичная женская логика. И всё равно она прелестна! – подумал про себя Михаил, а вслух добавил:

– Ни Кто, а Что... Можешь съездить посмотреть. – и добавил, но уже обращаясь к молодому лаборанту:

– А ты можешь даже её не искать, поверь, бутылки там точно нет!

Михаил понял это уже давно, ещё до того, как увидел в бинокль, что Водки там нет. Потому, что

чувство дискомфорта и внутреннего страха, испытанного вчера, сегодня у него уже не было. А это значило лишь одно – Кузя дар принял и ушёл...

От Дольмена Борис Яковлевич и все остальные вернулись довольно быстро и сильно возбуждёнными. Профессор жестикулируя, и размахивая фотоаппаратом глотал слова, не в силах отойти от того, что там увидел. Его речь была бессвязной, а учитывая, что все остальные пытались его дополнить и перебить, была вообще полная Абракадабра. И весь этот поток информации был адресован Николаю и Михаилу, которые были спокойны, потому что уже ожидали от остальных подобную реакцию.

– Там! Там!!! Там... Огромные следы... – глотая слова, пытался сказать профессор об увиденных возле Дольмена следах.

– Борис Яковлевич, успокойтесь... не надо так кричать... и уж тем более нервничать... всё в порядке... Я всё знаю, не надо махать аппаратом, вы его разобьёте. Да... это следы Снежного Человека. – очень спокойно сказал Михаил, ещё больше ошарашив всех остальных.

– Зовут его Кузя и он друг нашего проводника. Они вчера с ним на том камня даже вместе Водку распивали. Николай угощал, лаборант был свидетелем... – Михаил шутливо кивнул в сторону растерявшегося молодого человека.

– Я ведь не вру Вадик? Всё верно излагаю. Мы же с тобой сами вчера видели, как Коля Кузе

проставлялся, чтобы тот нас через свои владения пропустил.

Лаборант утвердительно кивнул, проглотив все свои слова которые хотел сказать до этого. Народ смотрел на них бешеными от страха и непонимания глазами, переводя взор то на Михаила, то на Николая, то на Вадима, не в силах адекватно воспринять изложенную информацию.

– Вы наверное не поняли Михаил... Там огромные следы... Я их сфотографировал... Я понимаю что в это трудно поверить, но Михаил, там очень огромные следы...

Борис Яковлевич ни как не мог сформулировать свой восторг, вперемешку с удивлением, не успев ещё до конца осознать слова самого Михаила. Но когда стал осознавать что сказал ему Михаил, то тоже остолбенел, как и все остальные.

– Я Вас понял... Там огромные следы Снежного Человека... Повторяю – это друг Николая... Кузя... так его назвал Николай... Я верно излагаю? – вопрос вновь был адресован Вадиму.

Тот опять утвердительно кивнул, мотая головой, то в сторону руководителя экспедиции, то в сторону его заместителя.

– Ну так, предлагаю всем успокоиться... причин для паники нет. Думаю, стоит расслабиться и немного закусить, продолжив движение. Данный гуманоид уже не опасен. Изучать его будем, как сказал Николай, на

обратном пути... – Тон Михаила, был настолько серьёзен, что вопросов не было.

Все просто прибывали в недоумении, а точнее в Шоке, глотая воздух, как глотали его вчера Михаил с Вадимом. Борис Яковлевич не стал противиться словам своего помощника, успев засвидетельствовать действительность не только своими глазами, но и фотоаппаратом. Профессор просто был под сильным впечатлением...

Перекусив и немного отдохнув, экспедиция двинулась дальше, по старой дороге, к дремучему лесу. Попутно народ обсуждал увиденные у Дольмена следы, не в силах ещё пока до конца осознать происходящее.

Глава девятая

«Древний Алтарь и Храм Огня»

Седьмой день пути, скорее всего, обещал быть удачным. Кузя дань принял, а значит, проблем с его стороны не предвиделось. Светило жаркое солнце, но в тоже время дул лёгкий свежий северный ветерок. Путешествие продолжалось. Их путь лежал через густой лес, по старой заросшей дороге, медленно поднимавшейся в гору, к так называемому Камню, но к самому Камню им идти было не нужно, через некоторое время их путь должен был свернуть правее,

к западу от Камня, куда забредала редкая нога человека. Кто, когда и главное зачем, проложил эту дорогу, Николай не знал, да и не пытался узнавать, есть вещи, о которых можно только догадываться, но лучше не знать. Однако то, что этой дороге несколько Веков, сомнений не вызывало, даже Борис Яковлевич своим намётанным взглядом определил это, как только они на неё вступили. Замерив что-то своими приборами, Михаил с профессором внимательно разглядывали основание дороги, а окружающие заросли изучали с двойным интересом, тормозя движение группы. Но Николай их не торопил, медленно двигаясь в хвосте колонны. Он понимал, что этой дороге действительно стоит уделить достойное значение.

К тому же, величие окружающей природы и лёгкая прохлада леса не располагали к быстрой езде и даже к разговорам, лишь комары и мошкара занудливо гудели, стараясь залезть в уши, глаза и нос.

Юля ехала рядом с Михаилом в первых рядах растянувшейся колонны, которую возглавлял Борис Яковлевич, зорко и неспешно оглядывая окрестности. Николай замыкал процессию, вслушиваясь в таёжные звуки. Собаки бегали в зарослях вдоль дороги, распугивая мелкую живность.

– Миша, а что это за история с Водкой и Снежным Человеком, ты это там серьёзно говорил. Неужели это Правда? – как бы невзначай спросила Юля.

– Нет конечно же, так, ерунда, местные предрассудки... Просто Николай, как бы, дань Водкой

заплатил, местному Злому духу леса... Ну у них тут так принято, у охотников, чтоб не мешал... Ну чушь, конечно же, но сама понимаешь, у каждого свои суеверия. Я лично не осуждаю... – Михаил боялся напугать хрупкую девушку, списывая все странности на местные суеверия, даже не подозревая, насколько он прав касаясь Злых духов...

– А как же следы? – не унималась Юля.

– Какие следы? Я никаких следов не видел.

– Ну-у... Как же... Там у большого камня были следы... Борис Яковлевич о них говорил... – растеряно пролепетала Юля, не зная что ещё добавить к сказанному.

– Прости, но я ничего не видел, и поэтому сказать ничего не могу. Чего не видел, того не зная... Да и из того что лепетал профессор было трудно понять что-то конкретно... – полушутливо, полусерьёзно констатировал Михаил, разводя руками.

– Ну он же сказал что всё сфотографировал???

– Я понимаю... Сфотографировал... Но предметный-то разговор мы можем вести лишь тогда, когда плёнку проявим... И фотографии отпечатаем... Мы Юленька Учёные, а не просто так по грибы вышли, всё должно быть только научно обосновано и иметь неопровержимые факты, а то так мы скажем что и не такое видели. Сплетни не являются достоинством научного сотрудника, коими мы считаемся.

После таких убедительных слов у Юли пропало желание что-либо ещё расспрашивать, хотя интерес к теме у неё всё же не угас...

К концу дня дорога вывела на открытый пригорок, правой стороной упирающийся в невысокую отвесную скалу. У въезда на пригорок, по обеим сторонам дороги стояли два высоких Сейда, словно колонны, аккуратно выложенные из закруглённых больших плоских камней. Эти «стражи дороги» были высотой более двух метров, и явно стояли тут не просто так.

Борис Яковлевич остановился возле Сейдов и несколько раз их сфотографировал. Затем, проехав сквозь эти ворота и въехав на пригорок, он поднёс к глазам бинокль. Профессор тщательно осмотрел окрестности, медленно поворачивая голову, то влево, то вправо. В конце пригорка, где уступ скалы становился более пологим, он увидел ещё один Сейд, но уже более высокий, в виде пирамиды. Подъехавший Николай, заметив, куда засмотрелся профессор, пояснил:

– Там дорога расходится – прямо у пирамиды одна уходит влево, а другая вправо, через гору, и ведёт в сторону Большого Камня, и далее к истоку реки Сосьвы, что впадает в Обь, а ещё дальше Лукоморье и Югра. А нам левее по склону и снова через лес, где торчат вон те горы. Показал Николай рукой в сторону уходящего солнца.

– А далеко ещё до Озера? – чуть ли не молящим голосом поинтересовался подъехавший лаборант, выразив вслух мысли всех остальных членов экспедиции. – Или ходя бы до какой-нибудь речки... А то купаться уж очень хочется... Жарко!

– Здесь в речках вода холодная, кажется ты это уже заметил. – ответил ему Николай, намекая на падение в первый день пути.

– А до озера ещё далече. Как минимум два дня до реки Усь, не меньше, так что терпите. А сейчас привал с дремотой. – Николай сказал, как отрезал, направив свою лошадь под уступ скалы.

Под скалой в огромной нише был сложен очаг из камней с явными признаками старого кострища. Рядом с очагом был огромный плоский валун, приспособленный под стол, а в самой середине ниши лежал камень, в виде большой раковины, как от умывальника. Над камнем был выбит рисунок – ящерица, на спине которой стояло солнце на длинных ногах, а вокруг прыгали маленькие человечки. Рисунок был похож на детский, которые обычно рисуют в детских садах дети, либо карандашом на бумаге, либо мелом на доске.

– Ручки, ножки, огуречик – вот и вышел Человечик. – выпалила Юля детскую считалочку, увидев наскальный рисунок.

– А внизу детский ночной горшок. – зло пошутил кто-то из присутствующих.

– Это скорее жертвенник, чем горшок. – вставил своё слово Михаил. – А судя по рисунку, ему не менее тысячи лет.

– Жреческий Трон... А Жертвенником был вот этот большой камень... Судя по всему, крови на нём пролито было немало... Вот тут даже сеть специальные стоки для крови. – Борис Яковлевич

щёлкнул несколько раз затвором фотоаппарата и продолжил.

– А рисунку ни тысяча лет, а я думаю, что раза в три побольше будет. – Борис Яковлевич говорил неспешно, при этом щёлкая фотоаппаратом, стараясь заснять увиденное до захода солнца, отблески которого падали на скалу, цепляясь за макушки деревьев...

Острые тени елей, в лучах заката, словно длинные пальцы указывали на наскальный рисунок древнего капища. Сделав несколько снимков, профессор предложил коллективное фото. И уговаривать пришлось лишь Николая. Потом Юля сфотографировалась с Михаилом. В общем, всю плёнку исщёлкали. Юля и Михаил хотели сняться в компании собак и Николая, но проводник ушёл собирать дрова для костра, а собаки были не против, даже с охотой позировали.

Мужчины развели костёр, женщины приготовили ужин, ну и, как положено после чая, потянуло на разговоры...

Все с нетерпением смотрели на Бориса Яковлевича, наблюдая, как он неспешно отхлёбывает из кружки чай, вприкуску с сахаром. Сделав очередной глоток, профессор многозначительно поднял вверх палец и с пафосом в голосе произнёс:

– Товарищи мои дорогие! У нас сегодня был очень плодотворный день... Мы с вами явно на пороге Великого научного открытия...

Он сделал ещё несколько глотков чая, смакуя растворяющийся во рту сахар. Потом допив, отставил в сторону кружку и продолжил:

– Ящерица у многих древних народов была символом загробного, потустороннего или «нижнего» Мира, а Солнце символом «верхнего» Мира. Наш Мир считается промежуточным – проявленным. Отсюда Древнерусские Ведические понятия – Навь, Правь и Явь. Так называемый закон Триглава, в Христианстве известный, как – Святая Троица. Но вернёмся к ящерице. Если мы с вами вспомним старые уральские сказки, то, как вы помните, там Хозяйка Медной горы превращается в кого? – не дождавшись ответа от окружающих, профессор продолжил сам.

– Правильно – в ящерицу... А это значит... – профессор сделал небольшую паузу, осматривая окружающих, чьи лица сверкали в отблесках костра, с интересом глядя на рассказчика.

– А это значит, что вход в подземное царство где-то рядом. – заполнил возникшую паузу Михаил. – А так, как Хозяйка Медной горы была баснословно богата, то у нас есть шанс отыскать её сокровища, и вернуться домой миллионерами. Против такой перспективы, я думаю, никто не возражает... – С лёгкой иронией в голосе заключил Михаил...

– Конечно, Миша утрирует, но примерно что-то подобное может иметь место быть, если повезёт конечно. – Борис Яковлевич, уловив в голосе заместителя экспедиции иронию, всё же продолжил:

– Только местные племена звали её не Хозяйкой Медной горы, а Золотой Бабой или Йома-Бабой, Йога-Бабой, как кому удобнее. И следы этой Золотой Бабы тянутся из далёкого, далёкого прошлого.

Ещё варяжский конунг и летописец Снорри Стурлуссон в своей книге норманнских саг «Круг Земной», упоминал о ней. В частности в саге об Олафе Святом, он, описывая события XI века, рассказал о путешествии Викингов в северную страну Бьярмию:

«Отправились отважные Викинги, под предводительством Торира, на торг с Бьярмами, а после торга решили пограбить их капища. Так как, по словам Торира, местные народы приносили богатые подношения своим Богам. По пути к капищу сдирали с деревьев кору, чтобы найти дорогу обратно. Шли долго, и к полуночи вышли на большую поляну. Середина поляны была огорожена высоким частоколом, а в самом центре, на высоком кургане, стоял каменный идол – Бог Йомал. Торир приказал идола не трогать, а рыть курган, где вперемежку с землёй, спрятаны сокровища. Накопив золота и серебра, кто, сколько смог, викинги направились к своим кораблям. А один всё-таки вернулся, и прихватил серебряную чашу самого Йомала, доверху наполненную золотыми монетами. Ночи тогда были светлыми, и все быстро добрались до кораблей, отплывая, так же в спешке, как и приплыли. Но не успели они отчалить, как корабли накрыл густой туман и воцарился полный штиль. В гробовой тишине

штили стали вдруг раздаваться одиночные крики и вопли, и вновь тишина, потом снова всё повторялось. В вязкой пелене повис запах смерти. Тогда Торир приказал выбросить всё награбленное за борт, и как только его приказ был исполнен, сильный ветер разметал клубы непроглядной пелены, надувая их паруса. Отплыв на приличное расстояние от берега и придя в себя, викинги стали считать потери. Бесследно пропала половина их отряда».

– Причём тут Золотая Баба, спросите вы? Всё очень просто, идол имеет как женское, так и мужское начало, в мужском варианте это – злой дух Йомал, а в женском Йома-Баба, или Баба-Йага, или Золотая Баба. Это всё ипостаси одного и того же Божества. А словосочетание «Золотая Баба» означает не то, что Она сделана из Золота, а имеется в виду её сакральное значение. Те, кому довелось видеть Бога Йомала, говорят, что он весь Чёрный. Скорее всего, это потому, что сделан он из чёрного метеоритного камня и наверняка обладает какими-то магическими свойствами.

– А какой вообще сакральный смысл может быть скрыт в этой самой Йома-Бабе, может скорее всего, это простой языческий идол. – высказал свою точку зрения кто-то из присутствующих.

– Ну-у... Не скажите, не скажите... У каждого подобного идола был свой Шаман, который обладал богатейшими знаниями в области магии, не говоря уже о познаниях сотворения Мира и прочих бытовых

мелочах. Скорее всего, метеоритный камень мог быть воротами в параллельные Миры, а возможно, что и порталом ко вселенской базе знаний, а то, что такая база существует теперь уже мало кто даже из простых обывателей сомневается. Об этом сейчас много пишут в разных книг, снимают фильмы. – голос Бориса Яковлевича был настолько уверенным и твёрдым, что даже Николай проникся всем тем, что было сказано, с особой непоколебимостью и верой.

Ему тоже захотелось высказаться по этому вопросу, а именно, что касается этой самой «Золотой Бабы» и уж тем более о её охранниках, которых местные жители больше всего боялись, поэтому и отказались сопровождать экспедицию Бориса Яковлевича. Но тут Николай вспомнил предостережения остяка Фалалея, сказанные как-то ему по пьянке:

«А имена их шибко громко произносить нельзя, инае могут они их услышать и за этим человеком придти...»

Вспомнив это остяковское предостережение, Николай промолчал, не из-за страха перед «злыми духами», а так, на всякий случай, чтоб, не дай Бог, чего не вышло...

– Вот тут Николай сказал, что дорога у того дальнего Сейда расходится, и та, что ведёт через гору в Югру, в конечном итоге ведёт к полуострову Ямал,

который ещё называют «Лукоморьем», потому, что Обь там впадая в море, напоминает дугу, излучку. Кстати, слово Ямал на Ненецком языке обозначает «конец земли». – Продолжал говорить Профессор.

– Так вот, Ненцы или по старому Самоеды, пришли на Крайний Север с Алтая, и не так давно, примерно две тысячи лет тому назад. До этого тут жили другие племена, после которых остались вот эти наскальные рисунки, топонимы и сейды, а так же определённые древние традиции.

«Куда же делись древние племена?» – спросите вы, и вопрос остаётся актуальным и посея день. Среди самих Самоедов ходит легенда, что местный народ Сихиртья или Сибиры, был малорослым и потому, не выдержав конкуренции с Ненцами за среду обитания, ушёл под землю. Вот такая вот «Подземная Чудь» получается. – подвёл черту под своим монологом Борис Яковлевич.

– А как это всё может быть связано с Чёрным озером, Чёрным идолом, наскальными рисунками, и уж тем более пропавшими людьми, ведь полуостров Ямал отсюда далеко? – недоумённо поинтересовалась Юля, смутно представляя цель экспедиции.

Для неё, как и для многих здесь присутствующих, это было простым увлекательным путешествием, с возможными приключениями, но не более того, а тут она вдруг стала подсознательно ощущать значимость происходящего, и появился реальный интерес сделать какое-то открытие.

– А всё очень просто, и в тоже время сложно. Если Верить в древние предания и легенды – то связь понять просто, а если не Верить – то сложно. Ведь «Чёрный идол» или «Золотая Баба», могут быть богами ещё той, ушедшей «под землю» цивилизации, а скорее всего ушедшей не под землю, а в Параллельный Мир, и вполне возможно, что своей связи с верхним миром они не потеряли. Вспомните, опять же, сказку о Хозяйке Медной горы, там тоже пропадали люди, которых утаскивали под землю, заставляя работать на рудниках. Возможно, что в районе Чёрного озера есть какой-то лаз или пещера, которая ведёт в эту самую «Подземную Чудь». – уже другим, менее серьёзным тоном, сказал Борис Яковлевич.

– Я думаю, что Чёрное озеро и Чёрный идол между собой как-то связаны, и мы на верном пути. А этот древний рисунок – лишь тому подтверждение. – сказал Михаил, показывая на нишу в скале.

– Возможно, возможно... – как-то многозначительно пробормотал профессор, мысленно уходя вглубь себя.

– Как бы это Чёртово озеро, действительно, не оказалось Чёрной дырой в царство мёртвых... – подумал Николай, сопоставляя древние легенды, рассказы местных жителей и своё чутьё солдата.

Дикие тени плясали по стене в отблесках костра, словно древний Шаман совершал свой ритуальный танец у священного алтаря, готовясь принести Богам очередную жертву.

– Люди тысячи лет пытались и продолжают пытаться общаться с «потусторонним миром», совершая всевозможные обряды и даже жертвоприношения, вот у таких алтарей. – продолжил тему Борис Яковлевич.

– А откуда у людей такие умения?

– И откуда они знали, что и как нужно делать?

– Это наверное страшно и опасно?

Посыпались со всех сторон вопросы, так как тема вызвала явный интерес у собравшихся вокруг костра людей.

– Ну, скажем так – среди миллиардов людей всегда были и остаются те, кто более глубоко чувствует и понимает окружающий нас Мир, в том числе и Потусторонний, который для большинства людей находится за рамками их понимания. – попытался ответить на вопросы профессор.

– А опасно это или нет? Ну не знаю, наверное тут Всё зависит от глубины знаний и посвящённости того или иного Волхва или Шамана. Мы ведь с вами не заём с кем именно могли общаться Жрецы, что проводили свои обряды у этого камня... И кому они приносили жертвы... И какие именно...

– Как-то в одной из своих экспедиций я познакомился с самым что ни наесть настоящим Шаманом, который на некоторое время уходил в «потусторонний мир»! У них это называется Камланием... – Борис Яковлевич сделал паузу, словно припоминая подробности.

– Так вот, существует много разных увлекательных рассказов о жизни людей, побывавших в «потустороннем мире», но лишь на некоторое время... Но... От того Шамана я услышал легенду о том, как Человек прошёл Путь от Смерти до Рождения, как бы познав «изнанку жизни», заглянув за ширму нашего мира, и оказавшись в «иномирье» или как иногда говорят – «зазеркалье»...

Профессор опять сделал некоторую паузу, словно пытаясь вспомнить легенду.

– Шаман сказал мне, что ему эту легенду поведал сам Путник... Ушедший из нашего Плотного мира Яви в мир Нави... как он выразился – Прошедший Мир Духов!

«Итак, я покинул своё физическое тело навсегда. Хотя я и уходил из него каждый день на несколько часов, но всегда возвращался. А на сей раз, я скинул его совсем, чтобы больше не надевать, как старое, изношенное платье, ибо пришёл срок моего ухода из этого Плотного Мира. Этот срок был установлен Владыками Кармы ещё при моём рождении, так как Длительность жизни в Мире Плотном определена каждому человеку заранее. Оставленное мною Плотное тело служило мне лишь инструментом для действия, Отбросив его, я тем самым лишился возможности жить в этом Мире, и он перестал для меня существовать.

Правда, пока еще я не совсем ушёл из Плотного Мира. Я сбросил только Плотную часть физического тела, состоящую из твёрдых, жидких и газообразных частиц, что получило название «холодного трупа». Я унес с собой Жизнь этого тела: теплоту, электричество и прочие энергии, то, что на Востоке называется – «эфирным телом». Имея своей внешней оболочкой только это Эфирное тело, я стал невидимым для находящихся в Плотном мире людей. При сильном желании я мог бы принять видимость «привидения» и показаться своим близким в виде облачной фигуры, но я не сделал этого, ведь меня могли бы испугаться. Тем более что в момент ухода из Плотного тела я был очень занят: Я переживал свою жизнь вновь. В эти короткие секунды передо мной прошла панорама всей моей жизни. Из всех забытых закоулков и углов моей памяти выступили картины моей жизни – картина за картиной, одно событие за другим.

В мой смертный час выявился преобладающий смысл всей жизни, выяснилась её руководящая мысль. Я увидел себя таким, каков я есть на самом деле. Как было хорошо, что все, кто присутствовал у моего смертного одра, держали себя тихо и благоговейно, ведь в эту Торжественную минуту я стоял лицом к лицу со своей жизнью. А это требовало торжественного молчания. Ничто не отвлекало меня от обзора проносимой перед моим внутренним взором истекшей жизни, никто не нарушал покойное течение мысли.

Те, кто врываются со своими личными огорчениями в тишину, так нужную для отходящего, поступают эгоистично и грубо. Громкий плач и шумные жалобы могут потревожить умирающего, и нарушить сосредоточенное внимание. Недопустимо звать Душу обратно в земные сферы, когда Дух от неё уже оторвался.

Примерно через тридцать шесть часов после смерти, я вышел и из эфирного тела, которое некоторое время носилось над могилой, однако через несколько недель оно распадётся и рассеется в воздухе...

Освободившись от Физических тел (плотного и эфирного), я очутился в другом мире – Мире Тонком. Я сам остался тем же, как и был, только теперь моим «внешним телом» стало тело тонкое, как – носитель и проводник: желаний, чувств и эмоций. Обладая этим телом, с его органами восприятия (тонким зрением и пр.), я сразу же мог принять участие в жизни Тонкого Мира и его обитателей. Это тело я имел и раньше, в Мире Плотном, только там оно было невидимо, скрыто за грубой оболочкой Плотного тела. Посредством этого Тонкого тела я мог желать всё что угодно, выразить свои чувства, всё то, что в Земной жизни я скрывал, как ненужные эмоции.

Тонкий мир есть не столько какое-то особое место, сколько состояние, в которое я погрузился после утраты Физического тела. Моё сознание осталось таким же, каким оно было в Плотном Мире. Все ушедшие продолжают вести в Тонком

Мире такую же жизнь, какую они вели, будучи на Земном плане существования, часто даже не сознавая, что они перешли в Иной Мир.

Тонкий Мир содержит семь планов или сфер, соответственно различным устремлениям его обитателей и соответственно разным ступеням их духовного и интеллектуального развития. Если в Плотном Мире человек, притворяясь, может скрывать свою истинную сущность и занимать не соответствующее его развитию место, то в Тонком Мире это абсолютно невозможно: там всякий попадает в такую сферу, которой он своим духовным развитием достиг. В Тонком Мире никак нельзя быть лицемером и облекать грязные мысли покровом кажущейся добродетели. В Тонком Мире каждое побуждение сразу же вызывает соответственное изменение внешнего вида. Зверские аппетиты формируют тонкое тело в звериные облики, дурные страсти и помыслы обезображивают его до ужасных степеней. И что самое замечательное во всём этом, так это то, что сам человек никогда не видит своего самопреображения!

В Тонком Мире существует и подобие Ада, ибо состояние преступников и порочных душ в низших слоях Тонкого Мира очень даже мучительно. Ярые, злобные и жившие лишь чувственными наслаждениями люди – очень страдают из-за невозможности утолить свою злобу и плотские страсти, ибо у них здесь нет орудия для этого – Физического тела. Они буквально горят в Пламени своих неутоляемых страстей.

Сферы Тонкого Мира отличаются одна от другой по плотности. Эти различия в свойствах материи Тонкого Мира являются причиной того, что существа, пребывающие в одной сфере, отделены от существ, находящихся в другой. При этом, Обитатели Тонкого Мира являются источниками Света, они сами Светятся, освещая собой и то пространство, в котором находятся. Но, Светоносность каждого существа Тонкого Мира зависит от достигнутого им большего или меньшего Духовного совершенства, отсюда разделение на Светлых и Тёмных. Светлый тот, кто Светится, а Тёмный света не излучает.

В низших слоях Тонкого Мира царят постоянные сумерки, ибо свет их жителей слабый, ведь они не умеют думать о Свете. Чем выше Сознание и Мысль, тем Светлее нерукотворное Сияние Душ. Жители Тонкого Мира, которые хотят Света, не имеют недостатка в нём – Светлая Мысль рождает Свет.

В Тонком Мире голос не нужен и заменён быстрой мыслью. Тут воспринимаются не слова, а мысли. Чудесна возможность думать на своём языке и в то же время быть понятным жителями разных стран! Очень увлекательная в Тонком Мире возможность творить из тонкой материи своею мыслью все, что угодно, что только человек пожелает. Чем богаче воображение человека, тем разнообразнее его творчество и чем культурнее человек, тем прекраснее оно. Поэтому все мечтатели, поэты, художники имеют здесь безграничные

возможности применить все свои способности и устремления.

Возможности обитателя Мира Тонкого с точки зрения Плотного Мира удивительны. Здесь я мог с недоступной для земного понимания быстротой переноситься из одного места в другое. То, что для земного человека является фантазией, сказкой и чудом, здесь есть самая настоящая действительность и реальность. Только тут понимаешь, что все те сказки, в которых говорится о «шапке-невидимке», о «ковре-самолете», о «добрых и злых феях» и прочем, всё это написано авторами, которые помнили о законах и явлениях Тонкого Мира.

В Тонком Мире тысячи земных лет могут показаться мигом, а один миг – вечностью. Но ведь и на Земле бывает, что человек, погруженный в радость творчества или счастья, не замечает, как протекают годы, а одна какая-нибудь страшная минута кажется человеку бесконечно долгой. Также там всякое существо и всякая вещь прозрачны и видимы, как внутри, так и со всех сторон одинаково...

И вот кончился срок моего пребывания в Тонком Мире. Пришло время мне «умереть» и здесь – это значит сбросить с себя уже изношенное Тонкое тело и самому перейти в следующий, Высший мир...

Когда моя связь с Тонким телом окончательно порвалась, я погрузился в короткую бессознательность. Затем я пробудился от ощущения блаженства – яркого, безграничного, невообразимого для земного

сознания. Я проснулся с чувством невыразимой радости, мира и покоя, превышающего всякое представление. Самые очаровательные мелодии тихо звучали вокруг меня, нежнейшие оттенки светящихся красок волновались перед моим открывшимся зрением, даже сам воздух казался световой музыкой, всё существо насквозь прониклось Светом и Гармонией. Затем сквозь золотую дымку начали нежно выступать любимые лица, утончившиеся в красоту, которая отражала их благороднейшие эмоции, незапятнанные тревогами и страстями Низших миров. Как передать словами блаженство этого пробуждения, сияние этой первой зари небесного мира!

Это был Мир Огненный, вернее та часть его, которая называется Миром Мысленным. Это мир сознания, работающего как мысль, мир разума, но не того, который проявляется через мозг, а того, который свободно действует в своём собственном мире, не стесняемый Физической материей. Здесь моим «внешним телом» стало «тело огненное» или «тело мысли».

Жизнь в Мире Огненном более деятельна, чем в Мире Тонком, и формы её более пластичны. Духоматерия этого мира гораздо сильнее оживотворена и более утончёна, чем наивысшая материя Тонкого Мира. Здесь Материя мысли заставляет Материю чувства казаться неуклюжей, тяжёлой и тусклой, хотя по сравнению с Физической материей она казалась столь волшебной-прозрачной и светлой. В Огненном Мире нет теней и мерцаний –

Светоносность всех частей этого мира даёт непрерывное Свечение. Здесь Сияние Аур, как своды облачные, спадают лучами, как потоки и водопады. Даже Цветы отличаются особым сиянием, их можно сравнить со строением роз – где малые вихревые огненные кольца образуют сочетание лепестков.

В Мире Мысленном всё, что человек думает, тут же воспроизводится в формы, ибо разреженная Тонкая материя этого мира есть та же, из которой состоят формы наших мыслей, она есть та среда, в которой проявляется наше мышление, и материя эта складывается в определенные очертания при каждом воздействии на неё мысли. Каждый человек действительно создаёт сам своё небо, а красота всего окружающего бесконечно повышается в соответствии с богатством и энергией его мысли. По мере того, как человек развивает свои духовные силы, его небо становится всё более и более утончённым и прекрасным.

Разделения во времени и пространстве в Огненном Мире не существует. В этих небесах мы постоянно находимся с теми, кого мы любили и почитали во время Земной жизни – ушедших ранее или всё ещё живущих на Земле. Мы видим их около себя, таких же счастливых и блаженных, как мы сами, в той форме, которую мы любили на Земле, и сохраняем полное сознание наших Земных отношений, ибо в Мире Огненном расцветают все Земные ростки любви. Когда дело идёт об истинной связи между двумя душами, общение в Мире Огненном или

Мысленном теснее, ближе, нежнее, чем всё, что мы знаем на Земле, ибо тут нет преград между одной душой и другой, и в полном соотношении со значительностью душевной жизни на Земле будет и значительность душевного общения в Огненном Мире. Пространство не имеет здесь разъединяющего значения, и каждая душа может прийти в соприкосновение с другой душой, лишь направляя своё внимание к ней; любая мысль молниеносно переносится от одной души к другой, вернее сказать – каждая душа видит, как создаётся мысль в другой душе.

Мир Огненный есть мир блаженства и радости невыразимой. Но он представляет собою ещё и нечто большее, чем место блаженного успокоения для утомлённой души. Всё, что было ценного в умственных и нравственных переживаниях человека в последней его Земной жизни, здесь подвергается глубокой внутренней переработке и постепенному претворению в определенные умственные и нравственные качества, которые он понесёт с собой в следующее воплощение. Так я пребывал в Мире Мысленном в течение такого периода, в соответствии принесённому духовному запасу. Здесь всё доброе, совершённое в последней жизни, получает своё полное осуществление. И когда всё уже было исчерпано, когда выпита последняя капля из чаши радости, когда всё, что было переработано в способности, всё, что обладает вечной ценностью, вошло в меня самого, и я сбросил с себя последнюю из всех своих временных оболочек; я достиг своей истинной родины – Мира

Огненного. Да, Мир Огненный – это истинная родина человека, это его страна, в которой он Дома. Сюда он возвращается после путешествия в Мир Земной, в «долину слёз», куда он отправляется, как в школу, чтобы поучиться жизни и набраться опыта. Здесь сам человек и его бессмертная душа – переживают свою собственную жизнь, в полной мере того самосознания и ведения, до которых успели достичь.

Мир Мысленный и Мир Огненный, в сущности являются одним большим миром Мысли: первый – мир конкретной мысли, второй – абстрактной, огненной мысли. Но есть Души, которые во время своего Земного существования подготовили Своим мышлением и благородной жизнью такой посев, с которого жатва снимается именно в области Мира Огненного. Здесь они начинают испытывать истинную жизнь человека, достойного существования самой души, не стесненной оболочками низших миров. И здесь человек узнает своё собственное прошлое, разобравшись в причинах, которые он сам вызвал к жизни, отмечает их последствие и влияние на предстоящие ему в будущей жизни...

Я пережил несколько «смертей», сбросив через определенные промежутки времени одну за другой все свои временные оболочки: тело плотное и эфирное, затем тело чувств, и наконец, тело мысли. И теперь Я остался сам с собой, не имеющий более, что сбросить, а значит – более неумирающий, бессмертный, вечный... Так что же это такое – бессмертное и вечное Я?»

Борис Яковлевич не успел договорить, как вдруг где-то недалеко со склона горы посыпались камни, грохот которых гулким эхом раскатился по округе, утонув в дремучем лесу. Кони задёргались и заржали, испугавшись, скорее всего не падения камней, а чего-то ещё. Николай почувствовав это, схватил карабин и быстрым шагом пошёл в сторону того места где осыпались камни, вдоль крутого склона, собаки побежали за ним, но при этом, не проявляя особой озабоченности. Народ в лагере замер, ощущая, как по всему телу побежали мурашки, с ног до головы.

Не разглядев ничего подозрительного, проводник вернулся и резко скомандовал:

– Так, хватит на сегодня болтовни, всем спать, завтра трудный переход и ночёвка в лесу. Быстренько расслабились и отдыхаем...

– А что там такое упало? – поинтересовался кто-то из членов экспедиции.

Было видно, что разговоры о древних Идолах и Потусторонних Мирах очень сильно всех насторожили, а тут ещё и падение камней. Всё это явно не способствовало хорошему сну, в коллективе чувствовалось не здоровое напряжение.

– Ничего особенного, обыкновенный обвал камней... – постарался успокоить всех проводник. – Здесь такое почти каждый день случается, что вы хотите, какие ни какие, а горы.

Народ стал расходиться, в предчувствии чего-то необычного, загадочного и значимого, ожидающего их впереди...

– Интересно, что тянуло этих простых людей, бросивших вызов своим любопытством древним Богам, в эту вековую глушь? Какие трудности и испытания подстерегали их экспедицию, в ближайшие дни пути, пути полного приключений и тайн? – думал Николай, понимая, что помимо тайн и приключений, впереди их ждало много опасностей, и что просто так, это загадочное «Чёрное озеро» их к себе не подпустит и свои секреты не откроет...

Подбросив побольше в костёр дров, Николай положил голову на седло, прислонённое к камню и стал всматриваться в мутный полумрак неба, затянутого серой дымкой костра. К нему подсел Борис Яковлевич, и после некоторой паузы спросил:

– Уважаемый Николай... Я конечно не настаиваю, понимая что наша безопасность лежит на ваших плечах, но мне хотелось бы вас попросить...

– Я внимательно слушаю вас профессор.

– Не могли бы мы завтра с вами подняться на эту гору... Откуда только что скатились какие-то камни... У меня есть глубокое убеждение, что там мы можем найти что-то очень даже интересное.

– Хорошо профессор... завтра посмотрим... Как говорить – Утро Вечера мудренее... – ответил Николай медленно погружаясь в сон.

– Спасибо... Я был уверен что найду у вас понимание...

Рано утром Борис Яковлевич был уже на ногах, с нетерпением поглядывая на спящего Николая. Тот, не выдержав такого сильного давления, встал, и с недовольным видом начал собираться. Лагерь ещё спал, кроме Михаила и Вадика, который хоть и с трудом, но всё же, поднялся сам, изъявив желание забраться на гору вместе с остальными, услышав вечернюю просьбу профессора. Отговаривать его никто не стал, тем более что кто-то должен был сопровождать профессора с его аппаратурой, так как было решено, что Михаил остаётся в лагере за старшего.

– Без вожака стаю оставлять никак нельзя... – сделал попытку пошутить Николай, обращаясь к Михаилу. Все присутствующие мужчины улыбнулись.

– Хороший знак начинать день с улыбки. – сказал профессор закидывая за спину рюкзак.

– Нет, Борис Яковлевич, рюкзачок наверное лучше оставить, прогулка думаю, предстоит не из лёгких... – слова Николая были не рекомендательными, а утвердительными.

– Но там же фотоаппарат, приборы и вообще...

– Фотоаппарат можно на шею повесить, а приборы Вадик понесёт, он парень крепкий, в футбол играет...

– Конечно... Без всяких проблем...

– Правильно, проблемы нам совсем ни к чему...

Николай перекинул через плечё моток верёвки, взял в руку карабин и взглядом показал что пора идти...

Дойдя до дальнего Сейда, где склон нависавшей над ними скалы заворачивал вправо и немного сглаживался, они стали медленно подниматься в гору.

Поначалу продвижение было медленным, ибо постоянно приходилось огибать огромные валуны, выбирая более удобный путь для движения. Николай шёл первым, Вадик замыкал. Преодолев крутой подъём с севера, они вышли на достаточно большой, но менее крутой восточный склон, где утопающие в траве и мхе валуны стояли вперемешку с кустарником, словно непреодолимая ограда. Николай остановился, дав передохнуть Борису Яковлевичу и лаборанту. Взяв в руки бинокль он стал всматриваться в вершину горы. Там, словно непреступная крепость возвышалось какое-то каменное сооружение, и было непонятно, толи оно искусственное, толи природное, обзор преграждали высокие лиственницы, редким кольцом обступившие этот каменный бастион, словно отряд Витязей-Исполинов.

Николай ещё внимательнее присмотрелся к подходам, заметив несколько уступов, которые как будто соединялись между собой тропинкой. Опуская бинокль всё ниже и ниже, он сумел разглядеть эту тропинку скорее интуитивно, чем визуально, так как было заметно, что последний раз в этих местах нога человека ступал ну очень давно. Отследив, куда опускается след тропы, Николай дал понять, что пора трогаться в путь, молча направившись вдоль валунов на восток. Солнце уже поднималось во всей своей красе из-за Большого Камня, осветив пространство

своим благодатным светом. В его восходящих лучах, через пару десятков метров Николай рассмотрел довольно широкий проход между практически одинаковыми квадратными валунами. Они стояли как стойки ворот, у которых не было только лишь верхней перекладины. Правда этот вход был заросший мхом и кустарником, но пройти через него не составляло особого труда и на лошади.

– Какой шедевр древнего зодчества... – воскликнул поражённый увиденным Борис Яковлевич. – Жаль верхняя плита-перекладина не сохранилась.

– Вы о чём профессор, это всего лишь два камня... – неосторожно заметил Николай, тем самым уколос Бориса Яковлевича за живое.

– Вот Вы батенька в этом совершенно не разбираетесь, а туда же, умничать лезете, лучше поищите верхнюю перекладину... – уже менее возбуждённым голосом сказал профессор, оглядываясь по сторонам. – По всей видимости, она далеко улететь не могла, слишком массивная для этого.

Пока профессор обследовал «ворота» своими приборами и фотографировал, Николай прошёл вовнутрь сооружения. Прямо за камнями он действительно разглядел огромную плоскую плиту из гранита, которая лежала в нескольких шагах за валунами, толщиной примерно в 40 сантиметров, а возможно, что и больше, так как плита просто вросла в землю, обрамлённая всё тем же мхом, лишайником и густой травой.

– Судя по зарастанию скальных поверхностей и отсутствию ярко-выраженных следов какого-либо здесь пребывания людей, – сделал вывод Борис Яковлевич. – Это сооружение заброшено как минимум тысячу лет назад.

– А построено когда? – спросил Вадик.

– Построено... – профессор слегка задумался. – Думаю что лет на 1500 раньше, это как минимум.

Закончив с описанием «ворот», они двинули дальше вверх по склону, по едва видимой только Николаем тропе. Обогнув несколько препятствий, напоминающих собой бастионы хорошо оборудованной крепости, где даже было что-то похожее на стёсанные ступени, они подошли к выступу, от которого тропа резко поднималась вверх. Наверху, тропинка петляла между Лиственницами-Испалинами, которые своими корнями опутывали лежащие под ногами валуны. Перепутанные корнями вековых деревьев камни, были похожи на спрутов, вылезших из под земли, и готовых схватить за ногу любого кто к ним приблизился. Преодолев и это восхождение, компания исследователей оказалась на заросшей кустарником и лишайником ровной площадке с южной стороны горы. Над площадкой возвышалось какое-то массивное сооружение, напоминающее небольшую крепость, скрытую под густой растительностью. К этой крепости, огибая её с разных сторон, прослеживалась широкая дорога, так как тропой её назвать было уж как-то непочтительно, ведь она была гораздо шире той тропы, по которой они сюда поднялись, к тому же было

видно, что этот широкий пандус выложен камнем, аккуратно подогнанным друг к другу.

Было решено начать подъём на гору с юга, а спуститься с севера. Поднявшись на вершину скалы, они невольно сами превратились в камень, остолбенев от увиденного. А остолбенеть было от чего, и от увиденного на самой горе, и от вида, открывавшегося с горы. На горизонтально-ровной поверхности скалы лежала огромная глыба-плита, имевшая, на первый взгляд, форму абсолютного квадрата со сторонами примерно в десять метров. На этой плите стоял, не менее огромный дольмен, сооружённый из плоских квадратных плит примерно в три метра по плоскостям сторон и в полметра толщиной, перекрытый более широкой плитой, но меньшей толщины, примерно в 30 сантиметров. Все плиты были отшлифованы в идеальную плоскость. Стены этого Дольмена были ориентированы строго по сторонам света, а вход располагался с восточной стороны, в виде ровного отверстия диаметром около метра. Над входом была выбита стрела, указывающая вниз, а над ней, по всем имеющимся похожим изображениям было явно выбито солнце, вокруг которого расположились какие-то свастические знаки, явно дохристианского периода. Но более всего, во всяком случае, Николая, потряс вид, открывшийся со скалы.

В западном направлении взгляд утопал в бескрайнем просторе зеленеющей дали, которая сливалась на линии горизонта с синевой неба. Пока Николай наслаждался видами окрестностей, Борис

Яковлевич с Вадимом исследовали Дольмен изнутри, заметив в полу отверстие, которое говорило о том, что под Дольменом расположено какое-то помещение, вход в которое они и обнаружили, обойдя Дольмен с севера. Под Дольменом оказалась просторная пещера, без всяких преувеличений являющаяся древнейшим храмом времён неолита и посвящённое – Огню! Дополнительным подтверждением этому служил – алтарь, расположенный у подножия этой скалы, где они сегодня ночевали.

В лагерь Борис Яковлевич спускался, словно на крыльях, переполненный впечатлениями увиденного. Ему хотелось показать Михаилу сделанные в блокноте зарисовки и рассказать о тех уникальных фотоснимках, которые он сделал на скале и которые просто перевернут представление современного научного мира об истории происхождения человечества... Положительные эмоции его просто переполняли, и он спешил поделиться ими с остальными членами экспедиции...

Глава десятая

«Чёрное озеро или чёрная дыра»

Чёрное озеро находилось чуть выше в горах, даже, как бы в расщелине между гор, в районе Северо-Западного Урала. Недалеко от того места, где набирала свою мощь река Усь. Как утверждали старожилы, чуть ниже от истока реки, где бурное течение горной речки было не очень сильное, к Чёрному озеру, через перевал вела хорошая каменная тропа. Николай в той стороне был, но дальше реки Усь никогда не заходил. Место считалось гиблым, или как говорили местные – «проклятым», уж слишком много народу пропало в этом районе, даже по меркам глухой тайги. Уже то, что Николай в тех краях просто бродил в одиночку, рассматривалось местными жителями, как вызов Злым Духам. Хотя, всякое живое существо старалось обходить урочище Чёрного озера стороной, даже птицы туда не залетали, а растительность имела какие-то неестественные формы.

Старики поговаривали, что в озере том, не то чтобы рыбы, лягушки не увидишь, и даже не слышно пения птиц. Хотя, своими глазами никто самого озера не видел, но, все знали в какой стороне оно находится и боялись туда ходить.

Само название – «Чёрное озеро» уже отпугивало желающих. Даже с неба его было невидно. Летом, в жару, покрытое испарениями, озеро сливалось своим чёрным цветом с горами, а в другое время года было укрыто густыми облаками, как одеялом. Даже вертолёты и самолёты не решались летать над этим местом, особенно после того, как там пропал один экипаж поискового вертолётa МИ – 4, сгинув в районе тех гор, несколько лет назад, разыскивая пропавших геологов. В конечном итоге, не нашли, ни геологов, ни вертолётчиков, ни останков крылатой машины. Это событие произошло ещё до приезда Николая в Качнар, но Николай о нём слышал. В тех местах отказывались работать любые приборы – часы вставали, а компас, наоборот вращался как бешенный. Вертолётчики и геологи, скорее всего, пропали как раз из-за отказа приборов, ведь если отказала техника и рация, то искать кого-то в тайге, сами понимаете, что иголку в стоге сена, а тем более в труднодоступных районах Северного Урала...

До реки Усь Николаю доходить как-то случалось, да и то лишь из любопытства, ведь зверьё в тех краях не водилось. У реки он был всего один раз, зимой на лыжах, а дальше... А дальше, хоть и не верил Николай во всякие рассказы, но не имел особой надобности и желания забираться. Переходить через бурную речку в неведомую глушь Николаю не хотелось, ведь именно там за рекой и начиналось

урочище того самого «Чёрного озера». А как говорится в народе – «не буди лихо, пока тихо».

Именно там, в районе реки Усь, Николай впервые увидел следы «Снежного человека» и, пытаясь их проследить, дошёл, как раз до реки, но потом, у самой воды, следы вдруг исчезли, при этом, самое чудное было в том, что в воду Существо не заходило, а как бы перелетело через неё... Но, это было не самое главное чудо, дойдя до реки и встав рядом с тем местом где заканчивались следы, Николай вдруг оказался в полном вакууме. Он ощутил, что жизнь вокруг него резко остановилась, стих ветер, замерла река, снежинки повисли в воздухе. Его обхватила абсолютная тишина, такая безмолвная, что даже в душе похолодело, как от глубокого одиночества, словно он был один одинёшенек во всём Мире. Испугавшись этого неведомого состояния, Николай интуитивно попятился назад, и через несколько шагов вновь ощутил пропавшую реальность, словно вышел из какого-то коридора пространственной пустоты. Вокруг вновь стали падать снежинки, подул лёгкий ветерок, а река несла свои стремительные воды. Именно здесь он впервые почувствовал необъяснимое состояние тревоги, с бегущими мурашками от головы до ног. Это произошло после того, как он отошёл от реки, где утолив своё любопытство, получил взамен такие вот неприятные ощущения.

За ним за самим, кто-то наблюдал, Николай почувствовал, что из охотника превращается в дичь, и предпочёл удалиться подобру-поздорову. Очувтившись в

незнакомых местах, и не понимая своего страха, он решил не рисковать. Собаки тоже, как-то странно себя повели – стали к нему жаться, чуя что-то, явно не Человеческое, хотя и были они не из робкого десятка, он с ними и на кабана, и на медведя ходил...

Странные следы, Николай с тех пор, видел в тайге не раз и не два, но в сторону «Чёрного озера» больше не заходил. Кстати, в народе это озеро чаще всего называли – «Чёртово»...

А самого Кузю, так прозвал он «Снежного человека», Николай видел лишь однажды, когда тот проверял Николая, как говориться в народе, на «вшивость», но назвать произошедшее словом – «Видел», можно лишь с большой натяжкой...

Как-то зимой, Николаю пришлось заночевать в лесу, в районе «Змеиного Камня», что в двух днях пути от его второй заимки, если идти в сторону Большого Камня. Почему змеиного? Да потому, что на камне том змея выбита, кусающая свой хвост. Вот и прозвали место то – «Змеиный Камень». Так вот, решил он заночевать в лесу. Ну, как положено, наломал он еловых веток себе для подстилки, срубил одну сосну, средних размеров, поджёг её, а с другой стороны развёл два костра, чтобы быть между двух огней – и тепло, и от зверей преграда. Стемнело, погода тихая, мороз средний, Николаю не спится, сидит он тихо мирно, звёзды на небе разглядывает. А

звёзды, словно живые, подмигивают ему, сверкая своим разноцветьем. Красота, да и только. Тишина и безмолвие такие, аж Дух захватывает, лишь мороз лицо слегка пощипывает. Николай, как говорится, для сугреву, да и для поднятия жизненного тонуса, отхлебнул полбутылки Водки, и с головой ушёл в свои мысли. Вдруг смотрит, собаки поджав хвосты, к нему стали жаться. Он сначала подумал, сидя у костра и глядя на звёзды, что они замёрзли, но у них шерсть встала дыбом и рык, как на медведя. И тут, вдруг он услышал какой-то ухающий гортанный звук, не похожий ни на какой другой, когда-либо слышанный Николаем в тайге, звук был какой-то утробный, и в тоже время зовущий. Он тоже, как и собаки, насторожился, а по спине вновь побежали предательским холодком мурашки. Затем звук стих, а через пару минут возник новый, похожий на посвистывание, словно кто-то к себе зазывал.

В тот вечер, он действительно испугался по настоящему, и не меньше, чем собаки. После этого случая Николай даже перестал их ругать за трусость, когда в очередной раз, чувствуя Кузю, они поджимали свои хвосты, ища защиты у хозяина.

Опустив свои глаза со Звёздного неба, на грешную Землю, Николай невольно повернул свой взгляд в сторону услышанного им звука и застыл, как парализованный. Из густой темноты, сквозь искры костра, на него смотрели две не мигающие звёздочки! Николай не сразу понял, что это были глаза. На фоне заснеженной тайги смутно просматривался огромный

силуэт, примерно около трёх метров роста, если судить по расстоянию светящихся точек от уровня земли. Взгляд явно гипнотизировал Николая. Это он понял потому, что у него у самого была специальная психологическая подготовка, в том числе он проходил и какую-то кодировку от гипноза. Однако, по силе энергетической волны, исходящей от стоявшего в нескольких метрах существа, Николай понял что его «прощупывают». Из темноты исходила такая мощная волна импульсов, что Охотника пробил пот. Существо, словно пыталось прочесть мысли человека. Пауза психологического противостояния затянулась. Николай тоже смотрел не моргая в горящие точки, являвшиеся глазами «противника», при этом, у него даже не возникло желания схватиться за карабин. Противостояние было явно одинаковым по силе своей эмоционально-психологической нагрузки. Существо, поняв бессмысленность своих усилий, и не видя исходящей от Человека агрессивности, развернувшись, стало медленно удаляться, посчитав Николая для себя не опасным.

Николай, каждой клеткой своей кожи чувствовал это неспешное удаление, он словно отходил от наркоза, с каждым шагом Гигантского Существа, слыша хруст проваливающегося снега. Как только звук шагов перестал доноситься до обострённого слуха Охотника, страх и тревога перестали грызть его Душу. Николай залпом допил оставшуюся Водку, и, как не странно, несмотря на пережитый стресс, уснул как убитый. Проснулся он лишь с рассветом, от холода

надвигающейся утренней позёмки, задувающей угли костра. Собаки ещё спали, прижавшись друг к дружке, видно тоже перенеся сильный стресс от увиденного.

Встав, Николай отправился искать следы ночного гостя. Не обнаружив ни каких следов вокруг своей стоянки, Николай подумал, что всё произошедшее ему приснилось, но потом, прочувствовав реальность своих ощущений, пришёл к выводу, что это была Явь, а не Сон. Да и собаки были свидетелями... А следы скорее всего уже замела пурга... Ведь до этого он их видел... Так что это не было просто пьяным видением...

Чтобы развеять свои сомнения, он решил рассказать этот случай в посёлке, выпивая в кругу других охотников, что с ним случалось крайне редко. Николай по большей части предпочитал женское общество. Рассказывая свой случай, он думал что над ним будут смеяться, но эффект был обратным, его поняли и после этого. приняли в свою касту охотников.

Тем более что такие случаи бывали у многих местных охотников, ему даже дали дельный совет: «Надо было ему Водку отдать, помнится, некоторые охотники сказывали, что Водкой откупаются»... «Ну да, он к тебе на запах Водки подошёл, думал ты с ним поделишься, а ты вон какой жадный оказался – в одного всё выпил»...

С тех пор, совет про отступные в виде бутылки Водки, он с успехом стал применять. Этот случай придал уверенности Николаю, а то он уже стал подумывать, что сходит с ума, в тайге, от одиночества. Да и у местных жителей, он заслужил ещё большее уважение и авторитет, после этого случая, став почти своим. До этого, его недолюбливали или просто побаивались, а теперь ещё и зауважали. У Кузи, похоже, он тоже заслужил уважение, потому, что тот более не докучал ему своим присутствием, а пропадал после подношений на несколько дней...

Тогда же, за бутылкой Водки, кто-то из старых охотников рассказал, что один из его товарищей, кстати, фронтовик, своими глазами видел, как в реку Усь, но правда, ниже по течению и чуть в стороне от урочища «Чёрного озера», вошёл большой Белый волк, который переплыв реку вдруг превратился в огромного человека одетого во всё Белое. Выходя из воды, этот Белый человек обернулся и сверкнул глазами так, что его товарищ оцепенел на целый час...

– Ей Богу не вру... – перекрестившись, поклялся старик.

– Я тоже про этого Белого волка слышал... Я тоже... – загалдели наперебой пьяные мужики.

А ещё один из охотников, остяк Фалалей, рассказал ему придание старых шаманов:

«Давным-давно, в стародавние времена Бог Нум ударом молнии расколол гору у Большого Камня, в расщелине которой и образовалось озеро, названное впоследствии Чёрным. Неподаляку от того озера есть старое капище с идолом – Йомой-Бабой, высеченной из чёрного камня, упавшего с неба. Ну так вот, стоит та Баба посредине капища, а охраняет то шибко священное место злой дух Йомал. Этот Злой Дух, накрывает озеро густым туманом, пряча от посторонних глаз священное место, а на особо любопытствующих насылает лешего Тунгу или комполена Куля, чьи имена шибко громко произносить нельзя, иначе могут они услышать, и за этим человеком прийти. А идол тот зовётся ещё «Золотой Бабой», потому, что за много-много лет к её ногам приносили и зарывали в землю много разных золотых и серебряных подношений»...

Есть у нас и ещё сказ, почему то озеро «Чёрным» зовут. Шибко-шибко давно, те смельчаки, кому посчастливилось из урочища «Чёрного озера» вернуться живыми и невредимыми, рассказывали:

«Вода в том озере действительно кажется чёрной, потому, что озеро и не озеро вовсе, а чёрная дыра в царство мёртвых, у которого нет дна. От удара молнии Бога Нума, скалы вокруг озера тоже почернели. А в самом озере, и вокруг него нет ни травинки, ни былинки, ни рыбёшки, ну в общем, ни одной живой Души, только Злая сила в виде

страшного, огромного «Чёрного Змея» появляется из чёрных вод озера, поглощая всех, кто осмелился к нему подойти»...

Ещё рассказывают, что все подходы к озеру охраняет огромный лохматый Куля. А те «счастливчики», что об этом говорили, тоже потом долго не жили, за ними «Тунгу» приходил, и они тоже пропадали в тайге навсегда. Вот такая вот легенда.

– Хотя и не легенда это вовсе, а самая настоящая быль... Я сам этого «Куля» видел... – клялся остяк Фалалей, выпивая очередной стакан поднесённой ему халявной Водки...

– Да как же это его можно увидеть и от него спастись?

– А ты налей ещё, расскажу как можно от «Куля» спастись, если он тебе в тайге встретиться.

Николай налил Фалалею полный стакан и приготовился к длинному рассказу, остальные сабутыльники тоже с интересом прислушались. Остяк, прошептав что-то в стакан, выпил его содержимое залпом, скукожившись, фыркнул, икнул, и, занюхав коркой чёрного хлеба, начал свой рассказ:

«Как-то раз, летом дело было, пошёл мой приятель Сатыга в соседнее селение на свадьбу. Гармонист он хороший, вот и пошёл. Ну свадьба была знатная – неделю гуляли...»

Фалалей даже причмокнул, вновь подставляя стакан. Николай налил. Ритуал с Водкой повторился. Остяк продолжил:

«Ну, гуляли они, гуляли, устали. Сатыга отоспался, и стал собираться в дорогу. Хозяйка ему котомку собрала и литровку с собой дала. Перед дорогой выпили ещё по одной... а может, и не по одной, кто там знает...»

Он снова причмокнул, и вновь подставил стакан. Николай снова налил. Все остальные, сидящие вокруг, молча внимали сеё действие, не торопя рассказчика.

А Фалалей опять прошептал что-то в стакан, выпил его залпом, опять скукожившись, фыркнул, икнул, и, занюхав коркой чёрного хлеба, продолжил:

«Ну, пошёл он домой. Идёт по лесу, песни поёт, на гармонии играет. Долго шёл, устал, вечерело... Смотрит поляна небольшая, а на поляне три ровно срезанных пня, два рядышком, а один чуть поодаль. Сел Сатыга на один пень, а на другой провизию разложил и литровку поставил, а гармонь любимую поставил у ног. Поел он, значит, выпил – хорошо ему...»

Фалалей снова причмокнул, в вновь подставил стакан. Николай снова молча налил. Ритуал повторился. При этом никто даже не пикнул, спокойно

ожидая продолжения рассказа... Занюхав коркой хлеба, и немного откусив, Остяк продолжил:

«Ну, разомлел немного Сатыга, глаза сами как-то слиплись. Долго так сидел, или недолго, не знаю. Но когда глаза открыл, то обомлел!... На пеньке, что поодаль был, в лучах лунного света Куля мохнатый сидит, и на него смотрит. Не будил ведь чертяга, видно ждал, когда Сатыга сам проснётся. Сатыга сидит, глаза на него вытаращил, не знает что делать. А Куля ему на литровку показывает – ну мол, давай выпьем. Сатыга отхлебнул немного, а остальное ему передал. Тот взял, и стал глотками из бутылки посасывать, а Сатыга напротив слюной давиться. Ну, допил Куля, и на гармонь ему показывает – мол играй давай. Сатыга стал играть и петь, а Куля сидит на пне, головой мотает в такт песне, да ещё притоптывает – балдеет... Вскоре Сатыга устал шипко. Но как только перестанет играть, чтоб передохнуть, Куля на него глазами как зыркнет, и Сатыга снова играть от страха начинает. Всю ночь так играл. Руки затекли, ноги затекли, аж слёзы из глаз полились. Под утро Куля над ним сжалился, встал и ушёл, не оборачиваясь. А Сатыга ещё час с пня встать не мог, в себя приходил...»

– Вот такой случай был с моим приятелем Сатыгой. Правда он с тех пор по свадьбам один не ходит, и на свадьбах не пьёт, только дома пьёт. Я к нему иногда захаживаю...

Фалалей снова протянул свой стакан Николаю, и тот снова его наполнил. Остяк залпом выпил, фыркнул, икнул, занюхал коркой хлеба и упал...

Глава одиннадцатая

«Загадочный лесной туман»

Восьмой день пути был утомительным, так как всем пришлось полдня ждать профессора и проводника, а когда они вернулись ещё пару часов выслушивать восторженные рассказы Бориса Яковлевича о подземном Храме Огня и о Дольмене на скале. В общем, в путь тронулись лишь после обеда, примерно часа в три. Экспедиция, растянувшись по лесной дороге, неспешным шагом двигалась в чащу, отмахиваясь от назойливых комаров и мошек. Было душно среди затхлого запаха дремучего леса, и даже тень густых деревьев мало что значила в пелене душного смрада.

Именно в этот момент, впервые за неделю их пребывания в тайге, Юле захотелось оказаться дома, принять душ, выпить приготовленного бабушкой холодного морса или оказаться на пляже, в гордом одиночестве, среди людской толпы, таких же отдыхающих, как и она. Ей захотелось, никуда не спеша полежать в тени какого-нибудь дерева, с интересной книгой в руках. А ещё лучше, вместе с

Михаилом, чтобы он обнимал её, целовал ей руки, говорил красивые слова. Она даже, невольно, оглянулась в его сторону.

Михаил, как всегда замыкал растянувшийся караван, а впереди, о чём-то негромко беседуя с Борисом Яковлевичем, ехал проводник, различая только ему известную дорогу. Зной, духота и мошки действовали на людей и лошадей одинаково удручающе. Даже собаки перестали бегать по кустам, ища след предполагаемой добычи, а лениво плелись позади Михаила, высунув языки.

Видя всеобщую усталую сонливость, связанную с утомительным однообразием пути, Николай не дожидаясь приближения глубокого вечера, свернул с дороги, ища подходящую поляну для привала. Найдя сухое ровное место возле трёх больших камней, словно застрявших между огромными соснами недалеко от дороги, он скомандовал привал. Народ, тут же сполз с лошадей, и, продолжая отмахиваться от насекомых, упал под ближайшие деревья. Есть не хотелось, но костёр Николай всё равно развёл и не один, а по всему периметру поляны. Когда пламя своими языками охватило сухую древесину, Михаил подбросил в огонь какие-то таблетки. Едковатый дым поубавил количество несносных тварей. Попив чаю с сухарями и баранками, стали располагаться для отдыха.

Михаил подсел к костру, у которого сидела Юля, и подкинул в него ещё одну зеленовато-серую шашку, в виде брикета величиной с небольшой кусочек мыла, только потоньше, после чего стал

готовить ложе для двоих, постелив циновку на валежник и подложив под голову седло. Юля этому воспротивилась:

– Я лучше буду спать на одной голой земле, чем нюхать запах лошадиного пота, и что за дрянь ты опять подбросил в костёр.

– Успокойся, это не дрянь, а наша институтская разработка – дымовая шашка от комаров, эту шашку я для особого случая приберёг, когда уж совсем достанут, и не так уж она и воняет, есть конечно запах, но тут уж выбор не велик, либо мошки, либо...

– Михаил развёл руками, но седло всё же убрал.

Он свернул свою куртку, и положив под голову надувшейся Юли, прилёг рядом. Она не то чтобы капризничала, а просто очень болезненно воспринимала запахи, да и усталость сказывалась. То, что казалось обычным людям нормальным, Юлин нос категорично отвергал, приводя её в бешенство и влияя на самочувствие. Из-за этого она терпеть не могла общественный транспорт, в особенности летом, предпочитая на работу ходить пешком. Да и затянувшийся лесной дискомфорт начинал действовать на нервы уже всем женщинам, лишённым даже минимального комфорта.

Обидевшись даже на своё раздражение, через некоторое время Юля оценила заботу Михаила, дымовая шашка начала действовать эффективно, неприятные мошки стали исчезать, вместе с неприятным запахом дыма. Поняв, что она была не права, Юля повернулась лицом к Михаилу и,

уткнувшись в его грудь, как ребёнок, тихонько засопела. Он нежно обнял её и поцеловал в затылок...

Привязав лошадей, устроив костры, и поев, Николай устало прилёг поодаль от остальных, за большим камнем. Хотя он был и привычен к таким переходам, но, неспешный ритм их движения расслабил и его. Чуть поодаль от того же камня, вокруг Бориса Яковлевича собрались остальные члены экспедиции, желая услышать от своего руководителя очередную интересную лекцию о Мироздании.

– Профессор, вы тут очень интересную тему затронули про наше Солнце, что оно живое, хотелось бы узнать про это поподробнее, если возможно конечно...

Борис Яковлевич, записывающий что-то в свой блокнот, оторвался от бумаги и, немного призадумавшись, убрал блокнот в рюкзак. Затем уселся поудобнее и произнёс:

– Ну что молодые люди, я готов поделиться с вами своими знаниями, если ваши Души для этого открыты.

– Открыты... Открыты... – отозвались все словно эхо.

– Начнём с мистики и мифологии, в них заложено ядро истины...

В мифологии практически всех культур есть упоминания о полётах людей на коврах-самолётах, на

странных железных птицах, на огненных колесницах, на мётлах, ступах и просто на кораблях. – Профессор сделал паузу, осмотрев всех присутствующих, и продолжил:

– Вы конечно можете меня спросить – а причём тут Солнце и Ковры-Самолёты? А всё очень просто, и как я уже говорил, сложно одновременно. В данном случае – это лишь вопрос нашей с вами Веры. Ели мы не Верим что люди раньше летали – то это мифология, выдуманная нашими Предками в страхе перед природой и её стихиями. А если мы Верим – то это мистика, так как нам трудно сегодня понять, как в действительности наши Предки могли выдумать такое. Но, у древних людей отсутствовало такое понятие, как – фантазия. Они не выдумывали события, они их создавали, а знание об увиденном и созданном передавали по наследству, называя это – Быстиной. Быстина – это то, что Было. Отсюда и слово – Былина. А Былина – это слегка приукрашенная Быстина. Так что, о том что люди летали ещё до того как родился Иисус Христос, есть куча подтверждений, и не только в Мифах и Былинах.

– Как так, а почему мы об этом ничего не знаем???

– Знаете, просто не хотите Себе в этом признаться, да и вопрос Вашей Веры не даёт Вам повода открыть для этих знаний свои сердца и свой разум. Мешает Идеология сознания, которой все мы подвержены с детства. Повышенная внушаемость человечества очень удобный фактор для всякого рода

религий, идеологий и научных концепций. Мы воспринимаем Мир так, как нам о нём говорят «авторитетные лица», чаще всего из научных кругов, а ведь когда-то у народов были и другие «лица» и другие «авторитеты». Если говорить опять же о возможностях полётов человека, то есть находки изображения летательных аппаратов в Африке, Южной Америке, Азии. Подобные изображения присутствуют в рисунках Шумеров, Китайцев, Инков, в храмах Индии, Майя и в Египетских пирамидах. Об этом очень интересно написано в Древнеиндийском эпосе – Рамаяна. Даже есть макеты и изображения этих летательных средств.

Борис Яковлевич опять сделал паузу, оценивая реакцию окружающих на его необычное вступление. К разговору даже стали прислушиваться Николай и Михаил, располагавшиеся по разные стороны от общей компании и находясь в некотором отдалении.

– Возьмём для примера тему создания не только нашей Солнечной системы, которая, как я считаю, была создана искусственно, но и всей Вселенной. Восточная мистика воспринимает возникновение Вселенной из Хаоса, как некую систему переплетений различных стихий, имеющих динамический характер, и где всё подвержено определённым вибрациям – движется, растёт и постоянно изменяется. Даже современная наука была вынуждена признать внутреннюю динамичность взаимоотношения частиц и волн, в совокупности составляющих наш мир, что выразилось в Квантовой теории двойственности

субатомных частиц. Исходя из того, что частицы составляющие основу материи, одновременно являясь и волнами – они находятся в постоянном движении, перемещении, преобразовании. Для того чтобы понять механизм этого явления, мы должны помнить, что в Квантовой теории частицам соответствуют некие «Пучки волн». Эти «Пучки», в зависимости от ограниченности пространства и времени могут изменять и скорость своего движения. Многие тела кажутся нам пассивными и неподвижными, как вот этот камень, например, но, стоит нам воспользоваться сверхчувствительными приборами, как мы обнаружим у «мёртвого» камня доказательства его динамической сущности. Все материалы находящиеся вокруг нас, как и мы сами, состоят из атомов, а те в свою очередь, образуют молекулы, и так далее, и всё это находится в постоянном движении и взаимодействии, не замирая ни на Сиг, а Сиг – это $1/160$ от Мига (микросекунды), что равно примерно 30 колебаний электромагнитной волны атома цезия, взятого за основу для современных атомных часов. Наши предки знали даже такой термин мгновенного перемещения в пространстве, что косвенно, но подтверждает эти перемещения. В нашем современном лексиконе даже сохранились соответствующие слова: Сигнал, Сигать, Сигануть. В Латыни есть слово «Сигнум», в значении – знак, отметка, печать. Это говорит нам о том, что всё оставляет свой отпечаток даже в микроскопическом мире.

– Ничего себе... – присвистнул Вадик, до конца не понимая всех слов профессора, но осознавая, что в мире есть вещи, о которых стоило бы знать, но до которых ещё нужно и дорасти.

– А если мы посмотрим на горы с точки зрения замедленного движения на поверхности земли, но в более ускоренном временном отрезке, то мы увидим, что горы – это волновое перемещение метрии, с наплывом одних волн на другие. – продолжил свой монолог Борис Яковлевич. – И это всего лишь один из многочисленных примеров того, что существует вокруг нас, и кажется нам – «мёртвым» и «недвижимым». Восточная мудрость по этому поводу гласит:

«Даже Покой в Покое – не есть Истинный покой!»...

– Это что же получается – мы можем, ну хотя бы гипотетически, переместиться в любую точку Вселенной? – задал кто-то вопрос из присутствующих.

– Не только можем, но и при помощи своих мыслей зачастую там и оказываемся. Отсюда и вытекает такое понятие, как – Мыслеформа, о которой я уже вам говорил. А если учесть, что Вселенная, это единое целое, на уровне пространственно-временных взаимоотношений, то наши Мыслеформы могут оказываться одновременно в общем поле Вселенной.

– Не поверите, но я об этом уже слышал в Африке, от одного шамана из казалось бы дикого племени. – раздался из-за камня голос Николая,

делавшего вид, что он отдыхает и безразличен к разговору.

– Мне даже сейчас самому в это трудно поверить, я об этом никому ещё не рассказывал, так как понимал, что после подобных рассказов можно угодить в психушку, но вам сегодня поведаю. – Продолжил говорить проводник, вставая и подходя ближе к сидящим вокруг профессора людям.

Народ сначала от его слов вздрогнул, а потом ещё больше сосредоточился, даже и не думая его перебивать или выказывать своё недоверие. Николай не стал садиться рядом с остальными, а неспешно начал прохаживаться вдоль сидящих, начиная своё повествование:

– Меня тогда направили в Анголу, в командировку. Ну и как-то раз отправились мы с Кубинцами на вертолёт вглубь Африки, а я до этого на Кубе уже успел побывать. Так что общался я с ними более-менее сносно. Ну так вот, летим мы на задание, нужно было одну базу в труднодоступном районе ликвидировать. Летим значит уже час где-то, и вдруг нас начинают обстреливать с земли. Короче подбили, но лётчик молодец, царство ему небесное, вертолёт сумел кое-как посадить... – Николай сделал паузу, как бы обдумывая, что говорить, а что и пропустить. – В общем, если говорить ещё короче, то нас тогда сильно потрепали, только я и ещё один Кубинец в живых остались. А спасло нас чудо, в виде одного дикого племени людоедов, которого боялись все без исключения местные племена, и даже

«боевики-повстанцы», вооружённые современным оружием... Отстреливаемся мы значит, и уже патроны кончаются, как вдруг нападавшие с криками ужаса убегают. А нас, как я уже сказал только двое осталось. Ну мы по сторонам смотрим – дикари огромной толпой выскочили, с копьями наперевес, раскрашенные просто ужасно, есть от чего испугаться и убежать. Окружили они нас и давай вязать. Мы попытались сопротивляться, но их было слишком много. И тут я, от безысходности, как начал их крыть чистейшим трёхэтажным русским матом... – Николай опять сделал небольшую паузу...

– Ну... А дальше-то что? Не томи... – засуетился Вадик.

– А дальше... Я даже боюсь вам говорить, что было дальше... Опешили они и даже руки нам крутить перестали. А один, видно старший, на идеальном русском языке, только с Вологодским выговором, говорит нам так спакойненько, что бы мы следовали за ним. Тут уже опешили мы, но сопротивляться не стали...

– Африканский дикарь на чисто русском? Врёшь!
– непроизвольно вырвалось из уст лаборанта.

– Я же говорил, не поверите. Я бы сейчас даже перекрестился в знак того что не вру, если бы в Бога верил. А так, вам придётся поверить мне на слово. – и Николай развёл руками...

– Это я так, от избытка эмоций! – стал оправдываться Вадик. – Продолжай не томи.

– Так сам понимаю, что в это трудно поверить. Но, это ещё не все чудеса. Шли мы в деревню довольно долго и молча. Они трёх нападавших на нас бандитов захватили и тоже вели с собой. На тех бедолагах лица не было. Представляете побелевших от страха чёрных негров? Кстати, те что нас захватили, не были слишком тёмными, а были достаточно смуглыми и с признаками европейских черт лица, правда, вымазанных краской в особый орнамент. Пришли мы в их деревню, а там, в центре открытой поляны капище стоит, а рядом с ним три столба вымазанных кровью. Ну тех, что в плен взяли до гола раздели и к этим столбам привязали, а нас оставили под присмотром воинов, которые не проявляли особой агрессивности. Жилища у них были сделаны по принципу наших изб, только с высокими крышами, покрытыми пальмовыми листьями. Как только мы пришли, из этих изб куча народу повылазила. Старший ушёл в избу за капищем, откуда, через несколько минут вышел, судя по всему, вместе с шаманом и вождём. Те к нам подошли, и на Старославянском языке заговорили, я его вначале за Вологодский выговор принял. Одним словом, мы там неделю жили, они нас приняли как своих, тем более что Кубинец тоже по-русски неплохо говорил... – Николай опять сделал паузу.

Было похоже, что он вспомнил какие-то подробности из этой истории, а сейчас соображал,

стоит ли о них рассказывать. Все молчали, ожидая продолжения. Пауза затянулась.

– Вы хотели что-то про знания этого шамана о Вселенной нам поведать... – нарушил тишину Борис Яковлевич.

– Ну да... Шаман тот, сначала у меня всё выспрашивал про Россию, а потом стал мне рассказывать о Древних традициях и о Вселенной. Я ещё помню тогда очень сильно удивился – откуда в такой Африканской глуши он о России и Вселенной знает... И о наших Древнерусских традициях...

– А то, что они по Русскому говорят, Вас Николай не удивило? – перебил проводника профессор.

– Удивило, конечно, но только в меньшей степени. Ведь наших специалистов тогда в Африке было немало... Хотя... Тогда мне меньше всего хотелось об этом думать, мысли в основном были заняты тем, как бы живыми из этой передряги выбраться... Мы когда с Кубинцем к своим вернулись, точнее, когда они нас к своим проводили, то договорились об этом случае молчать...

– А с теми, что к столбам были привязаны, что случилось? – спросила одна из девушек.

– А их съели, как трофей... Принесли в жертву и съели...

Глаза всех членов экспедиции округлились до предела от услышанного, в особенности от того, каким спокойным голосом произнёс это Николай.

- Да... Интересную историю Вы нам поведали...
– задумчиво и многозначительно произнёс профессор.
– Ладно, я пошёл отдыхать... Вы тут тоже особо не засиживайтесь, а то завтра встаём рано...

Николай, выплеснув из себя сидевшую в нём занозой историю, точнее часть истории, почувствовал внутреннее душевное облегчение, словно исповедался. И ему было неважно, поверят ему или нет, главное, что он сбросил с себя груз той информации, что давила на него столько лет, и которую он не мог никому поведать до этого момента. А сейчас ситуация была подходящей. Тем более, что за прошедшую неделю, от тяжких дум и переживаний за вверенный ему коллектив, Николай стал морально уставать, поотвыкнув от людей. Одно дело рисковать собой, и совсем другое, когда рядом неподготовленные гражданские лица, большинство из которых, как дети, смутно понимающие, куда они попали. А ведь опасность подстерегала их под каждым кустом.

Подбросив в костры дров, Николай вернулся к тому месту у камня, откуда встал несколько минут назад. Подложив под голову седло и укрывшись курткой, он моментально заснул, включив в голове будильник, на пять часов утра...

А Михаил, слушавший историю Николая издали, не смея пошевелиться со спящей на его груди Юлей, ещё долго прокручивал в своей голове то, что оставил за кадром своего рассказа Николай. Он

представил, что пришлось пережить человеку в той ситуации, и теперь понял, почему у их проводника такой тяжёлый взгляд. За этими раздумьями Михаил задремал...

Михаил смотрел в спину Николаю, который плавно грёб веслом по ровной глади чёрной воды. Лодка, на которой они плыли с проводником, бесшумно скользила по большому озеру. Михаил, как бы нехотя, осмотрелся. Дальнего берега не было видно, только горизонт сливался с чёрной гладью воды, словно уходя в бесконечность. Николай грёб вдоль скалистого берега, сидя спиной к Михаилу. Михаил не видел его лица, но почему-то чётко ощущал, что это именно Николай.

Он окрикнул его, спросив, куда они плывут, но тот не ответил и даже не повернулся. Михаил опустил голову вниз, и удивился, нет, он не испугался, а именно удивился – у лодки не было днища. Ну не то, чтобы совсем не было, днище было, просто оно было прозрачным, словно бы его и не было. Сквозь толщу воды, он увидел дно озера – холодное безжизненное дно. Михаил коснулся воды и тут же отдёрнул руку, вода обожгла его. Нет, она не была горячей или холодной, она просто обожгла его, как бы изнутри, словно через него пропустили электрический ток. Хотя нет, это не совсем подходящее объяснение, его обожгло, как обжигает медуза в море, но только это должна быть очень большая медуза...

Михаил снова погрузил руку в воду, и снова почувствовал ожёг. Отдёргнув инстинктивно руку, он ударил по воде ладонью. Зыбкая рябь побежала по глади озера, словно волна, вызвав цепную реакцию каких-то неведомых сил, превращаясь вокруг, толи в пар, толи в туман, который накрыл их лодку густой молочной пеленой. Михаил снова окрикнул Николая, но тот вновь никак не отреагировал на его зов. Тогда он дотронулся до его плеча рукой, и сидевший к нему спиной человек обернулся...

Михаил не поверил увиденному. Из-под накинутого на голову капюшона, на него смотрела волосатая физиономия, со светящимися ярко-красными глазами. Он пошатнулся от неожиданности, лодка тоже зашаталась, и Михаил, потеряв равновесие, упал за борт. Как только он погрузился в воду, в его тело впились тысячи электрических разрядов, от ударов которых он потерял сознание...

Где-то среди деревьев забрезжил рассвет. Птицы, своим щебетом, пробуждали зарю. В воздухе пахло утренней свежестью. Лучи света зарождающегося нового дня, старались пробиться сквозь заросли векового леса, но запутавшись в деревьях, лишь прорывались лёгкими бликами. Лагерь стал медленно просыпаться. Николай, раздувая костёр, подбросил в него сухих дров, предполагая подогреть чай и позавтракать, как говорится, чем Бог послал. Но тут, вдруг все звуки смолкли. Николай насторожился,

посмотрев на собак. Собаки тоже насторожились, но в их поведении чувствовалась неуверенность. Стоянку, медленно, словно обволакивая, стал накрывать густой туман, как будто кто-то специально напустил его на данное место, накрыв путников плотным пуховым одеялом. Тайга тревожила и в тоже время распалила воображение, взывая к действию, но как раз сейчас лучше всего было бы затаиться, и не предпринимать ни каких действий. Николай почувствовал это инстинктивно, нутром ощутив опасность ...

– Никому не двигаться! – резко выкрикнул Николай, сдерживая нарастающее волнение и тревогу. – Старайтесь держаться поближе друг к другу, а ещё лучше возьмитесь за руки, и прижмитесь к земле.

Серьёзность его голоса насторожила всех окружающих, никто не обронил ни слова, моментально выполнив команду проводника. В воздухе повис запах влажной хвои и гнилых листьев. Туман медленно размывал очертания людей и деревьев. Лошади, переступая с ноги на ногу, тревожно зафыркали, заглушая робкие звуки леса. Пелена рыхлой хлябью поглотила всё вокруг. Воцарилась жутковатая тишина...

Вдруг, одна из лошадей с диким ржанием дёрнула поводья, и оторвавшись от дерева, рванула в лес. Ей вслед, с ошалелым лаем, рванули собаки. Топот копыт, хруст веток, лай и жутковатый свист перемешались в ухающий гул лесной глубины... Михаил вскочил, и, схватив карабин, собрался бежать

вслед удаляющемуся звуку. Он, ещё не до конца проснулся, и не совсем понимал происходящее. Сон в его голове переплетался с нависшим туманом, но и не совсем вязался с происходящей Явью...

– Стой!!! – окрик Николая был настолько убедительным, что Михаил замер как вкопанный. – Уйдёшь – пропадёшь. Сгинешь в тумане, как лошадь. Лежи и жди, пока он рассеется...

– Это не просто туман – это Йомал маячится. – уже, слегка приглушённым голосом добавил Николай.

Михаил тут же упал, почувствовав в тоне Николая тревогу за его жизнь, при этом осознавая, что это уже точно не сон. Все замерли, прислушиваясь к звукам леса. Вдалеке послышался собачий визг, а затем воцарилась мёртвая тишина. Через несколько минут собаки с поджатыми хвостами, слегка поскуливая, вернулись к хозяину. По телу всех членов экспедиции пробежал озноб. Одна из женщин захныкала, а Юля, обхватив руку Михаила, боязливо к нему прижалась. Воцарившаяся гробовая тишина стала мурашками щекотать тело.

Вдруг послышался лязг передёрнутого затвора. Это не выдержали нервы у Вадика, и он схватился за оружие.

– Не стрелять!!! – грозно прикрикнул Николай. – Даже не думай об этом, всем лежать тихо...

Клубы осязаемого тумана густыми ключьями парили над головами прижавшихся к земле людей. Снова зафыркали и задёргались лошади, почувствовав неладное. В рыхлой вате молочной пелены повис запах смерти. Николай безошибочно ощутил её привкус. Что-то неведомое пыталось навести на людей ужас, и похоже, что это удалось.

Показалось, что прошёл целый час, хотя на самом деле, не более пятнадцати-двадцати минут, и вдруг, резкий порыв холодного ветра, где-то в вышине, стал раскачивать макушки деревьев, проникая в гущу леса. И туман внезапно рассеялся, причём, так же быстро и неожиданно, как и нахлынул...

– Что это было? – голос Михаила дрожал.

Он никак ещё не мог прийти в себя от кошмарного сна, а тут вдруг сон перешёл резко в явь. И он был этим явно ошарашен.

– Что это было? – пытаюсь получить ответ, Михаил, уже просто в истерике тряс Николая за грудки, словно хотел вытряхнуть из того душу...

Юля, попыталась его остановить, повиснув у Михаила на шее, но тот, всё никак не мог успокоиться, продолжая держать Николая за грудки, и трясти. Николай даже не пытался освободиться, лишь громко рявкнув тому в лицо:

– Не знаю!!!

Только после этого Михаил пришёл в себя, отпустив товарища. Оглядевшись, Николай понял, что словом «Не знаю» отделаться не получится, все, как один, смотрели на него с молчаливым вопросом в глазах, и с ужасом на лице. Но он все равно сделал попытку отбиться:

– Ну, правда, «Н-Е З-Н-А-Ю»... – уже более спокойным, и растянуто-певучим голосом ответил Николай.

– Как это не знаю? – не унимался Михаил – Ты же сам сказал, что этот ... Как его там ... Ямал какой-то маячит?

– Ямал??? – удивлённо переспросил Борис Яковлевич, ещё больше насторожив всех остальных.

– Вроде, он сказал Ямал? – ткнув пальцем в Николая, раздражённо повторил Михаил, его возбуждение передалось всем остальным членам экспедиции...

Все взоры вновь обратились к Николаю, стараясь просверлить его насквозь. Его аж передёрнуло, но он упорно не хотел сеять панику, стараясь сгладить ситуации, однако, осознавая, что она, эта самая ситуация неординарна и выходит, даже за его рамки понимания...

– Видно мы действительно подошли к какой-то серьёзной тайне, если нас пытаются запугать таким способом. Это был явно не Кузя, это было что-то иное, более могущественное, скорее всего то, о чём

рассказывал Фалалей... – и эти мысли напугали самого Николая, потому, что он не знал, как этому противостоять. Его всегда пугало всё непонятное. Но, показать, что он испуган так же, как они, значило посеять панику и пропасть в глуши этого леса.

– Я сказал не Ямал, а Йомал... Бог такой местный... – стараясь улыбаться, ответил Николай растеряно.

– Вы же сами, Борис Яковлевич о этом Боге Йомале вчера рассказывали... Ну, вот я и вспомнил наш разговор. Местные этому Богу часто молятся, ну и я решил... Ну это... Помолиться вроде как... Вот и всё, что тут говорить-то... Как видите, подействовало, туман рассеялся... – на этот раз Николай попытался скосить под дурочка.

– А лошадь, а собаки? – не удовлетворившись таким ответом, переспросил Борис Яковлевич.

– Наверное Волки. Такое бывает в тайге. Волки звери коварные, вот и воспользовались ситуацией. Я же предупреждал, в лесу расслабляться опасно. – уже более уверенно парировал Николай.

– Так, всё, кончаем балаган, по-быстрому завтракаем и двигаем отсюда дальше. Но если хотите, можем вернуться в Качнар? Лично я, не против... Ну так что, Вперёд или Назад? – перешёл в наступление Николай...

Предложенный Николаем поворот событий немного охладил напор. Обстановка стала разряжаться, даже Михаил перестал её накручивать, сам успокоившись, и взяв себя в руки. Борис Яковлевич,

тоже предпринял попытку всех успокоить, поддерживая Николая, чтоб не расслаблялись, и что туманы на рассвете в тайге дело обычное. Хотя сам профессор ответами проводника и не удовлетворился, но, в тоже время, он, как и Николай, понимал, дальнейшие расспросы ни к чему хорошему не приведут. Тем более паника и нитьё, в сложившейся ситуации, дело опасное. Искать лошадь желающих не нашлось. Позавтракав на скорую руку, экспедиция тронулась дальше, понеся первые потери.

Глава двенадцатая

«Разделение экспедиции у реки»

Борис Яковлевич почувствовал что проводник что-то не договаривает, но он не стал нагнетать обстановку, понимая, что это лишь усложнит ситуацию. Он, так же как и Михаил, подсознательно, ощутил надвигающуюся опасность, но не хотел осознавать её в полном объёме, положившись на опыт проводника.

Он – Борис Яковлевич, руководитель данной экспедиции, был в ответе за всех её членов, и, по полученным инструкциям, при малейшей опасности, должен был прекратить продвижения вперёд, вернувшись к исходной точке, и доложив куда следует. Но для Бориса Яковлевича это означало поражение, с

коим он никак не мог смириться. Ведь сколько было у него этих поражений, за всю его долгую жизнь, а тут вдруг, замаячила впереди удача. Удача сделать открытие, возможно, что судьбоносное для всего Человечества. Да, есть вероятность, что дальнейший путь будет связан с определёнными трудностями, но кто говорил, что будет легко. Ещё задолго до того, как отправиться в тайгу, Борис Яковлевич, совместно с Михаилом, провёл жёсткий отбор, предупредив каждого, об имеющих место вероятных проблемах, связанных с бытовыми условиями и с непредсказуемой силой дикой природы. Каждый, в связи с этим, подписал соответствующую бумагу, так что, с формальной точки зрения, Борис Яковлевич мог быть спокоен. Но этическая сторона вопроса начинала терзать Душу профессора. Он уже несколько дней назад почувствовал настороженность и озабоченность их проводника, да и прошедшие события говорили сами за себя. С одной стороны, они явно были на пути каких-то особых открытий, Борис Яковлевич это чувствовал, но с другой. С другой стороны, собранного материала и так было достаточно, чтобы приостановить дальнейшее продвижение вглубь тайги, и заняться изучением имеющегося материала, но он не мог остановиться на полпути, вдруг почувствовав, что впереди их ждёт чего-то Великое, до которого осталось всего два шага. Всё вокруг говорило, что они на верном пути. С другой стороны, и это понятно, тайга не хочет просто так раскрывать свои тайны. Всё это терзало опытного путешественника, он Борис

Яковлевич не мог определить степень опасности, окрылённый жадной новых открытий, которые заглушали в нём чувство самосохранения и осторожности.

Михаил испытывал подобные же чувства, что и профессор, в особенности, когда на собственной шкуре ощутил, что сказки о тайге, как бы, вовсе и не сказки. Это он понял после того, как его опалило молнией. Он словно заново родился, по новому прочувствовав вкус к жизни, осознав, что до этого момента жил не так. Не так, как надо было бы жить настоящему Русскому Человеку. Глядя на Николая, он понял – этот офицер воевал, и явно не слабак, но, даже он верит во всякие суеверия. Михаил задумался над этим, по новому взглянув на сложившуюся ситуацию, и пришёл к выводу, что всё не просто так в его судьбе. И Юля, и Николай, и эта экспедиция, и сны, которые ему снятся последнее время... Эти непонятные сны... Которые, вроде как и не сны вовсе... Уж слишком всё реально... Пугающе реально... Он вроде, никогда не считал себя трусом, да и повода не давал усомниться в этом другим, но сегодня испугался реально, и больше всего не за себя, а за Юлю, и за всех остальных. Тем более что сон, как-то резко перешёл вдруг в Явь. Всё это говорило о том, что они действительно стояли на пороге какой-то Великой тайны, которая не хотела, чтобы её открыли.

Да, риск в продолжении пути есть, это Михаил понял по голосу Николая, чутьё которого было уже явно запредельным, и это он прочувствовал сам. Но

останавливаться на полпути было не в характере Михаила, поэтому придя в себя, после пережитого, он принял сбивчивые объяснения Николая как должное, понимая, что паника и нытьё на пользу не пойдут, коря себя за несдержанность. Потому, что первым запаниковал, вдруг набросившись на проводника, от чего Михаилу стало ещё больше не по себе. Конечно, чувствовалось, что и у всех остальных членов экспедиции беспокойно на Душе, и нервы на пределе, но об этом предпочитали молчать, не подливая масла в огонь глупыми домыслами и разговорами.

Николай ехал, как всегда впереди, не обращая внимания на дорогу и окружающих. Он был поглощён своими мыслями. Чувство опасности схлынуло, оставив опустошение внутри его мечущейся Души. Он не боялся смерти, он не боялся одиночества, но то, что произошло сегодня, непонятным образом обескуражило его. Оказывается, есть что-то, что страшнее смерти – это осознание своей ничтожности в цепких объятиях Вечности. Дикая природа довлела над ним, заставляя его почувствовать себя ничтожеством перед необузданной стихией. Пугало состояние неопределённости. В этом хаосе Мироздания, легко можно было утонуть, как в болоте, либо воспарить как орёл в небе, наслаждаясь бриллиантовым отблеском звёзд. И в тоже время, можно просто сгинуть в небытие, продав Душу непонятно КОМУ и непонятно за ЧТО???. Только здесь, на Урале, Николай ощутил красоту и глубину Звёзд, их неповторимую индивидуальность и притягательность, ощутив их

огромную значимость в Судьбах всех Людей. Их непостижимое притяжение манило и завораживало. В городе звёзды видно плохо, да и времени нет, на них заглядываться, утонув в каждодневных проблемах суетной жизни, люди мечутся в поисках денег, забывая даже жить. А вот здесь, в тайге – дело другое. Только в данном случае звёзды, скорее всего, были не причём. После всего случившегося, Николай ни как не мог понять, как ему реагировать на происходящее вокруг их экспедиции, а то, что происходит что-то необычное, он заметил уже давно. С одной стороны, вроде бы стоило остановиться и посоветоваться с руководителями, но, как объяснить им все эти бредни о шаманах и духах, как Советскому офицеру, хоть и бывшему, признаться в том, что он верит в потусторонние силы. Что он сам, когда-то, в своё время, с ними общался, и что они, даже спасли его от смерти. Это же Бред для любого цивилизованного человека, как не посмотри и как не обрисуй, с любой стороны, это выглядело Бредом, и не сулило должного понимания. Николай рад был бы что-то пояснить людям, но он и самому себе не мог ответить на многие вопросы, которые выглядели явной мистикой, не поддающейся научному объяснению...

Михаил подъехал к Николаю, поравнявшись с его лошадейю почти вплотную, стал присматриваться к проводнику, желая начать разговор, но не мог подобрать нужных слов. Долгое время они ехали рядом, стремя в стремя, и молчали. Михаил всё никак не мог сообразить с чего начать разговор, а Николай ехал, не

обращая внимания ни на кого, явно уйдя в себя. Вдруг неожиданно, даже для себя самого, Михаил резко спросил:

– Ты воевал? Тебе приходилось убивать людей?

Николай даже вздрогнул от неожиданности, смутно воспринимая вопрос, он был ещё не здесь, он был ещё там, где-то внутри себя.

Михаил понимая, что отступить уже поздно, более уверенным и твёрдым голосом повторил свой вопрос:

– Тебе приходилось убивать людей?

В воздухе повисла напряжённая пауза, после которой, Николай острым, пронзающим взглядом осмотрел Михаила с ног до головы. У того даже мурашки пробежали по спине, и спокойным, даже слишком спокойным голосом Николай ответил:

– Приходилось, и не раз...

– А кличка у тебя была, или погоняло, как там у вас, у крутых спецназовцев? – не унимался Михаил.

– Клички бывают у собак, погоняла у блатных, а у меня был позывной или точнее прозвище – «Бессмертный»...

– «Бессмертный»? – Михаил явно не ожидал такого конкретного ответа, и в разговоре вновь возникла пауза.

– А почему «Бессмертный»? – придя в себя, переспросил Михаил, ещё больше удивляясь ответам своего собеседника.

– Потому, что очень часто могли убить, но не смогли... – также спокойно ответил Николай.

В разговоре вновь повисла пауза, которая опять затянулась. Они ехали рядом, каждый думая о своём, но их мысли явно сходились в одном – впереди была опасность, и они, как два самых настоящих мужика, должны её встретить первыми, возможно с оружием в руках...

– Знаешь Миша, то с чем нам придётся столкнуться, вряд ли можно назвать ordinary и подлежащим объяснению, и оружие здесь, я так думаю, может не пригодиться... – голос Николая был твёрдым и спокойным. – Оно здесь просто бессильно.

– В каком смысле? – Михаил сделал удивлённое лицо, стараясь вытянуть из Николая максимум откровенности.

– Всё то, что нам предстоит увидеть, выходит за рамки обычного восприятия жизни, и может оказаться даже так, что всё вокруг и не жизнь вовсе, а например – антижизнь, или что-то более непонятное, мистическое. Хотя, куда уж непонятнее... Ты готов к этому?

– К чему? – Михаил искренне опешил, не ожидая от Николая, такой уж непредсказуемой откровенности.

– К тому, что вся твоя жизнь круто изменится, после всего того, что нам придётся увидеть и пережить, если придётся... Точнее, если сможем... Пережить... – Николая явно прорвало на откровенность. – А все те люди, что едут сзади нас, Ты не подумал о них? Ты вообще уверен что они готовы к этому?

– Коля, ты действительно думаешь, что всё настолько серьёзно.

– Да Миша, всё настолько серьёзно...

– Ты хочешь сказать, что риск не оправдан. Ты хочешь, чтобы я, вот так вот, взял и сказал всем, что мы поворачиваем назад, потому, что нашему проводнику что-то там Промаячилось? – Михаил наезжал, подспудно требуя новой информации, понимая, что Николай знает больше, чем говорит. – Или есть что-то, чего мы незнаем, но чего стоило бы знать, чтобы более взвешено определить приоритеты.

– Не знаю... Всё что я знал, я тебе уже рассказал, а верить или не верить, это дело твоё. Я просто чувствую опасность. Я не могу её сформулировать, потому, что это выше даже моего понимания... Поверь, я много чего в жизни повидал, не дай Бог другим...

– Это касается твоего «Снежного человека»?

– Нет, Кузя тут не причём. Его бы я почувствовал. Это что-то другое, касающееся злых духов Чёрного озера. У нас в посёлке об этом много не говорят, побаиваются, но знают все, что злой дух Йомала забирает к себе всех, кто побеспокоит его капище у Чёрного озера. Поэтому с вами никто и не хотел идти из местных.

– А ты что ж пошёл. Не за деньги ведь. Или свой какой интерес есть. Наверное, сам к озеру попугчиков искал? – более возбуждённым голосом заговорил Михаил.

– Попутчиков не искал, а интерес, наверное, был. Только сейчас, почему-то пропал. Потому, что БОЮСЬ!!! И ты не думай, что я за себя Боюсь. Не за себя, за них страшно. – Николай показал большим пальцем себе за спину.

– А я и не думаю. Просто отступить уже поздно – знать Судьба у нас у всех такая, а от Судьбы, как ты знаешь не уйдёшь. – подвёл черту под разговором Михаил, разворачивая лошадь в хвост колонны...

До реки Усь добрались ещё засветло. Народ тут же решил искупаться, несмотря на холодную воду и сильное течение. Николай предложил сначала искупаться женщинам, а мужчинам подождать под тенью деревьев, собрать дров и развести костёр. На том и порешили. Пока мужики собирали дрова и разводили огонь, снимали с лошадей сёдла и припасы, обустривая лагерь, женщины с визгом плескались в холодной воде.

Вдруг шум плескающейся воды и повизгивание, переросло в крики ужаса и панику. Михаил первым бросился к реке, следом за ним бросив дрова, и прихватив с собой на всякий случай верёвку, побежал Николай, за ними все остальные. Собаки рванули вперёд Николая, но он успел крикнуть им, чтобы остались у костра, охранять лошадей. Подбежав к берегу, мужчины увидели следующую картину:

По всей видимости, балуясь, одна из девушек, а точнее Светлана из технического отдела (между прочим отличник ГТО), поскользнулась и упала в

подхвативший её поток, который понёс девушку вниз по течению, швыряя от камня к камню. Остальные стояли полуголые на берегу и вопили. Чуть дальше по течению Светлане удалось ухватиться за торчащую корягу, но её силы были явно на пределе. Хоть речка Усь была и не широкой, но её коварное течение могло сбить с ног, кого угодно, поэтому Николай и не рисковал её переходить в одиночку.

Проводник быстрее всех, прыгая по мокрым камням, оказался недалеко от коряги, на которой держалась девушка. Сделав на конце верёвки петлю, он бросил её девушке. Она ухватившись за неё обеими руками, почему-то ни как не могла отцепиться от коряги. Николай, упершись ногой в камень, удвоил усилие, но верёвка не поддавалась.

– Ты что там, ногами, что ли за корягу держишься? – крикнул он ей сквозь стиснутые от напряжения зубы.

– Нет... Это трусы зацепились... – смущённо ответила девушка, вцепившись в верёвку.

– Ну так сними их, я уже не могу тебя держать.

– А как же я без трусов то буду???

– Тебе что важнее, твои трусы или твоя жизнь!!! – гаркнул Николай, выбиваясь из сил. – Или я сейчас отпущу верёвку.

Через несколько секунд после его окрика, верёвка стала поддаваться. Он медленно, стараясь не ударить её о камни, подтянул к мелководью. Подойдя ближе, он попытался поставить Светлану на ноги, но она охнула и опять упала. Николай взял её на руки, и

медленно, стараясь не поскользнуться, понёс к берегу. На берегу уже ждал Михаил, набросивший на девушку свою рубашку. Рубашка прилипла к мокрому телу, подчеркнув все прелести женщины.

– А Светланка то ничего!!! – подумал про себя Михаил. – Как это я раньше не разглядел её, а ведь она ко мне клеилась.

Пока Михаил разглядывал прелести Светланы, Николай осмотрел ушибы на её ногах:

– Похоже вывих, плюс серьёзный ушиб колена. – констатировал произошедшее Николай.

Улучив момент, он резко, пока никто ничего не сообразил, дёрнул нижнюю часть стопы, вправляя её наместо. Девушка вскрикнула и потеряла сознание.

Михаил отнёс её в лагерь, где ей перебинтовали ногу и дали выпить Водки, предварительно растерев тело и смазав колено и ссадины йодом. Тело Светланы во многих местах было покрыто синяками, колено опухло, да и вправленная ступня все ещё болела. Состояние девушки не было критическим, но продолжать путь самостоятельно, она явно уже не могла. Нужно было что-то решать.

После ужина, когда все улеглись отдыхать, Борис Яковлевич, Михаил и Николай уединившись на берегу реки, устроили небольшое совещание.

– Николай... – голос Бориса Яковлевича слегка дрожал от волнения. – Михаил рассказал мне о ваших опасениях, на счёт целесообразности дальнейшего пути к Чёрному озеру. Но я хочу вам с полной ответственностью заявить – Мне уже поздно отступить.

Я уже не молодой человек и возможно, что следующей экспедиции в моей Жизни уже не будет, поэтому, стоя на пороге явно сенсационных открытий, я не могу отступить. Замете, в данном конкретном случае, я говорю только за себя. Я не могу кого-то заставить пойти со мной помимо его воли, и данная речка для меня является своеобразным Рубиконом...

– Я полностью на стороне профессора, и готов идти за ним до победного конца. – у Михаила голос был более уверенным и даже пафосным, не смотря на случившееся ЧП.

– Если Вы Николай не разделяете нашу с Михаилом точку зрения, то можете не продолжать начатый с нами путь. Вы провели нас до нужного места, я напишу соответствующую записку вашему начальству, и вы можете быть свободны. Деньги будут вам выплачены в полном объёме, да и к тому же у Вас есть вполне законный повод вернуться, учитывая сегодняшнее происшествие, без каких либо подозрений на то, что вы нас бросили... – Борис Яковлевич не договорил, полагая что все всё и так понимают.

Все действительно понимали происходящее так, как того требовала ситуация. Позиция лидеров экспедиции была простой и понятной – Вперёд и только Вперёд! Борис Яковлевич и Михаил ждали от Николая ответа, не сильно надеясь, что его точка зрения на происходящее сильно измениться. Однако услышанное, их приятно поразило и обнадежило, потому, что они понимали, без проводника им в тайге будет трудно.

– Ну что я могу Вам сказать – советский офицер своих на переправе не бросает. – голос Николая был полушутливым.

– Дальше пойдём вместе, так же, как и пришли сюда. А уж кому повезёт вернуться, узнаем потом, и Судьба это, или происки злых Духов, будет видно. Где только наша не пропадала. Только вот с остальными надо что-то решать.

– Предлагаю утром поставить вопрос на всеобщее обсуждение – кто идёт обратно, сопровождая женщин, а кто с нами продолжает путь, полный опасностей и приключений. – подвёл черту под своим резюме Николай, уже более серьёзным голосом.

Утром, после умывания, туалета и завтрака устроили всеобщее собрание – как быть и что делать дальше. Нога у Светланы всё ещё болела, опухоль не сходила, и было ясно, что кому-то придётся её сопровождать на обратном пути в посёлок. Михаил изложил ситуацию. Борис Яковлевич её продублировал, но с пафосом и в картинках. А Николай был краток до примитива:

– Делимся пополам. Пятеро идут дальше, а ещё пятеро возвращаются обратно.

– И как будем делиться? – спросила Юля.

– Очень просто. Женщины, в сопровождении одного мужчины, идут обратно. Мужчину выберем по жребию или по желанию. – Николай был серьёзен, как никогда. – Карту с дорогой домой я уже нарисовал, надеюсь, не заблудитесь.

– Я не согласна. Что за вопиющая дискриминация? Я обратно не пойду. Миша ты же сам сказал, чтобы я от тебя не отходила. – Юля от возмущения даже топнула ногой.

Получилось довольно смешно. Все захихикали. Обстановка немного разрядилась. Остальные женщины, устав от бытовых неудобств, перечить озвученному решению не стали, а скорее приняли его с одобрением. Оставалось только выбрать одного мужчину, который продолжит путь к озеру, вместе с её лидерами. Самым настойчивым оказался молодой лаборант Вадик. Он, как и Юля, категорически отказывался от возвращения, остальные мужчины были не так убедительны и настойчивы. Да и Николаю Вадик понравился уже давно, ибо в дороге он не ныл, не отставал, и выполнял все, что ему скажут. Только в самом начале пути Вадим упал с лошади в воду, хотя, такое могло со всяким приключиться, зато за неделю, что они путешествуют, Вадим к седлу уже привык, и выглядел явно молодцом. Короче, против кандидатуры Вадика протестовать никто не стал. На том и порешили:

Юля, молодой лаборант Вадим, Борис Яковлевич, Михаил и Николай, продолжают свой путь к Чёрному озеру, а остальные возвращаются в посёлок, где ждут две недели, а если экспедиция не возвращается, заявляют о её пропаже и уезжают домой. Николай ещё раз проинструктировал всех как вести себя в тайге, где останавливаться, что делать в той или иной ситуации.

– И ещё, пусть это не покажется вам чересчур странным, но это в интересах вашей же безопасности. Вот вам бутылка Водки, поставите её на тот большой камень, который у одинокой сосны стоит, недалеко от моей заимки, где Борис Яковлевич большие следы увидел.

– Только не забудьте. Потом переночуете в моём домике и дальше всего с одной остановкой до посёлка, думаю, осилите... – добавил, скорее подбадривая сам себя, Николай.

– В лесу, где нас накрыл туман – не останавливайтесь, лучше будет, если дойдёте до Алтаря у скалы. И жгите вокруг себя побольше костров, звери огня бояться. Если сильно устанете, то можете на моей заимке и подольше пожить. Только Водку на камне оставьте обязательно, не забудьте, так надо. И в одиночку по тайге не ходите. Ну, вроде всё. Вперёд, с Богом. – уже по-отечески напутствовал Николай отъезжающих.

Глядя вслед удаляющимся, Николай не выдержал и поехал проводить. Проводив их несколько километров, он вернулся в лагерь.

Глава тринадцатая

«Переправа через речку Усь»

Николай разделся до трусов, привязал самую толстую верёвку, какая только у них имелась к основанию большого дерева, затем другой конец к своему телу, весь оставшийся моток аккуратно сложил на берегу, и стал переходить реку вброд, чуть выше по течению.

Наблюдая за происходящим со стороны, но помня, что случилось вчера со Светланой, Юля робко подола голос:

– А может быть, надо было лодку надуть?

Мужчины, стоявшие на берегу, недоумённо посмотрели на девушку и улыбнулись. Юля, почувствовав по их ухмылкам, что сказала опять что-то не то, зажала рот рукой, наивно заморгав, словно в глаз попала ресничка.

– Хорошее предложение! – заметил Михаил. – И ловить мы будем эту лодку, вместе с Колей, километров за десять вниз по течению.

Он не успел договорить, как поток смыл Николая на самой середине реки, но тот, всё же сумел переплыть, преодолев сильное течение, хотя его и здорово снесло. Выйдя на противоположный берег, Николай обмотал верёвку у основания другого

большого дерева, прямо напротив лагеря, а затем привязал к толстому суку на уровне вытянутых рук, и, цепляясь за натянутый ранее канат, перебрался обратно. Тут он тоже обмотал верёвку за толстый сук на уровне вытянутых рук, и получилась переправа из двух натянутых канатов.

На всё, про всё, у проводника на сооружение переправы ушло около часа. Правда, не смотря на жаркую погоду, вода была холодной.

Передохнув немного, стали переправляться. Сначала Николай переправил лошадей, одной рукой держа их под уздцы, а другой, держась за натянутую верёвку, а потом переправились все остальные, идя по нижней верёвке и держась за верхнюю. Оказалось, что это не так просто, как кажется на первый взгляд. Верёвка постоянно норовила уйти из-под ног, рыская из стороны в сторону. Но, в общем, переправа прошла без особых трудностей. Пока остальные проводили ревизию провианта и груза, развешивая сушить намокшие вещи, Николай отправился искать тропу. Отсутствовал он долго, даже Юля начала волноваться.

– Миша, может что-то случилось. Может его надо пойти искать. Может он заблудился... – причитала озабоченно Юля, прислушиваясь к малейшим звукам.

– Ну если наш проводник заблудился, то мы точно его не найдём, или заблудимся сами. Так что выхода нет, придётся ждать... Но, я думаю что всё в порядке, он скоро будет. – успокаивал Юлю Борис Яковлевич, а скорее всего самого себя. Он вообще смутно себе представлял, где бы они искали эту

самую тропу без проводника, так что, если бы Николай вчера отказался от продолжения пути, им пришлось бы вернуться в лагерь с остальными.

– Ну почему так долго!!! – воскликнула Юля, увидав неспешно идущего Николая, сзади которого, устало, плелись собаки.

– Простите, но обрадовать вас ничем не могу. Тропы не нашёл. Здесь вообще никаких следов нет. Такое впечатление, что на необитаемый остров попали, одни камни да густой кустарник, а деревья, даже не деревья, а мутанты какие-то, все изогнуты, как будто их кто-то специально выкручивал. – оправдываясь за долгое отсутствие, сказал Николай, а после небольшой паузы, устало добавил:

– Да-а... Там на одном огромном валуне видел рисунки какие-то, похожие на свастику.

– Где-еее!!! – не сговариваясь, в один голос, словно прохрипели Михаил и Борис Яковлевич. У них просто не нашлось других слов от удивления.

– Да не далеко. Километров семь-восемь, вдоль реки, потом чуть левее в гору, и ещё километра четыре через «кривой лес». – Показывая рукой на Север устало произнёс Николай.

– Это ты так много прошёл? – с удивлением и сочувствием в голосе спросила Юля.

– Ну да. Поэтому так долго...

Николай сел на лежавшее у дерева седло, прислонившись спиной к стволу, и закрыл глаза.

– Что же Вы расселись... Надо же идти... Где этот камень? Ну, скорее же Николай, пойдёмте... – Борис Яковлевич от волнения метался между Николаем, Михаилом и Лошадьми, не зная что ему делать, и за что братья.

– Да успокойтесь же вы наконец, что вы так разволновались... Никуда не денется ваш камень, он там тысячу лет стоял, ну постоит ещё пару часов... Дайте мне отдохнуть, ну хотя бы немного... Три часа... Я прошу у вас только три часа... – Николай натянул на лицо капюшон, откинул голову к дереву и застыл как каменное изваяние.

Делать было нечего, пришлось ждать, пока отдохнёт проводник. За это время Юля приготовила чай, а мужчины снарядили лошадей. Николай открыл глаза ровно через три часа, сработал внутренний будильник, это была армейская привычка, ставить внутри себя некий будильник, который ещё не разу не подводил Николая. Открыв глаза, он обратил внимания, что все стоят возле него. Откинув капюшон, он резко вскочил. После отдыха он чувствовал прилив сил в подуставших мышцах. Юля тут же протянула ему кружку с чаем. А Михаил, выхватив из-под него седло, быстро набросил его на оставшуюся неосёдланной лошадь. Пока Николай допивал чай, все уже нетерпеливо ждали его, сидя верхом.

До камня доехали быстро, собаки бежали впереди, показывая дорогу. Темп езды был непривычным для Юли и Вадима, и поэтому, они, немного отстали. Догоняя руководителей экспедиции,

они выехали на небольшую поляну последними. К этому моменту Бориса Яковлевича сидел на коленях возле большого чёрного камня, водя по нему рукой и причитая:

– Я знал... Я знал, что они не одни... Я знал что где-то должны быть ещё... Но чтоб так далеко... Я знал! Но не думал что здесь! – профессор трепетно водил по камню рукой, прощупывая каждую выбоинку, словно пытался прочесть надпись руками.

– Что это с ним? Неужели это такая ценность? – поинтересовался у Михаила Николай.

– Думаю что да. Несколько лет назад мы были на Кольском полуострове, и в районе Сейдозера нашли примерно такие же огамические знаки. Вообще у Бориса Яковлевича подобных надписей уже много, он давно пытается их перевести, но лишь половину сумел разгадать. Ну вот и обрадовался увидав новые надписи. Этим знакам веков двести, не меньше, если не больше. – Михаил, ощутив недоверие к его словам, добавил:

– Так профессор говорит.

– А что он ещё говорит? – переспросил Николай, даже не думая сомневаться в словах Михаила.

– Говорит что это письменность древних Ариев, наших предков. Вообще-то мы с ним много где видели и подобные надписи, и орнаменты из свастики. В Рязанской области, в деревнях до сих пор бабушки вышивают древние орнаменты с особой ярго-свастикой, этот древний узор от своих бабушек, а те от своих. Правда, во время Великой Отечественной войны

органы НКВД много таких рукоделий конфисковали. Ну сам понимаешь почему? – с видом знатока стал объяснять Николаю Михаил.

На Камне, в чётко прослеживающейся последовательности, были высечены замысловатые знаки, большинство из которых, действительно были похожи на свастику, но с разным количеством перекладин и палочек, чередующимися стрелочками и крестиками. Похоже, что Камню действительно было много веков, потому, что он просто врос в землю, как минимум на метр, поэтому читать надпись Борису Яковлевичу приходилось на корточках.

– Я не могу прочитать текст дословно, но, в общем, смысл понятен. Здесь какое-то предостережение. Если более конкретно, то упоминаются слова – ворота и время. Скорее всего, это либо ворота во времени, либо время, как ворота. И ещё... Тут присутствует Символ, который можно определить, как – «Нет Возврата»... Но не понятно про что именно это сказано, толи нет возврата во времени, толи нет возврата к жизни, пройдя через ворота времени... – Борис Яковлевич путался в объяснениях.

– Одним словом, это означает, что нас предупреждают, чтобы мы не ходили туда, не зная куда, и не трогали то, не зная что... – попытался пошутить Николай, но его шутку никто не оценил.

– А он тёплый, и как будто дышит... – Борис Яковлевич даже приложился к камню щекой.

Все тут же последовали его примеру. Камень действительно был тёплым, и в его утробе что-то гудело.

– Как в морской раковине, прислонённой к уху в далёком, далёком детстве. – подумал про себя Николай. А вслух спросил:

– Ну что скажите по поводу предостережения на камне, может всё же послушаться и дальше не ходить?

Увидав на лицах застывшее удивление и непонимание, Николай тут же пояснил свои слова:

– Очередная неудачная шутка... Просто шутка...

Сумерки опустились на поляну быстро и неожиданно. Костёр разводили уже в полумраке. Перекусив, и расседлав лошадей, решили лечь спать прямо у камня. Но, несмотря на усталость, спать никому не хотелось. Первым, устав ворочаться, подсел к костру Борис Яковлевич. Подбросив в огонь поленьев, он налил себе чаю. Через несколько минут к нему подсел Николай, потом лаборант.

Только Юля с Михаилом лежали поодаль, в обнимку, о чём-то шушукаясь. Николай достал бутылку Водки и молча протянул профессору:

– Открывайте Борис Яковлевич, думая повод есть.

– Давайте батенька Водочку прибережём для другого случая, у меня есть Коньяк, хороший Дагестанский. – сказал Борис Яковлевич, расшнуровывая свой рюкзак. Николай одобрительно кивнул...

– А у меня сырок «Дружба» завалился, правда он подсох немного, но Коньяк закусывать, я думаю, пойдёт. Нести? – прошептал, готовый услужить уважаемым людям, Вадим.

– Нет Вадим, Коньяк не закусывают. Коньяком наслаждаются. Так что, побереги свой сырок на чёрный день, и дай нам Бог, чтобы он не наступил. – резюмировал Николай.

Борис Яковлевич выплеснул из кружки чай, и торжественно достав бутылку Коньяка, разлил с расчётом на троих. Лаборант, сделав глоток, поперхнулся, отдав кружку Николаю, тот отпил половину, и вернул профессору. Борис Яковлевич, как истинный гурман, пил глотками – смакуя.

– Такой напиток надо пить с наслаждением и без спешки. – сказал Борис Яковлевич, наливая в кружку ещё Коньяка.

– Ну что думаете Николай. Как будем искать тропу. – спросил профессор, неспешно допивая Коньяк, пущенный по второму кругу...

– Ничего я не думаю, устал слишком, утро вечера мудренее. Завтра будем думать. – Парировал Николай, задав встречный вопрос:

– Меня больше волнует, что думаете Вы... Похоже, что камушек то наш огромную важность имеет... Я правильно разумею?

– Очень даже правильно Вы разумеете Николай... – подхватил его игривый тон профессор. – Помимо легенды про «Подземную Чудь», есть ещё один

интересный источник – «Библия». Несмотря на то, что топоним «Сибирь» вошёл в мировой обиход недавно, о суровой стране и обитающих в ней народах знали испокон Веков. Правда, эти знания принимали фантастически-причудливую форму, но рациональное зерно в этих формах всё равно было. Таковы закономерности развития исторической памяти. А Библейская традиция создала обобщённый символический образ из северного народа, устрашающий правда. Так иногда, в современной жизни, некоторые матери пугают своих чад дядей Милиционером, который, придёт и всех заберёт. Так и в Библии, есть некая северная страна Гога и Магога, с живущим в ней народом Гоги и Магоги, это название несёт сугубо отрицательную и даже устрашающую нагрузку. Это символ грозных народов, которые придут в некий судный день, и покарают грешников. А пока они томятся под землёй, куда их заточил Александр Македонский, сдвинув горы, и залив проход расплавленным металлом. Вы конечно же спросите – к чему это я говорю, и при чём здесь Библия? Так вот, сопоставив все древние легенды, и местные предания, мне кажется, что мы уже стоим у этих самых ворот времени, в которые были заточены Гоги и Магоги. И камень тому является подтверждением...

Глава четырнадцатая

«Каменная тропа или проклятое место»

Николай проснулся от лая собак, который раздавался из-за камня, в густых зарослях дикого шиповника. Он протёр глаза и посмотрел на часы. Стрелки на циферблате не двигались. Не обращая на это внимания (видно забыл завести), Николай быстро встал, и прихватив карабин, побежал в заросли. Он с трудом продрался через кустарник, продвигаясь на лай. Собаки рыли какую-то нору, азартно лая. Но у них плохо получалось, потому, что мешали плотно подогнанные друг к другу плоские камни. Приглядевшись, Николай увидел в густой траве тропу вымощенную этими камнем. Было такое впечатление, что её мостили специально, из плоских и ровных булыжников, среднего размера, и эта тропа уводила дальше в заросли по склону горы. Возвращался он медленно, прорубая себе дорогу тесаком. В лагере все уже были на ногах и с оружием наизготовку.

– Отставить оружие! – скомандовал Николай. – Собаки нашли тропу, правда она здорово заросла, что ж, будем прорубаться.

– Ну так значит... Мы с Михаилом прорубаем дорогу, Юля и Борис Яковлевич идут за нами, держат лошадей, а ты Вадик замыкающий. Твоя основная

задача, больше смотреть назад, чем вперёд. Понял? – Николай грозно посмотрел на лаборанта.

– Так точно! – по-военному отрапортовал Вадим.

– Молодец... Но только без самодеятельности...

Внимательно смотрим под ноги и по сторонам. Понятно? – голос Николая слегка дрожал, словно он отдавал приказы солдатам перед боем.

Все молча, и с пониманием, кивнули.

О завтраке никто даже не вспомнил, так все были увлечены открывшейся дорогой, и продолжением приключений. Дорогу пришлось прорубать недолго. Примерно через триста метров заросли кончились, и тропа узкой лентой стала петлять меж камней и больших валунов по склону горы. Но времени это отняло достаточно много. Уже через шесть-семь километров они подошли к крутому уступу. В этом месте склон одной горы, как бы нависал над другой, а под этим навесом была широкая поляна. В том месте, где нависшие склоны смыкались просматривалась расщелина, примерно два метра шириной и пять метров высотой. В расщелине был полумрак, уходя в конце коридора тёмной точкой в бесконечность...

Подойдя к уступу, лошади зафыркали и задёргались, замедляя свой шаг. Собаки, бежавшие впереди, тоже насторожились, остановившись метрах в тридцати от расщелины, затем озабоченно забегали по поляне, перед скалой, что-то вынюхивая. Николай тоже остановился, оценивая обстановку. Было ощущение, что за ними наблюдают, даже животные это почувствовали,

но видимых признаков присутствия посторонних существ не было. Однако какая-то тяжесть на Душе говорила об опасности, таящейся в этом месте. Это чувство беспокойства не покидало ни на минута, с самого вечера.

– Такое ощущение, как будто я под микроскопом, аж, не по себе... Тебе не кажется, что за нами наблюдают? – спросил Николая Михаил, обшаривая взглядом скалистые склоны.

– За нами всю жизнь наблюдают, только чаще всего мы этого не ощущаем в суете мирской. А здесь чувства обостряются, поэтому и начинаешь видеть и слышать всё острее, а реагировать быстрее, и подсознание начинает работать, посылая нам импульсы тревоги, называемые интуицией. – ответил Николай, шагнув в тень уступа. – Тут опять какие-то рисунки...

Под скалистый навес шагнули все остальные. Когда глаза, после яркого солнца, приспособились к полумраку, они увидели, примерно на высоте двух с половиной метров, у самого входа в расщелину, огромную, вдавленную в гранит пятерню, а под ней, всё те же, огамические знаки. Борис Яковлевич стал перерисовывать надписи, так же как и те, что были на камне, потом долго и суетливо, стараясь их перевести, бубнил что-то себе под нос.

Пока он корпел над этой сложной головоломкой, остальные развели костёр и приготовили ужин, а, за одно, и обед и завтрак. На всякий случай Николай

развёл костёр и у входа в расщелину, чтоб было лучше видно и надписи и проход. Солнце ещё только пряталось за горой, а в тени нависшей над ними скалы темнота уже наступила, хотя на противоположной стороне ещё были видны яркие блики заходящего солнца, в серо-голубой вечерней дымке, на стене скалы уже играли другие блики – отблески костра.

Все уже поели, а профессор никак не мог оторваться от загадочных древних символов. Он продолжал что-то бубнить себе под нос, писал, потом зачёркивал, и никто не решался его беспокоить. Оставшиеся члены экспедиции молча сидели у костра, глядя на отблески пламени, и у всех на Душе было беспокойно.

Николай опять подумал, что что-то магическое есть в огне, его языки, одновременно, и завораживают и пугают, неся людям, как пользу, так и смерть. Вот она где – Истина... Вот почему огонь так притягивает человека...

Это сама Жизнь и Смерть, в едином пламени Судьбы, пылающем противоречием в наших Душах. Две ипостаси Мироздания, уместившиеся в одной стихии ...

Серебристый диск луны повис на небе во всей своей красе, словно огромное блюдо. На скалах плясали причудливые тени. Света луны было достаточно даже для чтения, так ярко светил этот

магический шар. Вдруг причудливая дымка облаков пробежала по небу, частично прикрыв прелести ночного светила. На землю упала зловещая тень от облаков...

Борис Яковлевич восторженно и хотел что-то сказать, но Юлия ему не дала, сунув под нос тарелку с горячим супом. Только сейчас, уловив аромат еды, профессор понял, что он голоден. Тыкая хлебом в остатки супа, он поперхнувшись, сказал:

– Не хочу снова Вас пугать, дорогие мои, но мы стоим у ворот в «Подземное царство» и...

И это Тупик ...

Поняв слова профессора буквально, Николай схватил большую головешку, и, освещая ей себе путь, скрылся в расщелине. Никто за ним не последовал, даже собаки.

Прошло минут десять гробовой тишины, было слышно только, как Борис Яковлевич кусает сахар, да отхлёбывает горячий чай из алюминиевой кружки...

– И правда Тупик! Самый настоящий Тупик... – прервал тишину вернувшийся из расщелины Николай.

Он сел рядом с остальными, бросив головешку в костёр, и посмотрел на часы. Часы стояли. Вспомнив, что забыл их завести, Николай автоматически стал крутить заводной механизм, даже не посмотрев на стрелки, мыслями вновь уйдя в себя. Ничто не

нарушало тишины, только в отблесках пламени потрескивали обуглившиеся поленья, выбрасывая в небо снопы искр. Каждый из присутствующих пытался проанализировать сложившуюся ситуацию.

– Это теллурическая мистерия... «Подземное царство» – мифологема, родившаяся в сознании людей и несущая в себе архаичное тайное знание предков, возникшее в незапамятные времена и возвратившееся к нам в виде фольклорного эпоса, заложенного нами же самими, но в прошлой жизни... По существу, все сказки Мира про разные «Подземные царства», являют собой единый философский образ каменной цивилизации, которая существует где-то под землёй, неся энергетическую составляющую всей планеты, смыкаясь во многих аспектах с теорией ноосферы Вернадского.

Согласно этой теории, Мироздание предполагает непрерывное накопление информации в Макрокосмосе и её мгновенное распространение по всей Вселенной с возможностью считывания в любой точке. Так, как человек является частичкой Вселенной, то есть, её Микрокосмом, то он тоже может считывать любую информацию из ноосферы, при условии имеющихся навыков её получения. Это основные принципы философии Космизма, заложенные ещё в прошлом веке таким выдающимся мыслителем самоучкой, как Николаем Фёдоровичем Фёдоровым. Его последователями и учениками себя считали такие Великие люди, как Циолковский, Толстой, Вернадский, Достоевский, Горький, Бердяев...

– Но, я отвлекся, речь не об этом. Речь о том, что Человек неотделим от природы, составляя с ней единую энергетическую основу жизни, так же, как он неотделим от космических сил гравитации, антигравитации, фотонных и противифотонных полей, а попросту – Тьмы. И всё это простирается в бескрайних просторах Вселенной, неся громадное количество знаний, приобретённых в период существования всего Мироздания. А некоторые глубинные силы (которые мы именуем Божественными), обеспечивают нам генетическую преемственность поколений, приём и передачу информации с помощью мышления в пределах целостности различных материальных систем, в виде «Отражённых Миров». А так называемая Человеческая Душа (имеющая вакуумно-флуктуационную природу и привязанная к отдельному индивидууму), не исчезает полностью после смерти, а аккумулируется в Биосфере и Ноосфере Земли, а так же, в Солнечной системе и далеко за её пределами, являясь голографическим плазмодом, формирующим информационное поле Вселенной... Данное явление всегда осознавалось людьми, получая закодированное выражение в виде знамений, откровений, творческих озарений, аморфных видений и, даже, в достижении экстаза, находя отражение в произведениях искусства, почти всех народов мира... К чему я это всё говорю, спросите вы? – сделав небольшую паузу и отхлебнув остывшего чая, спросил окружающих Борис Яковлевич. – Так вот... Параллель, на которой мы находимся, является

зоной некоего Биосферного сегмента, особого энергоинформационного пространства, где включаются и начинают работать телепатические способности, которые есть практически у каждого человека, но дремлющие в подсознании. И время, согласно астроному Козыреву, становится самостоятельной субстанцией, теряя основные свои физические закономерности, имея уникальнейшие свойства (не вписывающиеся в каноны современной физики), такие, как направленность и плотность. Соответственно, при помощи этих свойств, Время может влиять на ход определённых событий в материальных системах «Отражённых Миров», активно участвуя в их развитии, а, не только являясь пассивным статистом...

– Это значит, что воздействие одного процесса на ход другого – возможен. Можно пройти через время или сквозь время... – Борис Яковлевич снова сделал паузу, отпивая из кружки уже горячий чай, подлитый туда Юлей, пока он говорил.

Сделав несколько глотков, он продолжил:

– Это возможно при помощи силовых полей. Ведь время как скала, оно не движется в пространстве, а проявляется единым стержнем по всей Вселенной, образуя пространственно-временные коридоры. Время свободно от ограничения скорости сигнала, поэтому через время можно осуществлять мгновенную связь с любой точкой Космоса. – Борис Яковлевич снова сделал паузу, отхлёбывая чай и внимательно осматривая окружающих, видимо ища понимания. –

Просто для этого процесса необходимо большое количество энергии, при наличии которой возможно совершения прыжка из одного временного пространства в другое... Но это только в теории научно-фантастических романов.

Все смотрели на профессора как замороженные, не смея даже пошевелиться, попав под воздействие Магии слова. На некоторое время профессор задумался о чём-то, теребя в руках кружку...

*«Время не бежит и не течёт,
Оно стоит, как скала, в оковах Вечности.
Это Мы, проплываем мимо слишком быстро».*

Почему-то подумал Михаил, вспомнив придуманный им, когда-то давно афоризм, всплывший в его памяти под воздействием сказанного профессором...

Тем временем, Борис Яковлевич вернулся к начатой теме, отбросив путавшиеся в голове мысли по поводу надписи на стене.

– Ну так, продолжу... Всё это я вам поведал лишь для того, чтобы объявить о сделанном мной, а точнее нами, сенсационном открытии – никакого «Подземного царства» НЕТ... Есть, простой коридор во времени, о чём нам поведал Чёрный камень, который ведёт в параллельные Миры, и этот коридор

перед нами!!! – профессор указал в сторону расщелины.

– Но там же Тупик? – после некоторой паузы воскликнула Юля. – Николай же, там только что был.

– Разумеется Тупик, а вы чего ожидали. Временной портал не так-то просто открыть. Если бы это было так просто, то все, кому не лень шастали бы туда-сюда, туда-сюда, и неизвестно, чем бы это всё могло закончиться. – сказал Борис Яковлевич, явно удовлетворённый произведённым эффектом своего монолога.

– А ключик будем искать, он где-то тут. Надпись могла бы нам помочь, но я никак не могу связать знаки воедино. – раздосадовано констатировал свои попытки прочитать текст, профессор.

– А что удалось расшифровать, какие знаки, может всем вместе удастся понять их смысл. – поинтересовался, сидевший до этого тихо и задумчиво, Михаил.

– Первая надпись на камне, в общем, понятна, она указывает на временной портал – это расщелина, которая является коридором в параллельный мир, на это указывает надпись при входе... Но, я не могу уловить, что является ключом... Там есть знак, который можно определить как – «рука», но что это за «рука» не понятно, толи это «рука Судьбы», толи «Божья рука». И ещё, знак означающие время и пространство, это коловорот, который можно охарактеризовать и как Солнце и как Судьбу. Там есть и ещё несколько непонятных знаков, один из которых

можно предположить как символ любви... – Борис Яковлевич рассуждал вслух, но мысли ходили где-то рядом, не желая концентрироваться на главном. И в тоже время, трудно было понять, какой же знак является главным...

– Давайте спать. – предложил Николай, посмотрев на часы. – Вон Вадик молодец, сопит уже, как младенец. Да и время уже почти три часа ночи.

– Странно, а на моих всего четверть двенадцатого. – удивился Михаил, переводя стрелки.

Но уговаривать никого долго не пришлось. Лишь Николай, ещё раз встал и осмотрелся повнимательнее, подбросив ещё дров в костёр, горевший у входа в расщелину. Он сделал это так, на всякий случай. Потом снова подсел к костру, поближе к профессору и прошептал:

– Со мной случай был один, в Афганистане, я его никому не рассказывал, боялся сумасшедшим посчитают, но вам расскажу. Обстановка располагает. Ранили меня однажды, тяжело, в горах. Ну, как бы это попонятнее... В общем, не то чтобы ранили... Короче, скажу прямо, все кто со мной были – погибли, и я, одним из первых, но вот в чём загадка, которая меня мучает до сих пор – меня через месяц возле нашей базы нашли, живым, но без памяти. От места боя до базы наших войск было километров двести. Как я выжил в горах, даже врачи сказать не могут, а уж тем более, как до своих добрался. Меня конечно спрашивали, где я столько времени был, но я

отвечал постоянно, что не помню. У меня и до этого, кличка была подходящая – «Бессмертный». А после этого случая вообще смотрели как на потустороннюю легенду... Ну, я не об этом хотел сказать. Может это поможет, я вот что запомнил, правда смутно – в пещере, где я лежал раненый, вдруг стена отодвинулась, и меня унесли вглубь горы. Потом я очнулся в другом месте, там свет был очень яркий, а потом в ещё другом помещении был, где свет был уже мягче и снисходил откуда-то из под потолка. Потом со мной говорил какой-то старец, весь в белом, только он не говорил, это мне казалось, что он говорит, а он даже рта не открывал. Просто его слова, сами мне в голову в виде образов являлись, потом он рукой передо мной провёл, и я, как бы со стороны всё увидел, и себя и тот бой, и как всех убили, потом опять всё пропало, а потом я в забытьё оказался... Я до сих пор не уверен, что это была Явь, а не Сон... Хотя, даже не знаю, как это охарактеризовать... Может я и вправду на Том Свете побывал.

– Скорее всего, это была Явь. По всему Северу ходят легенды о Белом Старце, который появляется в минуты опасности, помогая особенно отличившимся воинам. Подобные случаи рассказывают, были и во время Великой Отечественно войны. Высокий, молчаливый, с длинной бородой, и белый как снег старец, спасает людей от беды. В Русской Лапландии мне о нём много сказок рассказывали. Так же его видели на Алтае, на Ямале, в Югре, и на Новой Земле. Даже в жизни Ломоносова был подобный

случай, поговаривают что именно Белый Старец, помог молодому Михайло добраться до Петербурга, тем самым благословив его на Великие дела... Я не берусь трактовать Ваш рассказ Николай, но мне кажется, что Вы общались именно с этим Старцем. Хотя, возможно, что он не один такой. Могу сказать с уверенностью лишь одно – Вы Николай настоящий Человек. В вас есть стержень – сильный Дух. Поверьте мне старику на слово, не каждый живущий на Земле, может сказать что Он – Человек, а уж тем более НАСТОЯЩИЙ. Не зря, во многих Русских сказках есть забавная присказка: «Там Русский Дух, там Русью пахнет»... У наших Предков всё было не просто так. Каждое слово имело свой сакральный смысл, и свой символ, а уж тем более подобные фразы...

– Спасибо профессор. Мне приятно, что я Вас встретил, хотя нет, приятно не то Слово. Я горд, что был с Вами в одной компании, и в тоже время рад, что не разочаровал Вас своим присутствием в этом увлекательном путешествии. – к горлу Николая даже подкатил ком, а глаза увлажнились.

– Ладно, давайте спать ложиться, а то мы как на последней исповеди. Я думаю, что ещё не всё у нас закончилось, завтра будем думать, на какие Великие дела нас ещё сподвигнет Господь. А то может, мы как глупые котята, в его дела лезем, а ему это не очень-то и нравится? – резюмировал Николай, положив свою голову на седло и укрываясь курткой.

Глава пятнадцатая

«Рука Судьбы или Коридор Времени»

Нешадно палило солнце, Николай всем телом ощущал его жар, ломило суставы, голову разрывала невыносимая боль. Он попытался открыть глаза, но что-то тёплое и липкое не давало этого сделать. Николай попытался пошевелиться, но тело так ломило, и голова так раскальвалась, что он снова потерял сознание. Сквозь пелену смутного восприятия действительности он слышал приглушённые звуки жестокого боя. Разрывы гранат и свист пуль не умолкали ни на минуту. Вот Николая подхватили сильные руки и понесли, туда, где уже не было палящего солнца и свиста пуль, да и все остальные звуки стали более приглушёнными. Его положили на что-то твёрдое, от боли он вновь потерял сознание.

Придя в себя, и с трудом осознавая происходящее, Николай, преодолевая боль, прислушался... Стояла гробовая тишина... Запах крови и смердящей духоты ударил в нос. Он отяжелевшей рукой попытался отереть лицо, стараясь убрать с лица что-то липкое, мешающее открыть глаза. Это была кровь. Ресницы с трудом отлеплялись от запекшейся крови. Сквозь пелену серого полумрака он

различил белые силуэты, которые подхватили его и понесли в дальний конец пещеры. Вот один из силуэтов отделился ото всех и, подойдя к гранитной стене вплотную, приподнял руку. На уровне его кисти Николай увидел в камне вдавленный отпечаток ладони, но большего размера, чем кисть силуэта в белом. Приложив свою руку к отпечатку, силуэт обернулся. Николай не разглядел лица, да и не оно привлекло его внимание, а тот факт, что стена отодвинулась, и яркий свет ослепил его... Его вновь подхватили, и сильная боль пронзила всё тело, он застонал и снова потерял сознание...

Кто-то дёрнул Николая за плечё, приводя его в чувства. Он очнулся, не понимая что происходит. Голова уже не болела, да и запах был обычный – пахло костром, травой и лошадиным потом. Николай открыл глаза. Его тряс за плечо Михаил.

– Коля проснись,... что кошмар приснился? – Михаил спрашивал шёпотом, стараясь не разбудить остальных. Рассвет ещё только брезжил где-то за горой.

– Да так, кое-что из боевого прошлого... – ответил Николай, протирая глаза и вставая. Взяв флягу с водой, он отпил несколько глотков, потом налил в ладонь и умылся.

Пока он приходил в себя, Михаил подбросил дров в костёр, и снова лёг под бок к Юле, нежно обняв её за талию. Николай посмотрел на них с лёгкой завистью. Сделав ещё несколько глотков из

фляжки, он тоже прилёг на спину, запрокинув голову в небо. Звёзды еле просматривались, сквозь дымку утренней пелены. Луна, большим пятном, по прежнему притягивала к себе взор лежащего путника, потерявшего своё предназначение в этом Мире...

Пелена рассеялась и вновь, яркий свет резанул по глазам. Постепенно зрение стало привыкать к окружающей Николая обстановке. Когда он уже освоился, к нему подошёл Старец. Старец был весь в белом, даже борода и локоны волос, торчащие из-под капюшона, были белыми. Белый Старец взял его руку, раскрытой ладонью перед собой, и долго рассматривал его линии. Николаю даже показалось, что линии меняются под его пристальным взглядом. Потом Старец ткнул пальцем в ладонь и сказал, пристально посмотрев Николаю в глаза:

– Рука Судьбы... Тебе ещё рано умирать, ты ещё не исполнил своего предназначения.

Затем Старец провёл своей ладонью перед лицом Николая, и тот словно провалился куда-то. Хотя нет... Не провалился, а как бы повис в невесомости, не ощущая своего тела, словно его у Николая и не было вовсе. Он осмотрелся, вокруг парили облака, такие густые, словно пар в бане. Вдруг, из этих облаков, один за другим, стали появляться его погибшие боевые товарищи, которых он не смог уберечь, в своём последнем бою. Николай растерялся, но постепенно взяв себя в руки, стал оправдываться:

– Простите меня братцы, что не уберёг Вас... Не держите на меня зла... Я понимаю что стал для вас плохим командиром, раз всё так вышло... Но Я нее... – голос Николая дрожал, он не знал какие ещё слова подобрать...

– Забей на Всё командир... Все Слова пусты... Не оправдывайся, тебе не за что... Это мы не смогли тебя вынести из боя... Но ты же у нас «Бессмертный», вот и живи теперь за Себя и за Нас... И не кайся, ты всегда был правильным Мужиком... А Мы и тут не прорадём... хорошие воины нужны и на Небесах... – каждый из шести подходил к нему поочерёдно, и положив руку на плечо, исчезал...

Из груди Николая вырвался глубокий стон...

Это был стон отчаянья и бессилия перед Судьбой, что он не может ничего уже изменить. Рука Судьбы уже наложила свою пятерню на их Жизнь... А его Судьба во власти уже других Сил... Рука Судьбы... Рука Судьбы! Снова чья-то рука упала ему на плечо и стала трясти...

– Николай... Проснись! – Михаил уже тряс его за плечи обеими руками. За его спиной стояли все остальные.

Запрокинутая голова Николая и гортанный стон напугали даже Михаила. Сон сном, но что-то тут не то, подумал он, приводя Николая в чувства. Он даже прыснул на него водой, стараясь вернуть того в реальность этого Мира...

Николай не сразу смог проснуться и понять что произошло, он даже открыв глаза ещё продолжал бубнить в полудрёме, повторяя всего два слова:

– Рука Судьбы... Рука Судьбы... Рука Судьбы...

Лишь после того, как Михаил прыснул на него ещё раз водой, он с озарением во взгляде произнёс:

– Рука Судьбы... Я знаю, как пройти...

У него было такое блаженное выражение лица, что все подумали что он немного – Того... Спятил...

Сообразив, что на него все смотрят как-то странно, Николай осмотрел себя сам, и, не заметив ничего необычного, вдруг понял причину пристального к себе внимания. Он тут же попытался объяснить:

– Всё в порядке, я не рехнулся, просто Сон... Точнее, не просто Сон, а вещий Сон... Мне приснился Белый Старец, который и подсказал, как пройти сквозь коридор времени... Рука Судьбы... – сказал Николай, протягивая Михаилу свою ладонь.

Все молча и с удивлением смотрели на Николая, не понимая его объяснений, лишь через некоторое время, Борис Яковлевич подошёл ближе, и взял его руку в свою, раскрыв ладонь вверх. Он долго рассматривал линии на ладони проводника, как тот Старец из сна, и с непониманием произнёс:

– Ну и... Кроме того, что жить Вы будите долго Николай, я больше не увидел ничего судьбоносного?

– Николай, ну может хватит тянуть кота за хвост... Ну же, говорите... Что вы знаете? – Юлю просто трясло он нетерпения и любопытства. Михаил тоже нервничал. Лишь молодой лаборант смотрел на всё происходящее спокойно, так как ничего не понимал.

– Ничего... «Все слова пусты»... – вспомнил он фразу из сна. – Сейчас в себя приду, умоюсь, чаю попью и всё покажу воочию.

Перечить ему никто не стал, все занялись своими делами. Михаил, предчувствуя значимость момента, решил побриться, Борис Яковлевич, глядя на него – тоже. Вадим, глядя на них, так же попросил бритву, но Николай, оценив его нетронутый пух, предложил воспользоваться полотенцем.

– А это как? – недоумённо поинтересовался лаборант.

– Очень просто, берёшь за края полотенце и натираешь им бороду, пух сам слезет. – Николай и все остальные мужчины засмеялись.

– Шутите, да... А я всерьёз... Начинать то, все равно когда-то придётся, так уж лучше сейчас. – смущённо парировал Вадим.

– Ну да... Лучше поздно, чем никому... – заметил с улыбкой Михаил, поглядывая в сторону Юли. Та, уловив на себе взгляд Михаила, кокетливо обратилась к Николаю:

– А Вы Николай бриться будите? Так хочется посмотреть на Вас без бороды.

– Вот если дойдём до Чёрного озера, то точно побреюсь. – пообещал он девушке.

– А Вы что, не верите, что дойдём? – тут же переспросил Борис Яковлевич, подбывая шею и передавая бритву Вадиму.

– Вчера ещё не верил. А сегодня уже верю. – держа зеркало перед лаборантом, ответил Николай...

Его спокойный голос и уверенность в себе, тут же передались всем остальным. Бодрость и свежесть, особенно после бритья, предали новых сил мужской половине экспедиции. Ну, а Юля, не понимая их суеты, просто наслаждалась тем, что находится в компании таких сильных и надёжных мужчин, да ещё старающихся следить за собой, даже в таких сложных бытовых условиях. Ей самой, так вдруг захотелось принять ванну, или хотя бы душ, или просто искупаться в каком-нибудь водоёме, что она с особым нетерпением ждала встречи с этим Чёрным озером, и не только из любопытства, но и по своим, чисто женским соображениям...

– Какие же вы у меня молодцы, прям даже не знаю, за кого замуж выходить. Ну прям все достойны. – и Юля кокетливо посмотрела в сторону Михаила, ожидая его реакции, но первым среагировал на ещё провокацию профессор.

– Я был бы не против, если бы мне скинуть эдак лет двадцать. Жаль, что мне в своё время не попала такая девушка как Вы Юля. Хотя, у всего есть своя

закономерность. – тяжело вздохнув, сказал Борис Яковлевич.

– Я бы профессор вам уступил, как старшему товарищу... Но, только место в трамвае, а эту красавицу никому не отдам! – Весело сказал Михаил, подходя к Юле и целуя её в щёку.

Николай промолчал и мельком посмотрел на часы, но, увидев расположение стрелок, встрепенулся:

– Ого... Вот это мы провозились, уже три час.

– Как... Не может быть! – Михаил посмотрел на свои часы и тоже удивился. – Действительно, и на моих уже почти три.

– Нет ребята, у вас что-то с часами, солнце ещё даже не в зените. Лучше солнца часов нет. – констатировал факт Борис Яковлевич.

– У вас они со вчерашнего дня три часа показываю. – заметила Юля, вспомнив, как Михаил ещё ночью подводил свои часы, ставя стрелки на три. – Наверное стоят.

– Точно, стоят. Но я же их вечером заводил? – Николай встряхнул свои Командирские несколько раз, но эффекта никакого не было. Он попытался их ещё раз завести, но пружина была взведена уже до предела.

– Мои тоже стоят... Странно... – Михаил был искренне удивлён этому событию, словно у него остановилось сердце, а не часы. Хотя, часы для него были не столько прибором для определения времени, сколько, символизировали, прежде всего, причастность его к цивилизации. У него были очень хорошие

Швейцарские часы с самоподзаводом, и с хронометром, и заплатил он за них целое состояние – пятьсот рублей.

– Вот и началось самое интересное. – сказал Борис Яковлевич, доставая из рюкзака компас. Открыв крышку, он даже не удивился – стрелка металась, как безумная. – Ну, теперь уж точно, даже нет ни каких сомнений, мы у «Священных Врат»! Как правило, в таких местах действительно выходит из строя всякая аппаратура. Из-за этого, наверное, и вертолёт пропал. А у нас надежда теперь, только на Вас – многоуважаемый наш Николай, и на вашу «Руку Судьбы»...

Приведя себя в порядок, собравшись и оседлав лошадей, они встали у входа в расщелину, глядя на Николая. Тот, вскочив в седло, подъехал к тому месту, где была надпись и отпечаток руки, и вставив свою ладонь в углубление, прислушался, всматриваясь в полумрак туннеля, ничего не происходило. Тогда Николай закрыл глаза и обращаясь вовнутрь себя, мысленно произнёс: «Рука Судьбы открой мне путь»... Через мгновение, в глубине расщелины что-то загромыhalo, и коридор просветлел, открывая дорогу путникам, которые цепочкой направились вовнутрь. Когда все скрылись в глубине тоннеля, Николай отпустил руку, осмотрелся, перекрестился на всякий случай, и, пришпорив коня, помчался догонять ушедших вперёд товарищей, ставших ему уже такими дорогими...

Глава шестнадцатая

«Обустройство лагеря на Чёрном озере»

На выходе из расщелины все остановились. Позади, послышался негромкий скрежет. Обернувшись, как по команде, они увидели лишь сплошную гору позади себя, а впереди узкое ущелье, убегающее вниз по склону, сквозь невысокие деревья и густой кустарник.

– Ну что, назад пути нет! – сказал Николай, как отрезал.

– Ну-уу... Тогда, только вперёд! – в тон ему, и с пафосом в голосе, стараясь подбодрить товарищей, сказал Михаил, медленно направив своего коня вниз по склону...

Процессия неспешно спускалась, лавируя между камней и густого кустарника, не смея нарушить гробовую тишину замкнутого пространства. Как только ущелье стало расширяться, тропа начала петлять, незримо уходя далеко вниз. Через несколько сот метров они оказались на широком плоском уступе, представлявшем собой что-то в виде «смотровой площадки», с которой перед членами экспедиции открылся потрясающий вид – на дне широкого каньона, голубизной отражаемого неба, блестело озеро,

с трёх сторон подпираемое высокими чёрными отвесными скалами, и лишь с одной стороны пологим и лесистым берегом, к которому и вела та единственная тропа, по которой они спускались. Сосновый бор, лежащий внизу, у их ног, был похож на войско великанов, застывших на берегу плотным строем, в вековом безмолвии, словно по волшебству...

Спешившись и полюбовавшись открывшимся видом, члены экспедиции тронулись дальше, взяв лошадей под уздцы. Люди медленным шагом, друг за другом, спускались к сосновому бору, стоящему густым строем мощных многовековых стволов, почти вплотную прижимаясь к берегу водоёма. Раскинувшаяся перед глазами красота чёрных скал не была похожа ни на что, ибо такого фантастического пейзажа они не рассчитывали увидеть даже в самых смелых фантазиях. Скалы напоминали космический ландшафт какой-то невиданной планеты. Правда водоём был обычным, хотя и красивым, но, сколько таких озёр на территории нашей матушки Руси – тысячи или десятки тысяч. Ничего зловещего или неприветливого в глаза не бросилось. Озеро, как озеро, только тихо уж слишком...

Заворожённые красотой дикого безмолвия, они остановились на полпути, наполняя своё сознание увиденным. Бори Яковлевич достал фотоаппарат и сделал несколько снимков. Собаки, опережая события, с восторженным лаем бросились вниз к озеру,

наполняя пространство гулким эхом, которое повисло в воздухе, словно отзвук грозового раската, угасающего по мере отдаления...

– Бесподобно!!! – возглас Юли, словно слился с лаем собак, наполняя воздух разумной человеческой речью.

– Супер!!! Ради этого стоило жить! – выдохнул Вадим, рванув вслед за собаками, обрывая по пути одежду о колючий кустарник.

– Н-н... да-аа... Пожалуй... Действительно красиво... – выдавил из себя Михаил. – Хотя, я думаю, это ещё не предел... СУПЕР, скорее всего, будет ещё впереди...

– Эх... Молодёжь, молодёжь! Как я завидую Вашему незатейливому СУПЕР!!! – заметил с улыбкой Борис Яковлевич. – А озеро-то, вовсе даже и не Чёрное...

Лишь Николай промолчал, оглядывая не красоты скал и озера, а его окрестности и высоты, профессиональным взглядом оценивая возможность удобного расположения будущего лагеря. Вариантов было немного, либо в лесу, либо на вдававшейся немного вглубь озера открытой косе. Подумав немного, Николай решил, что на опушке бора, перед косой, самый лучший вариант, и озеро с косы хорошо просматривается, и лес прикрывает, да и вдоль берега вглубь каньона легче идти, чем через кустарник и дремучий лес.

По мере того, как они спускались к воде, гладь озера чернела, вбирая в себя, всю неприглядную монотонность окружающих её скал, с высоты ущелья казавшимися более приветливыми, но, как только скалы стали нависать над путниками, восприятие увиденного поменялось. Чёрные скалы давили. Возникло ощущение, что космическая мгла поглощает пространство, вбирая в себя не только людей, но и озеро, которое плавно, по мере их приближения, сливалось с окружающим ландшафтом, становясь действительно Чёрным. исполинских размеров сосны были чем-то, вроде межгалактических ракет, готовых взмыть в небо в любую секунду, ожидая лишь приказа – «На Старт», наполняя пространство трепетным величием. Гробовая тишина, лишь нагнетала этот трепет. Не было слышно даже ставшего уже привычным писка комаров, да и самих насекомых не было видно.

Сверху, со «смотровой площадки», лес и озеро просматривались как на ладони, и казалось, что всё рядом, но на самом деле путь к косе, через бор оказался не таким уж простым, как представлял Николай. Весь окружающий ландшафт говорил о том, что в эти места очень давно не ступала нога человека, да и животных с птицами они тоже не заметили. У самого спуска из ущелья, перед сосновым бором, протекал ручей, впадающий в озеро лёгким водопадом. Все остановились, чтобы набрать воды. Вид на озеро и сосны был словно нарисованный. Лишь шум ручья и

рыскающие по кустам собаки, в поисках хоть какой-нибудь добычи, нарушали безмолвие этого пейзажа.

На косу вышли во второй половине дня. Солнце уже давно перешагнуло свой экватор, медленно сползая к закату.

– Ну, вот и пришли... – этой фразой Николай, словно сбросил с себя тяжёлый груз. – Здесь обустроим лагерь, со стороны леса сделаем завал из веток и навес для отдыха, а с реки, надеюсь, нас крокодилы и драконы не тронут!

Все осмотрелись, стараясь выбрать для себя место поуютнее. Перечить Николаю никто не стал. Место всех устраивало.

– Ну, вот и хорошо. Рад, что всем понравилось. Приступим к работе, отдыхать и купаться будем потом. – Продолжил свой монолог Николай. – Юля разбирает припасы и готовит обед, а заодно и ужин. Борис Яковлевич делает из камней очаг и занимается лошадьми. Вадим идёт в лес рубить жерди и валежник, примерно три метра и не толще руки. Небольшие деревца можно срубить целиком, и руби их подальше от лагеря. Ну, а мы с Михаилом займёмся самым трудным – стройматериалом.

Проводник разделся до пояса, достал из рюкзака армейскую пилу, в виде троса с ручками, топор и стал выбирать дерево. Михаил последовал его примеру. Когда он ещё снимал майку, Николай уже надрубал выбранную им толстую сосну. Подойдя к товарищу и оценив его выбор, Михаил присвистнул.

– Не слишком большая-то? Осилим? – поплевав на ладони, спросил Михаил из приличия.

– В самый раз. Изумительный стол получится. Да и лавки с табуретками из чурбачков шикарные будут.

– Николай протянул Михаилу другой конец пилы, указав высоту пропила.

С сосной возились долго. Несколько раз отдыхали, смывая в озере с тела пот и усталость. Прохладная вода здорово освежала и придавала новых сил. Примерно через час, дерево с хрустом и стоном тяжело упало, в сторону воды.

– Ну, что я говорил, идеальная столешница. – Николай улыбнулся, подмигнув Юле и хлопнув по плечу Михаила.

– Да, ровно спилили, даже самому не верится. – пожав плечами, сказал в ответ Михаил, тоже улыбувшись.

– Вы мальчики просто молодцы!!! Вот у нас и стол есть! – Юля светилась от счастья.

Затем ствол распилили на пару лавок и несколько чурбачков, использовав их вместо табуреток, а из макушки дерева сделали каркас навеса, набросав сверху мохнатые лапы колючего валежника. Лавки и чурбачки поставили вокруг стола.

Борис Яковлевич уже давно справился со своим заданием и даже успел соорудить туалет в лесу, после чего стал помогать Вадиму, таскать из чащи срубленные ветки. Совместными усилиями, из приготовленных жердей и сваленных деревьев, сделали заслон со стороны чащи, оставив лишь проход у воды.

Потом Николай отвёл в ущелье, откуда они пришли, лошадей, оставив их там пастись, недалеко от смотровой площадки. Внизу у озера травы не было, одни только камни и мелкая галька, а наверху хоть какая-то, но была трава, да и ручей был недалеко. Усталые, но довольные проделанной работой, все сели у костра, следя за тем, как Юля разливает по тарелкам приготовленный ею из консервов рыбный суп...

– Да-а... Только сейчас чувствую, как я голоден.
– сказал Михаил, втягивая носом аромат варева.

– Спасибо большое Юленька. Запах действительно чудесный. – Поблагодарил девушку профессор, беря из её рук миску с супом.

– Благодарить будете, когда попробуете, а сейчас берите и молча ешьте, кому мало ещё подолью.

Уже стемнело, вода неразличимым чёрным пятном слилась с камнями. В воздухе стоял запах ухи из консервов, свежеспилиной древесины и хвои. Отблеск пламени играл на усталых мужских лицах, молча вкушающих скромную пищу. Юля с упоительным наслаждением смотрела поочерёдно на каждого из мужчин, видя с каким аппетитом, они поедают её стряпню. В этот момент, для любой женщины, наверное, нет ничего более значимого, чем продукт её труда, приносящий наслаждение другому человеку. Сама она уже наелась, когда готовила, а сейчас просто пила чай с сухарём, за компанию, в знак солидарности с этими настоящими мужчинами...

– Ну-у, Юленька, Вы просто прелесть! Уха получилась славная, я даже попрошу добавки. – Борис Яковлевич протянул Юле миску.

– Мне тоже добавки! – быстро доедая остатки пищи, засуетился Вадим, сам встав за добавкой.

– Толи я такой голодный, толи действительно суп такой вкусный, но мне, пожалуй, тоже добавки... – сказал Михаил, улыбаясь Юле.

Только Николай промолчал, и ничего не попросил, а лишь сам, встав из-за стола, налил себе чаю. Ему не нравилось, что рыбный суп все называли ухой. Рыбный суп – это просто суп из рыбных консервов, а Уха, это УХА!

– Вам что Николай уха не понравилась? – спросил проводника Борис Яковлевич.

– Спасибо, понравилась. – буркнул Николай.

– Тогда может ещё ухи налить? – спросила Юля.

– Нет, спасибо, я наелся... – устало отмахнулся Николай.

– И пожалуйста, не называйте рыбный суп ухой. – не выдержав, негромко попросил Николай Юлю. – Уха, это когда сварено из натуральной рыбы, а из консервов, это рыбный суп.

– Хорошо, как прикажите мой господин! – сделав лёгкий реверанс, демонстративно кокетливо ответила Юля, на что все хихикнули, но промолчали.

После ужина, подбросив в костёр побольше дров и веток, чтоб было светлее, мужчины занялись каждый своим делом: Борис Яковлевич что-то записывал в свой блокнот, подсев поближе к огню,

Николай рубил топором поленья, готовя дрова для костра, Вадик ему их подносил, унося и складывая расколотые поленья недалеко от очага, Михаил устраивал под навесом постель, а Юля, пошла купаться в дальний конец косы, получив несколько минут одиночества, иногда, так необходимых для любой женщины...

Какая Магическая тишина! – подумал Борис Яковлевич, отложив в сторону блокнот, и пристальнее всматриваясь в дальние скалы, чёрным силуэтом выделявшиеся на фоне матово-звёздного неба. – Да-а, Божественное Безмолвие!

Профессор снова взял свой блокнот, и записал: «Мистика Безмолвия умерщвляет внешние чувства, воскрешая в человеке внутреннее осознание Вечности! Нигде так не ощущается внутреннее дыхание Смерти, как в Стране Безмолвия!!! Совершенное Безмолвие – это наивысшая точка психологического предела сознания, достигаемого Человеком! Я чувствую, как стою на пороге Вечности, но чтобы осознать это, нужно отбросить ненужный ум, ощутив надвинувшееся Безмолвие Сердцем, выбрав правильный путь Судьбы отречением от мирского Бытия, ощутив в себе Бога...»

Был прожит ещё один день их жизни, принёсший массу впечатлений, забот, надежд и ощущения какой-то значимости – каждого на своём конкретном месте. Чувствовалась усталость, но эта усталость не давила, а была даже приятной, позволяющей осознать человеку свою сопричастность с

Миром. Они дошли до конечной точки своего пути, теперь осталось лишь решить, что делать дальше.

Было чувство преодоления себя, в самом себе, когда всё, что окружало их, было чем-то, уже неважным, не имеющим никакого значения, хотя и являлось неотъемлемой частью происходящего. Когда придел желаемого вроде бы уже преодолён, но, как оказалось – это лишь очередная ступенька к новым высотам, где возможно, таких пределов ещё целая уйма, и где человек уже не ощущает границы реальности, переступив порог возможности. И этот порог, ими всеми, был уже пройден, изменив их Судьбы, но так, что они ничего не ощутили, как будто, просто начали новую жизнь, оставив прошлую за стенами этих Чёрных скал, переступив порог Великого Безмолвия...

Мир вокруг словно застыл, потеряв определение Времени и Пространства... Как будто кроме этого Чёрного озера и этих Чёрных скал во всей Вселенной не было больше ничего, только Они Вчерашние и Они Будущие... Понятие «Сегодня» растворилось, вобрав в себя ВСЁ! И прошлое, и будущее, и настоящее, сконцентрировавшись в одной точке... Эта Всённость присутствует везде – и снаружи, и внутри, пронизывая Суть Времени некой Вязальной спицей, на которую нанизаны Миры, которых Тьма! Всённость – это вобравшая в себя Всё Душа, являющаяся центром сосредоточения истинной Сути Вселенной...

Душа – это центр Мира! Точка, втягивающая в себя Время и Пространство, создавая РазМер твоего Пути по Жизням, определение которому – Вечность и Бесконечность.

Но, у Души, как и у «Центра Мира», есть точка отсчёта в Нашем Мире – это Гиперборейская Гора Меру, про которую древние философы и мудрецы говорили – *«Ρυλεσ Νιγρα ετ Αλτισσιμα»* (Скала Чёрная и Высочайшая)... Эту Вершину, окутанную «СверхСветлым Мраком», на своей карте (датированной XVI веком), отобразил картограф Герхард Меркатор, где «Гора Меру», отображала по своей Сути Космогонию «Светозарного Мрака» (как Меры всего Сущего)...

Как же похожи по своей Сути и Определению все Мифы и Легенды о Центре Мира и о Коридоре Времени... Такие совпадения не могут быть лишь плодом воображения древних племён, ибо человек не может придумать то, чего нет во Вселенной.

Вот и Время, это всего лишь отождествление мифологической Картины Мира, в понятии природного и жизненного Пространства. Время – это Субъективное восприятие Человеком окружающих его явлений по отношению к собственному осознанию видимой им действительности, в пределах его Разумности...

В далёкой древности слово «Время» произносилось, как – «Веремья» (Вертло, Вереница). В

буквальном смысле с Древнерусского, слово «ВЕ-РЕ-МЯ» обозначает – Вектор повторного Реанимирования Моего Я или Направленное повторение Отражения нашего Духа. Для Человека Время имеет своё значение только в рамках определённой Планеты «Отражённого Мира», по отношению к другим Космическим объектам оно абстрактно. Во Вселенной же, своё Время, выходящее за рамки понимания Человеческой Разумности...

Время странный и жестокий инквизитор, оно застывает в сознании, как эти Чёрные скалы, вытеснив привычное ощущение былой реальности, окутав пеленой надвигающейся Неизбежности...

Глава семнадцатая

«Вертолёт на дне озера»

После ночного купания Юля спала безмятежным детским сном. Ей снился Михаил, с которым они гуляли по родному городу, оказываясь, то на качелях в парке, то гуляющими по набережной, то просто целующимися в кинотеатре на последнем ряду и на последнем сеансе. Потом он провожал её домой, они долго шли пешком по ночным улицам, о чём-то разговаривая. Потом они пили чай на её кухне, и при этом она не замечала, или не хотела замечать,

окружающих людей, и даже у неё дома они почему-то были одни. Весь окружающий её Мир растворился в образе одного Человека, и этим Человеком был Он – МИХАИЛ...

Она не помнила, как они оказались с ним в её постели. Он нежно обнимал её, целуя то шею, то глаза, то грудь. Не выдержав его продолжительных ласк, с необузданной страстью, она сама обвила его шею руками, жадно поцеловав в губы. Затяжной поцелуй перерос в минуты блаженства и экстаза, затмив собой всю прошлую жизнь, разгоревшись в сердце девушки пламенем Любви и Счастья...

Юля блаженно потянулась, раскинув широко руки, не сразу осознавая, где она находится. Она лежала под навесом из веток, сквозь которые пробивались лучи солнца, рядом никого не было. Откинув шерстяное одеяло, Юля бодро вскочила, быстро надела шорты, даже не став заправлять в них футболку, в которой спала, и выбежала на косу, к берегу озера.

Вокруг стояла потрясающая красота. Тишина по-прежнему поражала, была приятной и непривычной, никого не было видно, солнце уже взошло высоко над горой, отражаясь в озере множеством ярких бликов. Юля, зачерпнув руками воду, плеснула себе в лицо. Вода была тёплой. Она зачерпнула ещё раз, и ещё, затем, умывшись и утерев лицо футболкой, стала осматривать озеро. Щуря глаза от ослепительного

солнца, отражающегося в глади водоёма, Юля стала всматриваться вдаль, шаря взглядом по противоположному берегу озера. Она не сразу разглядела жёлтое пятно у противоположного отвесного берега, это была надувная лодка, в которой едва улавливался силуэт человека...

Михаилу было жаль будить Юлю после бурно проведённой ночи, поэтому он тихо встал, укрыл её одеялом, и так же тихо пошёл к остальным мужчинам, прося их сильно не шуметь:

– Мужики, давайте разговаривать тихо, пусть девочка выспится, для неё это будет подарком, а то она уже явно на пределе.

Никто даже спорить не стал, все и так видели, как тяжело давались этой хрупкой городской девчонке последние дни их пути, лишь Борис Яковлевич негромко заметил:

– Завтракать, я так полагаю, будем позже. Сейчас предлагаю осмотреть окрестности, пока наше юное создание спит. Я думаю, Михаилу с Вадимом лучше проверить противоположный берег озера, а мы с Николаем пройдем немного вперёд, по каньону.

Михаил с Вадимом, переглянувшись, закивали головами, и пошли доставать надувную лодку.

– Я готов. – отрапортовал профессору Николай, закидывая за плечо карабин и рюкзак, и подавая знак собакам, которые резво побежали впереди хозяина.

Борис Яковлевич перекинул через шею планшет, подхватил свой рюкзак, и быстрым шагом пошёл вдоль берега озера, догоняя удаляющегося проводника.

Тем временем, Вадим и Михаил уже накачивали лодку. Через несколько минут, после того, как профессор и Николай скрылись в пелене утренней дымки, лодка была уже на воде. Михаил, засучив до колен брюки, приказал Вадиму садиться за вёсла, а сам, войдя в озеро, толкнул посильнее лодку, запрыгивая в неё на ходу. Волны сильной рябью побежали во все стороны от резкого толчка, Вадим еле удержал её на плаву, балансируя веслом.

– Ну и тяжёлый же ты. Чуть лодку не перевернул.
– заметил Вадик, усаживаясь поудобнее.

– Гребь, гребь. Не перевернул же... – парировал Михаил, тоже усаживаясь поудобнее.

Вода озера была настолько прозрачной, что, даже отплыв подальше от берега, было видно каждый камешек на дне, не смотря на приличную глубину. Рыб или других каких-то живых существ видно не было. Отплыв подальше от берега, Михаил заметил, что дно пропало, превратившись в чёрную Бездну, которая завораживала, когда он начинал всматриваться вглубь.

– Если долго и неотрывно смотреть в Бездну, то Бездна начинает смотреть в Тебя... – подумал Михаил, отводя глаза от воды.

Вадим медленно и неумело работал вёслами, но Михаил не обращал на это внимания, им некуда было

спешить, он просто всматривался в воду, ломая глаза от однородности мелькающего изображения.

На фоне тёмной глади воды проплывал заунывный каменный ландшафт. Михаил устав всматриваться в окружающую природу, поднял голову к небу, подставляя лицо первым лучам тёплого утреннего солнца. Вадим снова неуклюже зачерпнул веслом по поверхности воды, окотив Михаила солидной порцией брызг.

– Поаккуратнее Недоросль!!! Лодку перевернёшь! – шуточно возмущился Михаил, инстинктивно заслоня лицо руками.

– Простите господин... Я не хотел... – стал в тон старшему товарищу оправдываться растерявшийся лаборант, понимая, что грести у него не получается, но он не собирался сдаваться.

– Гребь аккуратнее, вёсла в воду сильно не опускай, и по поверхности не шмыгай. Потихе и поувереннее. Следи за дыханием, оно должно быть ровным, тогда и движения вёсел будут ровными. – снисходительным тоном стал поучать молодого человека Михаил.

– Давай подгребай вон к той скале, там какая-то подозрительная тень на дне, отсюда разглядеть солнечные блики мешают. – сменил тему Михаил, тыкая пальцем в противоположный берег.

Вадик повернул голову в сторону вытянутой руки Михаила и стал грести более собранно, но по-прежнему неумело. Не выдержав мучений гребца, и

постоянных брызг в свою сторону, Михаил как старший товарищ, взял вёсла в свои руки...

Юля приложила к своему лбу ладонь, прикрывая глаза от солнца, пытаясь разглядеть жёлтую лодку у противоположного берега. Человек, сидящий в ней, был плохо виден. Она напрягала зрение. Вот силуэт согнулся, пытаясь вытащить что-то из воды. Происходящее трудно было разглядеть из-за солнечных зайчиков, бликующих по поверхности озера. Юля зачерпнула руками воду и снова умылась. Протирая глаза футболкой, затем снова присмотревшись в сторону дальнего берега, она увидела в лодке уже двух человек, гребущих в её сторону. Поняв, что лодка возвращается, Юля поспешила развести костёр, чтобы успеть подогреть, хотя бы, чайник...

– Ну что там? – нетерпеливым голосом спросил Вадим, подавая руку выныривающему товарищу.

– Не торопи, дай отдышаться... – цепляясь за привязанную к борту лодки верёвку, еле дыша, ответил Михаил. – Надо ещё нырнуть, а то мне кажется, что у меня глюки...

– Ну так всё-таки, что там? – не унимался Вадик, тоже тяжело задышав. Видимо волнение Михаила передалось и ему. – Судя по тени, там что-то очень крупное...

Вадим не успел договорить, потому что Михаил снова нырнул, сильно оттолкнувшись руками от

бортика. Чтобы не вывалиться из лодки, Вадим упал не её дно, почувствовав под спиной водную рябь. Он замер, в слегка покачивающемся плавсредстве, отсчитывая секунды.

– Сто двадцать шесть, сто двадцать семь, сто двадцать восемь, сто двадцать девять... – лаборант привстал и наклонился к воде, всматриваясь вглубь озера. Прошедшие две минуты показались для него Вечностью. Мёртвая тишина сама отсчитывала секунды в его висках. Он даже перестал считать. Время словно остановилось...

Вдруг, за его спиной, из глубины озера вырвался мощный фонтан воды, окотив его брызгами, и заставив содрогнуться, от неожиданности. Вадим моментально взмок, но не только от капель влаги, накрывших его, но и от собственного страха, выступившего на теле капельками пота. Он невольно обернулся. Михаил, откашливаясь, пытался ухватиться за борт лодки, к которому была привязана верёвка, но рука соскальзывала, не находя спасительного троса. Быстро придя в себя, Вадик протянул ему руку, стараясь удержать равновесие. Михаил крепкой хваткой обхватил его запястье, словно цепляясь за спасительную соломинку, и подтянувшись, лишь до половины перекинулся через борт лодки, прохрипев Вадиму еле слышное – «Спасибо».

Отдышавшись и отхаркавшись, он опрокинулся на дно лодки, перевалившись через борт, и устремив свой стеклянный взгляд к небу. Михаил лежал

неподвижно, словно умер, лишь подёргивающийся кадык, говорил о том, что он дышит...

Вадим, молча, смотрел на сильное тело Михаила, не решаясь нарушить, вновь повисшую тишину. По всему было видно, что погружение выдалось экстремальным. Дождавшись, когда дыхание Михаила нормализовалось, а глаза приобрели осмысленный взгляд, он всё-таки решился спросить:

– Ну что ТАМ??? – его рука, непроизвольно, опустилась сама, показывая в сторону воды, а голос приобрёл, какие-то сакральные нотки, чужим хриплым голосом вырвавшись из гортани.

– Где ТАМ? – переспросил Михаил, глазами прослеживая жест лаборанта.

– Ну Там... На дне... – и рука Вадика для убедительности опустилась ещё ниже, в сторону дна лодки.

И лишь, через некоторое время, поднявшись и вперив свой пристальный взгляд в глаза Вадима, Михаил прошептал:

– Не поверишь... Там Целый ВЕРТОЛЁТ!!!

Вадик откинулся на корму лодки, не понимая смысла сказанных слов. Он не мог понять, толи Михаил отшучивался, толи говорил правду, толи бредил. А тот, не дав опомниться молодому спутнику, взял в руки вёсла и стал мощно и ровно грести назад, к косе...

Юля только успела разжечь костёр и набрать воды в чайник, а лодка уже причалила. Михаил, выйдя на берег, плюхнулся на живот, стараясь нормализовать дыхание. Он все ещё ни как не мог придти в себя, от долгого пребывания под водой и быстрой гребли. Упав на камни, он почувствовал дрожь во всём теле и приступ одышки.

– Как во сне, как в том самом сне, когда он еле пришёл в себя, отпиваясь чаем у костра, предложенным ему Николаем. – вспомнилось Михаилу.

Михаил закрыл глаза пытаясь восстановить подробности, ставшего уже далёким, сна. Но перед глазами стояла только чёрная пелена озёрного дна, и...
ВЕРТОЛЁТ?!

– Простите мальчики, я немного проспала, даже чайник не успела вскипятить, не говоря уже об обеде. – оправдываясь, двинулась Юля на встречу причалившим.

Вадик тащил в лагерь лодку, мимо лежащего на камнях Михаила, опустив глаза в землю. Юля, почуяв что-то неладное, прибавила шаг. Поравнявшись с Вадимом, резко остановилась, поймав его глаза своими, пронизывающими насквозь.

– Что там случилось? – её твёрдый голос и взгляд требовали немедленного ответа.

– Не поверишь... **ВЕРТОЛЁТ...** – тоном Михаила ответил Вадим, кивнув в его сторону, и вновь опустив глаза, двинулся дальше, волоча за собой лодку.

– Какой ещё Вертолёт? – уже менее уверенным голосом переспросила Юля, провожая Вадима взглядом.

– А я откуда знаю... Он сказал Целый... Так что, у него и спрашивай. – отмахнулся лаборант. – Я сам ничего не понимаю...

Юля медленно подошла к лежащему на гальке Михаилу, не решаясь задать вопрос, разрываясь между любопытством и страхом сказать глупость. Михаил, понимая, что Юля уже нервничает, не стал дожидаться расспросов, а сам решил всё ей рассказать, садясь на камень и показывая ей рукой, чтоб она села рядом.

– Я увидел ТАМ... На дне озера... – Михаил протянул вперёд руку, указывая на то место, откуда они только что приплыли. – Вертолёт!

– Какой Вертолёт? – переспросила Юля, не сильно понимая о чём идёт речь.

– Сначала я и сам не понял, далеко было, а потом набрал побольше воздуха, и нырнул поглубже... А там ... На дне ... Вертолёт!!!

– Какой Вертолёт??? – ещё раз переспросила Юля.

– Откуда ЗДЕСЬ какой-то Вертолёт??? – уже более громким и непонимающим голосом переспросила Юля...

– Ну-у... Наверное тот что пропал когда-то давно... «Ми – 4»... И стоит как новенький, словно сейчас взлетит... – глаза Михаила расширились, словно он ещё раз увидел этот Вертолёт, а голова сама повернулась в сторону противоположного берега.

– Я так обалдел, что еле вынырнул... – сказал Михаил, но при этом, его голос уже был на удивление безразлично спокойным.

– Что за бред, какой «Ми – 4», и куда взлетит? – Юля уже начинала нервничать не на шутку, по-своему оценивая невозмутимое спокойствие Михаила и его округлившийся взгляд, словно он только что увидел приведение.

– Я в порядке, я в полном порядке... – снова спокойно произнёс Михаил, заметив, как на него посмотрела Юля.

– Повторяю ещё раз, в здравом уме и светлой памяти... ТАМ, на ДНЕ озера, у противоположного берега, где вон та Чёрная Скала, стоит ВЕРТОЛЁТ – «Ми – 4»... И у меня не ГЛЮКИ... – стараясь говорить членораздельно, чтоб его поняли, произнёс Михаил, показывая рукой, ещё раз, в сторону противоположного берега.

– Да там все Скалы Чёрные... – совсем раздражённо возмутилась девушка.

Михаил, обернувшись в сторону скал, и поняв некорректность своего ответа, взял спокойно руку Юли в свою, и её рукой указал в направлении противоположных скал, в то место, откуда они только что приплыли.

– Я всё поняла... ВЕРТОЛЁТ... У той Чёрной Скалы... – уже максимально вежливо повторила Юля, беря Михаила за руку и уводы за собой в лагерь, пить чай...

– А где Николай с Борисом Яковлевичем? – спросила Юля у Вадика, который снимал с очага закипевший чайник.

– Они пошли вдоль берега, посмотреть, что там дальше, вон у тех гор, за бором. Наверное скоро вернутся, где там особо ходить... – ткнув пальцем в сторону ушедших, ответил Вадик, наливая себе и Михаилу чай.

– Тут как в котле или как в каменном мешке, далеко не уйдёшь. – Отхлебнув горячего чая, добавил лаборант.

– Ладно, буду готовить обед, когда все соберутся, будет видно что делать... И какой там у них Вертолёт «Ми – 4»... Надеюсь, что это действительно не глюки. – подумала про себя Юля, доставая котелок, крупу и консервы.

Глава восемнадцатая

«Подземный лабиринт»

Николай шёл медленно, давая возможность Борису Яковлевичу осмотреться и не отставать. Собаки бежали впереди, настороженно внюхиваясь в камни. Подозрительного ничего не было, если не считать подозрительным всё это место. От лагеря они отошли достаточно далеко, пройдя кустарник и бор, лишь однажды остановившись передохнуть, в том месте, где

гора, стала более отвесно сползать к воде. Ещё через километр, она уже просто свисала над озером, большими валунами преградив путь. Николай остановился, присев на небольшой камень, Борис Яковлевич, подойдя, последовал его примеру, снимая рюкзак и доставая фляжку. Ему было явно тяжело идти по скользким камням. Сделав несколько глотков, он протянул флягу проводнику.

– Спасибо, но я не хочу. – отстранив от себя флягу, сказал Николай. – Я вот смотрю на Вас, Борис Яковлевич, и думаю, какой же Дух надо иметь, чтоб вот ТАК, да по КАМНЯМ, и не понятно ради чего. Медали не дадут, премии, думаю, тоже не выпишут. Наукой тут тоже не сильно пахнет. Ради ЧЕГО???

Профессор сделал ещё один глоток, и, закручивая на фляжке пробку, удивлённо посмотрел на Николая. И, сделав паузу, видно анализируя его слова, как-то уж слишком спокойно сказал:

– А кто ещё, если не Мы с Вами... И вы правы Николай, наград не будет и премий не дадут... Только Вам признаюсь, ДА – наука тут ни причём, особенно в том современном понимании этого слова, которое в него вкладывают некоторые псевдоучёные, которым наука нужна только для карьеры. ДА, возможно, мои личные амбиции в этом замешаны, но уж точно не награды и не деньги. Более того, если мы что-то и найдём, об этом вряд ли когда узнают широкие массы людей. Для них, это всё так и останется Мифами и Легендами, или просто Сказками...

– Но это меня не остановит, потому, что я посветил этому всю свою ЖИЗНЬ... Понимаешь Николай – ЖИЗНЬ!!! – вдруг, неожиданно для самого себя, перешёл на Ты, профессор. – Поэтому решай Сам, и лучше сейчас – идёшь дальше со мной, или возвращаешься. История, это не только учебник с картами, ИСТОРИЯ – это наша Судьба, которую мы постоянно норовим раскрыть так, как того требуют политические амбиции наших Вождей... А я хочу писать Быстину, а не Историю, в угоду кому-то...

– Вы меня не поняли Профессор. Я не по поводу – Быть или не Быть... Я не Гамлет, вопросов ребром ставить не буду, я о другом. Зачем ВАМ всё это? – Николай широко развёл руками, обводя взглядом окрестности. – Ведь могли бы спокойно жить в городе, делать карьеру, растить детей, и рассказывать им эти самые Сказки, не мороча голову всем остальным людям, тем более, что этим самым, так называемым Людям, до ВСЕГО до ЭТОГО просто нет никакого дела. Поверьте, я это знаю что говорю.

– Я тоже знаю что говорю... Но ведь есть же БЫСТИНА... То, что Было Истотью во веки веков... И кто же, если не МЫ, её откроем для будущих поколений... – более возбуждённым голосом заговорил Борис Яковлевич, даже привстав с камня. – В конце концов, Мы должны это сделать, хотя бы для себя, чтобы быть честными перед самими собой, что Мы хотя бы попытались.

– БЫСТИНА? – усмехнувшись, переспросил Николай. – Проблема в том, Борис Яковлевич, что про Быстину никто ничего не знает, и даже слова такого не слыхивал... Все принимают за Быстину – Истину... А она, ИСТИНА, как правило, лежит неглубоко – чуть-чуть пониже надгробья... Ибо, только когда умрёшь, тогда поймёшь, какая штука жизнь... Поэтому я Вас и спрашиваю, Вы-то сами, это понимаете... ВЫ понимаете, что достигнув БЫСТИНЫ или даже ИСТИНЫ, мы с вами, уже вряд ли о ней кому-нибудь что-то расскажем. Не потому, что я боюсь СМЕРТИ, которая нас уже всех ЖДЁТ, возможно даже, что вот за этим самым Валуном, а потому, что даже если Мы и сможем её обмануть, как я это делал уже не раз в своей жизни, то мы не сможем о ней, об этой самой ИСТИНЕ никому рассказать... Ибо СМЕРТЬ нельзя обманывать постоянно, она рано или поздно, но своё возьмёт...

– Почему же не сможем? – растеряно поинтересовался профессор, удивившись такой постановке вопроса.

– Да всё очень просто профессор! Если мы сюда попали, то, либо мы отсюда уже никогда не выберемся, либо нам просто не дадут об этом рассказать... Вы вот много знаете, в архивах разных, наверное, копались, солидный багаж знаний имеете, а много вам позволили до Народа донести ваши знания. Раз вы ещё на свободе, то думаю, что где надо, вы благоразумно помалкивали...

– Я не упрекаю, и тем более не обвиняю... Я сам такой же, как и Вы – «МОЛЧУН». Потому, что понимаю, начини я рассказывать, все-то, что я видел и знаю, то тут же оказался бы, скорее всего, ну как минимум в ПСИХУШКЕ... И это, заметьте уважаемый мой профессор, в самом лучшем случае...

Профессор, задумчиво промолчал, выдержав внушительную паузу, и снова сел на камень. Николай же, наоборот встал, взяв из его рук флягу, и залпом допил, потом подошёл к воде и снова наполнил её.

– Вы предлагаете дальше не идти? Вы предлагаете, вот так просто, взять и повернуть назад, после того что мы пережили? – негромко, почти обречённо, спросил Борис Яковлевич, снова переходя на Вы.

– Да нет уж Профессор, Спецназ так просто не отступает. Да и отступить, похоже, уже поздно, нас так просто отсюда уже не выпустят, если вообще выпустят... – ответил Николай, протягивая собеседнику флягу и смело ступая в воду. – Я просто хочу понять, ради чего все эти жертвы и испытания, которые нас ещё ждут впереди...

Обогнув по мелководью валуны, путники увидели широкую расщелину в скале, уходящую в сторону от воды, и поднимающуюся круто вверх. Через несколько метров тропа превратилась в ступени из каменных плит, поднимаясь всё круче и круче. Расщелина уходила постепенно уводила в глубь горы, и как бы в сторону, заслоня скальным выступом вид

на озеро, так, что увидеть её с какой либо точки озера, а уж тем более с берега было невозможно.

С трудом поднявшись метров на сто, Николай очутился на площадке, примерно пять на восемь метров, и оглянулся. Борис Яковлевич с ещё большим трудом преодолевал этот подъём. Собаки, проявляя солидарность с ним, плелись сзади. Хоть рюкзак у профессора Николай забрал ещё перед подъёмом, тот всё равно тяжело дышал, еле забравшись на выступ. Пока Борис Яковлевич приходил в себя, Николай внимательно осматривался. В глубине площадки, между отвесом скалы и стеной, стоял огромный камень, словно оторвавшийся от этой самой сколы. За камнем просматривался тёмный проём. Николай приблизился, между камнем и стеной действительно был широкий проём, переходящий в пещеру, которую этот камень прикрывал со стороны ступеней. На камне были выдавлены точно такие же огамические знаки, что и на камне в пойме реки Усь. Увидев надписи, профессор оживился.

– Точно такие же предостерегающие знаки, что и на том чёрном камне у реки. – заметил он, записывая знаки в свой блокнот.

– Ну тогда у нас уже есть повод их не бояться. Идём смелее внутрь, или как? – спросил из вежливости Николай, доставая из своего рюкзака фэйеры.

– Понятие «Или КАК», сударь, в данной ситуации не уместно. – парировал профессор, принимая из рук Николая фэйер.

Они медленно ступили во тьму неизвестности, осознавая всю опасность подобного шага, но они осознали это, ещё до того, как отослать Михаила с Вадимом на озеро, понимая неизбежность Судьбы, каждый по-своему.

Собаки остались снаружи, даже не стремясь рвануть впереди хозяина, почуяв что-то неведомое. Да Николай и не собирался звать их с собой. Он приказал им охранять вход.

Пещера медленно уводила вниз, в самое сердце горы, петляя из стороны в сторону, так, что было невозможно определить, в каком направлении по отношению к сторонам света они идут, а компас и другие приборы, в том числе и часы, не работали с тех пор, как они подошли к Чёрному камню. Примерно, через двести метров, коридор пещеры стал расширяться, более резко уходя к низу. Ещё метров через сто они попали в огромный зал, слегка затянутый дымчатой пеленой. Из зала вело несколько овальных выходов, при этом некоторые выходы как бы нависали над залом, примерно в трёх метрах над полом.

– Похоже на какой-то Лабиринт? – высказал своё предположение Николай.

– Очень даже, похоже... – согласился с ним профессор. – Давай осмотримся, у каждого входа должен быть свой знак, или цифра, или ещё что-то. Вообще, лабиринты присутствуют в культурах почти всех древних народов, но в чисто символической форме. С помощью этих лабиринтов наши Предки

получали особое посвящение и пытались донести до нас какую-то информацию. Но, со временем человек утратил связь с прошлым, и перестал понимать закодированный смысл оставленных нам Пращурами подсказок, полагаясь лишь на «научный и всемогущий» прогресс.

– Стоп... Сначала положим у нашего выхода ваш рюкзак, чтобы знать откуда мы пришли, а уже потом будем делать какие либо телодвижения. – предложил Николай.

– Согласен, очень даже разумное предложение. – заметил Борис Яковлевич снимая с себя рюкзак. – Теперь, вы Николай пойдёте налево, а я пойду направо. Но только до следующей развилки и назад. Договорились? – Договорились Борис Яковлевич. Но только, пожалуйста, вы сами эту договорённость соблюдите, а то, я вас тут точно не найду.

Не прошло и пяти минут, как Николай попал на прямой перекрёсток, при этом правый рукав резко уходил вниз, а левый вверх, не рискуя, он предпочёл вернуться...

Выйдя в общий зал, Николай пошёл к проёму, в котором скрылся профессор, отсчитав третий проём от проёма с рюкзаком. Коридор, по которому шёл Николай, незаметно уводил влево, потом резко, крутыми ступенями пошёл вниз, но при этом другой рукав коридора уводил чуть левее и прямо вперёд, слегка огибая ступени. Николай опешил, оценивая ситуацию.

– Чёрт! Ну, ведь договорились же, повернуть назад, как только будет какая-нибудь развилка!!! – про себя чертыхнулся Николай, а вслух, негромко крикнул:

– Борис Яковлевич, Вы где... А-уу... Отзовитесь...

Сначала отозвалось только эхо, причём отозвалось оно сразу со всех сторон, но потом, прислушавшись, Николай услышал голоса. Нет, не голос, а именно голоса, и звучали они тоже со всех сторон.

– Я здесь... Зде с ь... Зд е с ь... Зд е с ь...

Ему показалось, что голос звучащий впереди был более выразительным, и он пошёл вперёд. Через несколько метров ситуация повторилась – один рукав коридора стал уводить чуть левее, а другой крутыми ступенями резко вниз. Николай опять позвал профессора. Снова ответило эхо, а через некоторое время множественный голос Борис Яковлевича отозвался – Я здесь... Зд е с ь... Николай вновь пошёл вперёд, обойдя проём со ступенями. Голос «Я здесь...» стал более явным. Вдруг впереди показалась дымка, такая же, как в общем зале. Николай стал медленно двигаться вперёд, осторожно идя на звук, как вдруг, коридор резко оборвался крутым откосом. Он замер прислушался и всмотрелся в полумрак, разглядеть, что там внизу, мешала дымка. Но слышались шаги и шуршание. Он снова крикнул:

– Профессор, это ВЫ?

– Да... А Вы где, Николай? – голос Бориса Яковлевича был вроде бы где-то рядом, но почему-то доносился откуда-то снизу. – У меня фэйер погас, сейчас я фонарик из рюкзака достану, подождите Николай. Сейчас... Сейчас...

Николай бросил вниз свой фэйер, который осветил большой зал. Сквозь пелену он разглядел профессора, копающегося в рюкзаке, но это было где-то внизу, примерно метра на три ниже того места где он стоял. Проанализировав ситуацию, и поняв, где он находится, Николай спрыгнул, сгруппировавшись. Как только он коснулся ногами пола, то резко кувырнулся вбок, как при приземлении с парашютом. Подобные кульбиты для него были в виде разминки. Брошенный им фэйер через мгновение погас, Николай поднялся, пытаясь приспособиться к темноте, но не успел, в лицо ему ударил мощный луч фонаря...

– Борис Яковлевич, опустите пожалуйста свой фонарик. – голос Николая был умеренно-раздражённым, потому, что он никак не мог понять, как профессор оказался внизу, а он наверху. – Мы же договаривались Борис Яковлевич, как только развилка какая, так сразу возвращаться. Если мы будем тут самодеятельностью заниматься, то останемся здесь навечно... Заметьте, я не шучу профессор... И пугать Вас не собираюсь... Но...

– Я сразу же и вернулся, как только ВЫ меня позвали... Всё как договаривались... Это Вы, батенька, как снег на голову, откуда-то сверху на меня упали, а не я... – профессор посветил фонариком вверх, откуда спрыгнул Николай...

– Блин... А как же вы мимо меня прошли-то...

И только тут до Николая дошло, что это он сам плутал в коридорах лабиринта, каким-то образом оказавшись на втором ярусе. Он ещё раз огляделся, взяв из рук профессора фонарик. Но, ни в одном из нижних проёмов не было видно рюкзака, который определял их выход из пещеры. Посветив на Бориса Яковлевича, стоявшего рядом с ним в центре зала, и держащего в руках этот самый рюкзак, Николай вздрогнул, а в Душе у него похолодело всё. Он, просто представил, как они будут тут плутать, в этих коридорах, так и не достигнув своей конечной цели, а сгинут здесь бездарно от голода и холода, из-за какого-то непродуманного шага, не сумев, как следует к нему подготовиться. Нет, он не винил профессора, он ругал только себя.

– Ну вот и всё... Полный Писец... Приплыли... – непроизвольно выругавшись, сквозь зубы процедил Николай.

В его голосе промелькнули нотки трагизма, не оставшиеся незамеченными его спутником.

– Коля вы о чём? – профессор был явно в замешательстве, но уловив на рюкзаке взгляд проводника, поспешил его успокоить.

– Не стоит так волноваться из-за этого пустяка. С рюкзаком всё в полном порядке... – Борис Яковлевич не успел договорить, так как Николай уже более смачно выругался, матеря себя за беспечность:

– Хорош блин пустячок... Мать твою... А как мы теперь узнаем откуда пришли?

– Да ни надо так расстраиваться Николай. Правда, всё в порядке, дайте мне мой фонарь, и пойдёмте отсюда, на сегодня впечатлений хватит, а то вижу вы совсем разнервничались, да и там ребята наверное уже волнуются, и желудок кушать просит... Всё, пошли... – профессор буквально вырвал из рук растерявшегося Николая фонарь, и уверенным шагом направился к левому от себя проёму. Заметив нерешительность проводника, он ещё раз его позвал за собой:

– Смелее, молодой человек, я же путешественник старый, ну в смысле с солидным стаже, не раз в одиночку плутал, так что научился уметь ориентироваться... Успокойтесь же, ну правда всё в полном порядке... – и дождавшись, когда Николай двинулся в его сторону, первым шагнул в проём, переступив через лежащий под его ногами погасший фэйер.

Только тут Николай всё понял, снова ругая себя, но уже мысленно, что плохо подумал о Борисе Яковлевиче. Профессор оказался гораздо опытнее, чем

подумал проводник. Он положил свой сгоревший фэйер у входа в пещеру, взамен взятого им рюкзака.

– Ну-у... Извините профессор, погорячился... – радостно выдохнул Николай, перешагивая через сгоревший фэйер, ставший путеводной звездой в этом мрачном лабиринте, где можно было сгинуть из-за какого-то пустяка...

Глава девятнадцатая

«Не раскрытая тайна озера»

Выйдя из пещеры, Николай раскинул широко руки, вдохнул всей грудью свежий воздух, и, подняв вверх глаза, стал наслаждаться голубизной бездонного неба. Собаки, виляя хвостами, тёрлись о его ноги, слегка повизгивая, таким образом, выражая радость по поводу возвращения своего хозяина. Николай, присев на корточки, потрепал им холки, тоже радуясь своему возвращению и поражаясь преданности животных.

– В следующий раз надо идти более подготовленными. – сказал Николай садясь рядом с профессором.

Борис Яковлевич сидел на ступенях, глядя вниз расщелины и думая о том, как тяжело будет ему спускаться. Немного передохнув, он встал, и, собравшись с Духом, сделал первый шаг вниз.

– Да-а... Спускаться будет тяжелее, чем подниматься. – тяжело вздохнув, сказал профессор, начиная медленно спускаться.

Оказавшись возле озера, Борис Яковлевич вновь присел на камень, который чуть выглядывал из воды, зачерпнув ладонью воду, он умылся. Во время спуска он три раза отдышал, но все равно дышал тяжело...

– Как же мало надо Человеку для Счастья, но как же много для простой жизни... – как бы в никуда, сказал Борис Яковлевич, устремив свой взгляд вдаль.

– Точно профессор, вы как всегда правы... После таких путешествий жизнь начинаешь ценить по особенному... Даже простой глоток свежего воздуха – уже огромное Счастье... – заметил в тон профессору Николай, глядя как тот задумавшись смотрит в глубину озера, видно оценивая сложившуюся ситуацию...

Солнце уже давно перевалило за полдень, медленно сползая за гору, из-за которой они только что вышли. Передохнув немного, после затяжного спуска, путешественники двинулись к лагерю...

Ещё задолго до подхода к косе, Николай унюхал запах костра и рыбной похлёбки, по другому назвать суп из рыбных консервов, у него не поворачивался язык. Ухой он называл только то, что было приготовлено из свежей рыбы, но в этом озере рыбы не было. И вообще, ничего живого он в этих

краях не заметил, даже каких-либо паучков-червячков, что само по себе, уже было очень странно, даже мошек ни каких не наблюдалось. С одной стороны это было хорошо, но с другой стороны, Мир здесь, как будто застыл, причём это фиксировали даже часы, по-прежнему не желавшие ходить, а компас превращался во вращающуюся рулетку.

Николай остановился на подходе к лагерю, поджидая Бориса Яковлевича, бросив взгляд на скалы, величественно возвышавшиеся на противоположном берегу, отливавшие бордовым цветом, в лучах заходящего солнца. В голове Николая пробежала сакральная мысль, услышанная от Михаила:

*«Действительно, Время не бежит и не течёт,
Оно стоит как скала в оковах Вечности.
Это мы проплываем мимо слишком быстро...».*

Именно так подумал Николай, глядя на эти величественные чёрные скалы, застывшие в безмолвии Веков, на фоне багряного заката, кровавым отблеском рассыпавшегося по глади воды...

Именно так подумал и Михаил, сидя на камне у берега озера, и глядя на багряные отблески заката, переливавшиеся всевозможными оттенками на складках Чёрных скал...

Юля уже давно приготовила ужин, сделав уху из рыбных консервов, но Михаил есть не хотел, а Вадик, хоть и был голодным, ждал возвращения Николая и Бориса Яковлевича, лишь пару раз попив чаю с сухарями. Юля сидела у очага, на табурете сделанного из чурбачка, и смотрела – то на Вадика, пьющего чай, то на Михаила, сидящего у берега и задумчиво смотрящего вдаль, то в сторону того места где он увидел Вертолёт, то туда, откуда должны были придти Николай с Профессором. С Вадимом было всё понятно, а вот Михаил Юлю пугал. Она его таким молчаливым, ещё ни разу, не видела, он почти целый день сидел на берегу без движения, всё высматривая что-то на противоположном берегу...

Юля успела за это время и ужин приготовить и искупаться, чай Вадику по второму разу заварить и налить, а Миша словно окаменел, не замечая её. Вдруг она услышала радостный лай собак, и повернув голову направо, увидела их самих, бегущих впереди хозяина к ней, как к самой близкой на свете. Понятное дело, видимо они были голодные не менее, чем их спутники. Юля так обрадовалась, что присев на корточки, стала целовать четвероногих друзей, прильнувших к её коленям, а те, в ответ, стали облизывать её лицо и руки...

– Юленька, ты мне так собак испортишь. – заметил Николай, подходя поближе, и косо посматривая на виляющих хвостами собак. – Они должны быть злыми, а не нежными как котята.

– Ничего страшного, зато теперь, если не покусают, так залижут до смерти! – пошутил Вадик, тоже радуясь приходу старших товарищей.

Подошедший следом Борис Яковлевич, жалостливым голосом произнёс долгожданные слова:

– Юленька, так кушать хочется, что переночевать негде.

– Простите... Но у меня сегодня опять только уха... То есть рыбный суп и чай с сухарями... – словно оправдываясь, пролепетала девушка. Она сначала хотела сказать Уха, но вовремя спохватилась, вспомнив, что Николай этого слова не любит, по отношению к консервам.

– Да хоть тюрю, лишь бы желудок унять, а то уже целые сутки голодные, в этом Потустороннем Мире... – перешёл на шуточный тон Борис Яковлевич. – А вообще, родненькая, из ваших рук, хоть яд, если конечно подадите с улыбкой.

Юля тут же расплылась в улыбке, наливая профессору в миску похлёбку из консервов, ей нравился игривый тон Бориса Яковлевича, таким жизнерадостным и шуточным, она его давно не видела. Вадик тоже протянул свою миску, с облегчением встретив возвращение старших товарищей. Налив ему и Николаю, Юля повернула голову к озеру и крикнула:

– Миша иди ужинать, Николай с Борисом Яковлевичем наконец-то вернулись!

Михаил вздрогнув, обернулся, потом встал с камня, и быстрым шагом пошёл к столу. Было видно, что он нервничает. Николай, кусая сухарь, краем глаза это заметил, тихо спросив:

– У Вас тут что-то случилось?

– В общем, скорее Нет, чем Да... Просто он на дне озера что-то увидел, вот теперь, не знаем как на это реагировать... – попыталась прокомментировала ситуацию Юля.

– Что-то, это Что? – так же негромко переспросил Николай, глядя уже прямо на Вадима.

– Да ВЕРТОЛЁТ! – поперхнувшись под пристальным взглядом Николая, ответил Вадик.

После таких слов, поперхнулись уже и Николай с Борисом Яковлевичем, долго пытаюсь откашляться. В это время, к столу подошёл Михаил, похлопав Бориса Яковлевича и Николая по спине.

– Что... Так проголодались, что еда не в то горло полезла? – спросил Михаил полушутя.

– Угу... – словно филин, выпучив глаза, ответил Вадик.

– Так Вы ещё и в два горла жрёте... И без меня? – теперь уже явно посмеиваясь над товарищами, выпалил Михаил.

– Какой такой ВЕРТОЛЁТ ты увидел и где? – откашлявшись, переспросил его Николай.

– Обыкновенный «МИ – 4», скорее всего, тот который пропал. Стоит себе преспокойненько на дне

озера, вон у той Скалы. – Михаил показал рукой в сторону противоположного берега, куда только что долго смотрел сам, стараясь запомнить место.

Все, непроизвольно, проследили за его рукой, впялив свои взгляды в противоположный берег, словно там действительно можно было увидеть Вертолёт...

– Что значит преспокойненько стоит? – после возникшей паузы, переспросил Борис Яковлевич.

– Ну, то есть, Ты хотел сказать Разбился? – в тон профессору, переспросил Николай.

– В том-то и дело что Нет, не Разбился, а преспокойно стоит себе, на дне озера, словно готовый к взлёту, там площадка, ровная такая, словно аэродром... – видя изумлённые глаза слушателей Михаил поспешил пояснить. – Я сначала сам изумился, далеко потому что было, да и под водой изображения искажаются, но потом, набрав побольше воздуха, нырнул поглубже... Правда еле вынырнул, сил не рассчитал... Сам себе с трудом верю... Вот сидел сейчас и думал, может правда Глюки.

Все молча смотрели на Михаила, переваривая его слова и пищу.

– Так, завтра надо будет проверить, что там за Вертолёт. – доедая суп, констатировал происшедшее Борис Яковлевич.

Юля сунула Михаилу миску с уже остывшей похлёбкой и сухарь, твёрдым голосом скомандовав:

– Давай садись и ешь.

Затем, показав кулак Николаю, добавила:

– И ты тоже ешь, а если не нравится моя стрепня, так и скажите, прямо и не виляя...

Мужчины, опустив головы, накинулись на еду, почувствовав с каждой съеденной ложкой, какие они голодные. Профессор попросил добавки, размачивая сухари в супе, а Вадим налил себе ещё чаю.

– Вкусно-о оо-очень... Просто потрясающе вкусно, и что бы мы без Вас Юленька делали, ума не приложу... – Борис Яковлевич нагло льстил, пока остальные набивали рты.

– Толи я такой голодный, толи правда, так вкусно, прям даже и не знаю? – поддержал профессора Николай.

А Михаил, вычерпав остатки из миски, встал, подошёл к Юле и, поцеловав её в щёку, тоже попросив добавки.

– Юля, ты самая лучшая на свете повариха. – сказал Вадик, допив чай, и добавил: – Давайте тарелки, я пойду их помою.

– Спасибо мальчики! – ответила Юля, расплывшись в улыбке. – Я так рада, что мы снова все вместе. А то мне что-то тревожно на Душе было, пока Вы гуляли и плавали...

Пужинав, а заодно и пообедав, и позавтракав, мужчины присели к костру для разговора, пока Юля убиралась и кормила собак, а Вадик отмывал посуду. Солнце уже почти село, лишь лёгкая малиновая дымка подсвечивала горизонт.

Огромная Луна выползала на небосклон, заливая светом пространство. Озеро стало титаново-серебристым. Было светло, как днём, но Николай, всё же, подбросил веток в огонь. Пламя мощными искрами взметнулось ввысь.

– Ну, а у Вас какие новости или находки, что Там интересного? – поинтересовался Михаил, взглядом показывая в сторону уходящего вдаль берега.

– События не такие интригующие как у тебя, но тоже с некоторым экстримом... – ответил Николай, рассказав Михаилу всё, что с ними случилось в лабиринте.

– Похоже, что завтра у нас будет интересный денёк? – заметил Николай, глядя в огонь.

– Как будем делиться на этот раз? – спросил Михаил.

– А никак не будем делиться, сначала Вертолётom займёмся, а потом видно будет. – прокомментировал завтрашние планы Борис Яковлевич, вставая. – Устал я что-то сегодня молодые люди, пойду прилягу.

– Конечно, конечно Борис Яковлевич... – почти одновременно отозвались мужчины.

– И попрошу Вас долго не засиживаться, предлагаю завтра встать совсем рано, чтоб по возможности успеть обследовать всё побережье. – уходя, добавил профессор. – Всем спокойной ночи.

Как только профессор ушёл, к костру подсели Юля с Вадиком, закончив каждый свои дела. Собаки тоже прилегли рядом, посматривая на хозяина, положив головы на передние лапы. В воздухе висела

уже привычная тишина, которую не хотелось нарушать. Николай снова подбросил веток в костёр, искры маленьким фейерверком вновь взметнулись к небу.

– Ребята, не хочу нагнетать обстановку, но у нас продуктов осталось на три дня, максимум... – как бы невзначай, сказала Юля.

– Будем экономить, как сегодня, или переходим на трёх разовое питание: Понедельник, Среда, Пятница, а в Воскресенье разгрузочный день. – попытался пошутить Михаил.

– Я серьёзно... – укоризненно посмотрела на Мишу Юля.

– Я всё понял, и молчу, а то в рожу получу... – снова попытался пошутить Михаил, и на этот раз его шутку никто не воспринял.

– В вертолёте сухой паёк должен быть... – серьёзным голосом сказал Николай, не обращая внимания на шутки Михаила. – Хотя, о чём это я, столько лет прошло...

– Ну, а мало ли, может консервы какие-нибудь сохранились? – поддержал идею Николая Вадик.

– Ладно, завтра будет день, завтра будет пища. Разберёмся, давай спать ложиться. Слышал, что профессор сказал? – обратился Николай к Вадику.

– Нет, а Что? – уже настороженно спросил Вадим.

– Встаём завтра рано, вот Что! – передразнил лаборанта Николай, несильно хлопнув его по плечу, предлагая встать, затем, подмигнув, тихо добавил. – Пошли, пошли, дай людям пообщаться.

Юля и Михаил остались у костра одни. Юля подсела к Михаилу поближе, а он обнял её за талию, плотнее придвигая к себе. Несколько минут они сидели молча, поглядывая на затухающий огонь.

– Миша, ты меня так больше не пугай... Я сегодня за тебя так сильно испугалась... – сказала Юля, прерывая тишину. – Я думала...

– Что? Что Того... Свихнулся... – перебил её Михаил, прижав к себе ещё сильнее. – Прости, что напугал тебя, просто, я сам был напуган. Я ведь чуть не захлебнулся, Вадик вовремя меня за руку подтащил... А я ведь, кажется, ему даже спасибо не сказал...

– Завтра скажешь... Я напомню... – положив свою голову ему на плечо, умиротворённым голосом сказала Юля.

– Знаешь, не хочу тебя опять пугать, но мне как-то не по себе, от этого Вертолёта. Я вот сидел и думал, там ведь люди были, и они куда-то делись, в машине их точно нет, я это чувствую, значит, они где-то должны быть. По крайней мере должны были хоть какие-то следы оставить, а здесь, как на необитаемом острове, даже рыб в озере нет, ну не странно, а... – Михаил говоря всё это, словно искал поддержки у этого юного хрупкого создания, осознавая, что она его понимает. Это тот единственный случай в его жизни, когда сидящая с ним рядом женщина его понимала, он был так ей за это благодарен...

– Да, пожалуй, лучшей жены мне не найти за всю Жизнь! – подумал Михаил, целуя Юлю в голову, и приносясь к запаху её волос, ставшему уже таким родным.

Глава двадцатая

«Другой Мир»

Встали, как и договаривались, рано. Правда, Вадика пришлось слишком долго будить, ну, а Юлю, решили опять не трогать. Уходя, Николай приказал собакам сторожить девушку. Стоял полумрак, нависший над лагерем густым сероватым туманом. Развели костёр, чтобы можно было ориентироваться в пространстве, потому, что дальше двух-трёх метров предметы расплывались, словно исчезая, таким густым был туман. Правда сделали это с трудом, так как мешала повышенная влажность. Подкачали поплотнее лодку и пошли к берегу. Туман над озером размыл все очертания, повиснув в воздухе желеобразной молочной пеленой. Хотя нет, скорее сам воздух превратился в какой-то матовый сгусток, словно его можно было взять в руки, но при первой же попытке это сделать, он проскальзывал сквозь пальцы, образуя, что-то в виде шлейфа, как от самолёта. Эта молочная дымка была настолько плотной, что казалось, будто вокруг вовсе не воздух, а желеобразная влага. Тот же

водянистый запах, та же лёгкость, только плотность чуть меньше, чем у воды, было ощущение, словно бы она испарялась, образуя огромное облако, накрывшее собой всё пространство вокруг озера.

– Словно находимся в центре облака. – заметил Вадик.

– А ведь точно подметил. Словно находимся в центре облака... – подумал Николай, сравнивая свои ощущения, с ощущениями прошлого, когда они прыгали с парашютом, с большой высоты, чтобы враг не засёк самолёт, который их десантировал, прикрываясь облаками.

– Что-то воды долго не видно. Мы вообще-то в том направлении идём, а то может, кругами ходим? – задал риторический вопрос Михаил, словно самому себе.

– Да и уклон больно большой, словно куда-то вниз спускаемся... Чёрт, ничего невидно... – споткнувшись, прошипел Николай.

– Такое впечатление, что вода отступила от берега, как на море, во время отлива. А идём правильно, костёр хоть и еле просматривается, но он горит сзади. – попытожил разговор Борис Яковлевич.

Камни были скользкими, и действительно приходилось спускаться куда-то вниз, словно вода отступила на сотню метров от берега. Скорее всего, так оно и было, потому, что до воды шли достаточно долго. Пелена потихоньку рассеивалась, но туман по-прежнему ограничивал видимость.

Подойдя к озеру, опустили на воду лодку, определяясь, кто поплывёт, ведь больше двух человек в ней помешалось с трудом.

– Так, предлагаю плыть Николаю и Михаилу. – сказал Борис Яковлевич. – Вот только куда плыть в такой туман, не знаю?

– Я придумал, как нам быть. – Рассудительным тоном сказал Николай, и, положив в лодку вёсла, направился обратно в лагерь, но отойдя пару метров от оставшихся, остановился. – Вадик идёшь со мной. А вы Борис Яковлевич достаньте из рюкзака фонарик, и как только услышите мой голос, посветите в сторону лагеря, чтобы мы могли сориентироваться, где вы находитесь.

Вернувшись в лагерь, Николай достал из своего рюкзака моток верёвки, мощный армейский фонарь, ракетницу с пачкой осветительных ракет и пару фэйеров. Потом, взял сумку из под продуктов, положил всё это туда и двинулся к берегу.

– Вадик, разожги костёр побольше, и потом иди к берегу, вдруг профессору помощь понадобится. – удаляясь, напутствовал лаборанта Николай, растворившись в тумане через несколько секунд...

– Профессор... – негромко крикнул Николай, отойдя от лагеря достаточно далеко, и спускаясь осторожно по мокрым камням.

Туман чуть заметно отступал. Где-то впереди ему ответили и показался луч фонаря. Подойдя к

ожидавшим его товарищам, Николай пояснил свои действия:

– Вадик костёр сейчас запалит поярче и вернётся. А мы верёвку к лодке привяжем, она хоть и не очень толстая, зато прочная и длинная. Мы с Мишей отплываем, освещая путь осветительными ракетами, но как только решим вернуться, я пущу красную ракету. А вы Борис Яковлевич, с Вадиком, будете помогать нам, подтягивая верёвку, и подсвечивая нам берег. – сказал Николай, протягивая профессору файер, и привязывая к лодке верёвку.

Плыли медленно, стараясь держать направление, глядя на костёр, большим факелом пылающий вдалеке. Туман отступил ещё немного, прямая видимость уже была метров десять.

При вспышке ракеты, пушенной Михаилом в предполагаемую сторону движения, можно было что-то разглядеть и на все тридцать метров, хотя и размыто. Вскоре костёр стал напоминать тусклую звёздочку на хмуром небе. Михаил пустил ещё одну осветительную ракету, смутно различая выступы скал, замаячившие впереди.

– Кажется, подплываем, скалы впереди темнеют, возьми чуть правее и гребь потише. – сказал Михаил, достав из сумки Николая фонарик.

Лодка плавно скользила по воде, оставляя после себя слабую рябь. Михаил светил фонариком на скалы, стараясь определить их местоположение.

Сидя вчера, у озера, он старался запомнить противоположный берег, вглядываясь в каждый выступ,

но сегодня, в тумане, определить что-то путное было тяжело. Луч фонаря тонул в густой пелене.

Они подплыли к противоположному берегу уже совсем близко. Сквозь молочную дымку тумана просвечивались лишь чёрные камни. Николай оставил вёсла, взяв из рук Михаила ракетницу. Он стрельнул вдоль берега, на небольшой высоте, стараясь осветить поверхность воды. Падая в воду, ракета осветила прибрежное плато, отбросив причудливую тень на скалы, и погасла, упав на дно.

– Ого-го... Что-то новенькое, этого плато вчера здесь точно не было, или мы заплыли куда-то не туда, или... – удивлённо заметил Михаил, снова пытаясь подсветить фонарём.

– А я уже ко всему готов, и думаю, что уже вряд ли чему удивлюсь в этом гиблом месте. Хотя нет, пожалуй, удивлюсь, правда, только одному приятному обстоятельству – что мы все отсюда выберемся... – ехидно сказал Николай, медленно гребя вёслами и плывя вдоль берега на расстоянии видимости.

– Согласен, здесь сплошная чертовщина вокруг, всё словно заколдовано, а скалы напоминают оплавленные стены гигантского готического замка... – Михаил посветил на воду, силясь, что-либо усидеть сквозь её толщу.

Туман всё больше рассеивался, оголяя чёрный берег озера. Влажность была такая, что их куртки промокли. Они подплыли к тому плато, что увидели при свете ракетницы. Михаил посветил чуть выше над водой и обомлел...

Огромная страшная крылатая тень высветилась на скале в свете мощного луча фонаря. Эта полуразмытая фигура напоминала монстра, из страшных сказок про драконов. Расплывшиеся в мутной пелене контуры придавали увиденному ещё больший трепет и благоговение...

Михаил ткнул локтем в бок сидящего к нему спиной Николая, тот опустил вёсла, обернулся, и тоже застыл в изумлении. Хоть он и был уже готов ко многому, но увиденное все равно стало для него неожиданностью, впрочем, неожиданность была для обоих. На огромной гранитной площадке, представлявшей собой ровную плиту, слегка возвышавшуюся над водой, стоял ВЕРТОЛЁТ...

Михаил с Николаем несколько минут любовались этой чудо машиной, являвшейся для них, в этом мрачном месте, олицетворением цивилизации, от которой они уже успели отвыкнуть. В молочной пелене, и на фоне чёрных скал, «Ми – 4» смотрелся потрясающе, слегка напоминая мистическую птицу.

Лодку плавно прибило к уступу. Михаил выпрыгнул, по-прежнему не сводя глаз с Вертолёта. Следом выпрыгнул и Николай, вытащив лодку на плато.

– Чертовщина какая-то. Он же был под водой, при этом довольно глубоко, я еле донырнул... – недоумённо бормотал Михаил. – Чертовщина, точно Чертовщина.

– Хватит Чёрта поминать. Вода по каким-то причинам отступила, вот он и выплыл... Мы же вон как долго к воде шли... И правда как новенький... Непостижимо... Он же несколько лет простоял в воде, и не пятнышка ржавчины... Непостижимо... – в свою очередь изумлялся увиденному Николай.

Осмотрев Вертолёт со всех сторон, Николай открыл дверцу, та с лёгкостью поддалась. Он заглянул вовнутрь, там было пусто, следов аварии, а уж тем более катастрофы не наблюдалось. Николай очень быстро нашёл контейнер с продуктами, заглянув именно туда, куда надо, так как, прекрасно знал конструкцию этого самолёта. Контейнер оказался нетронутым, помимо продуктов, он нашёл верёвку и несколько «сигналок. Переложив всё это в свою сумку, отнёс её в лодку. Вернувшись, он попытался включить питание Вертолёта, но приборы были на нуле.

– Странно, что люди не взяли с собой ни продукты, ни сигнальные ракеты, ни верёвку. Словно просто вышли на минутку... – подумал Николай, внимательнее осматривая машину.

У него создавалось такое странное впечатление, словно люди приземлились здесь самостоятельно, и совсем даже недавно, и как будто, должны сейчас вернуться.

– И вправду, Чертовщина какая-то... Даже глазам не верить... – вновь подумал Николай, вспоминая недавние причитания Михаила...

Отставив в сторону свои умозаключения, Николай выглянул из Вертолѐта, вспомнив про Михаила, который куда-то вдруг пропал, пока он копался в крылатой машине. Возле Вертолѐта его не было. Николай спрыгнул на плиту, под ногами захлюпала вода, он посмотрел на лодку, та медленно дрейфовала у края берега. Уровень воды в озере опять поднимался. Пока Николай изучал содержимое Вертолѐта, Михаил направился вглубь плато, осмотреть окрестности. В самом конце, между двух расщелин, он заметил пещеру, зияющую чёрной пустотой в пелене рассеивающегося тумана.

– Может люди там, в пещере... – подумал Михаил.

Не успев дойти до неё, он услышал окрик Николая, и обернулся, увидев товарища, размахивающего ракетницей. Подтянув к себе лодку, Николай достал из сумки ракетницу и зарядил красную ракету.

Осмотревшись по сторонам, он заметил в центре плато Михаила. Николай окрикнул его, тот обернулся, и вдруг из-за выступа скалы, позади Михаила, появилась огромная тёмная фигура, широкими шагами приближающаяся к его другу...

Михаил помахал Николаю в ответ, собираясь тому что-то ответить, но его вдруг пробил страх, тупой звериный страх, пробежавший мурашками по спине. Он повернулся в сторону пещеры и оцепенел. К нему шло огромное мохнатое существо, с горящими

глазами. Из оцепенения Михаила вывела вспышка красной ракеты, у них над головами. Существо зажмурилось, прикрывая лицо руками. Воспользовавшись паузой, Михаил со всех ног, не оглядываясь, рванул к лодке, которая уже отчаливала. Прыгая в воду, он уцепился руками за верёвку, привязанную к борту лодки. Николай налегал на вёсла изо всех сил, а на другом конце озера, Вадим с Борисом Яковлевичем тянули её так сильно, как могли, помогая Николаю...

Туман над озером плавно рассеивался, а уровень воды в нём поднимался, так что тянущим верёвку приходилось постоянно отступать, всё выше и дальше. Файер был уже не нужен, берег было видно и без осветительных приспособлений. Назад путешественники доплыли гораздо быстрее чем вперёд...

Подплыв к берегу, Николай выпрыгнул из лодки, стремясь побыстрее поднять Михаила, который всё это время, что они плыли, был в воде, держась за спасительную верёвку. Поднять-то он его поднял, но вот оторвать его руки от верёвки оказалось делом сложным. Пришлось применить силу. Николай ударил Михаила кулаком в пах, после чего, тот отпустив лодку, согнулся и стал держаться за живот. Удар был не сильным, но выверенным. Через пару минут Михаил уже стал отходить от шока, постепенно приходя в себя и морально и физически...

– Что это было??? – Михаил смотрел на свои покрасневшие руки, явно пытаясь осмыслить всё произошедшее, но что-то мешало ему сосредоточиться, а внутри его головы мысли никак не состыковывались.

– Извини... Как-то ведь надо было тебя от лодки оторвать, ну вот я и... – оправдываясь пробормотал Николай, сматывая верёвку. – Что, слишком больно ударил?

– Я не про ЭТО... Я про ТО... – пояснил Михаил, показывая рукой в сторону воды. – Что ЭТО было у Вертолёта... Позади меня... Что это за мохнатый монстр ко мне шёл... Я так испугался, что готов был зубами за верёвку схватиться...

– Что у вас там опять произошло? – вступил в разговор Борис Яковлевич.

– Спасибо Вадик... – стараясь сменить тему и прийти в себя, сказал Михаил, обращаясь к лаборанту.

– За что ??? – непонимающими глазами заморгал лаборант.

– За вчерашнее разумеется. Если бы не ты, то Сегодня, уже для меня, не было бы вовсе. – более спокойно сказал Михаил, снова, вопросительно посмотрев на Николая.

– Пожалуйста. – растерянно промямлил Вадим, тоже посмотрев вопросительно на Николая.

– Ну и? Мне кто-нибудь объяснит что произошло? – тоже посмотрев на Николая, возмутился Борис Яковлевич.

– А что вы все на меня опять вылупились? Я вам Бабка-гадалка что ли, откуда я знаю, что вообще здесь происходит? – вскипел Николай, который тоже находился в замешательстве. – Это вы учёные, вы мне и объясните весь этот Цирк вокруг... Для меня всё это... – Николай развёл руками вокруг себя. – Какой-то «Другой Мир», и я к этому Миру не имею ни какого отношения. Я вам с самого начала говорил, что лучше так далеко не соваться... Ну всё, хватит сопли жевать... Предлагаю пройти в лагерь и во всём разобраться за бутылкой Водки. Чую, без неё родимой, тут никак...

– Это точно... Без бутылки тут не разобраться... Крыша съедет капитально, если не снесут... – сделал своё заключение Михаил...

Все сидели у костра, поставив на очаг чайник, в ожидании, когда он вскипит. Юлия ещё спала, и её было решено не будить, чтобы не пугать. Хоть туман слегка и отступил, видимость по-прежнему была ограниченной. Борис Яковлевич не торопил ребят с расспросами, понимая ответственность момента. Вадима же просто распирало от любопытства, но он тоже помалкивал, лишь зыркая глазами, то на Николая, то на Михаила. Николай открывал бутылку Водки, а Михаил вскрывал добытые консервы. Разлив спиртное по кружкам Николай сказал тост:

– Так Мужики... Предлагаю выпить за Нас... Ну-у... Чтоб мы смогли отсюда выбраться...

Он залпом выпил налитые себе пол кружки Водки, даже не помухортившись, лишь резко выдохнув, после небольшой паузы, и занюхал сухарём. Михаил выпил следом, кивнув головой, в знак согласия с тостом товарища. Лишь профессор и лаборант смотрели на происходящее с тоской и непониманием, явно находясь в некотором замешательстве.

– Ну что замерли, пейте, или вам тост не нравится? – закусывая тушенкой, спросил Михаил.

Борис Яковлевич и Вадик, молча, и не сговариваясь, выпили одновременно, и тоже до дна, правда Николай им налил чуть меньше, чем себе и Михаилу. Вадик, как всегда закашлялся, перехватывая из рук Николая кружку с водой и банку с тушённой.

– Так, начну без предисловий... – сказал Николай, осматривая присутствующих.

– Дело Дрянё... Походу мы действительно попали в «Другой Мир»... Косвенные улики перечислять не буду, они и так на виду... Одну из этих улик Вадик как раз доедает... – ткнув пальцем в банку тушёнки, подметил Николай.

– А если уж совсем серьёзно, то начну с основных и неопровержимых улик – Вертолёт... Он действительно существует, и стоит на той стороне как новенький, и даже тушёнка из лётного «НЗ» очень даже съедобная... Вон как Вадик её уминает... Более того, Озеро, по каким-то непонятным причинам, отступило, оголив плато на котором мы этот самый Вертолёт и нашли... И ещё, людей в Вертолёте нет,

они как будто на пару минут вышли, хотя тот пропал несколько лет тому назад. Как сказал Михаил – «Чертовщина», и я с этим термином согласен... И ещё одно, но уже более настораживающее, мы здесь не одни...

– Что значит не одни? – переспросил Вадик.

– А то и значит – что не ОДНИ... – повторил слова Николая Михаил. – Меня, у Вертолёта, чуть было какая-то огромная Тварь не сцапала. Большая мохнатая Тварь, с красными светящимися глазами, и умеет она плавать или нет, я не знаю.

– Ну, если б умела, уже приплыла бы. – спокойно вступил в разговор Борис Яковлевич. – А что касемо «Другого Мира», то я даже спорить не стану, только вот понять свои ощущения от этого всего «Другого» я никак не могу... Скажем так, я ожидал чего-то более «ИНОГО», что ли... А всё выглядит вроде как и обычно, а вроде и необычно... Да и время здесь словно остановилось... Заметили – даже щетина не растёт, хоть мы брились несколько дней назад...

– Я так думаю, что ЭТО нечто ИНОЕ, не заставит себя долго ждать, поэтому, предлагаю как-то подготовиться. – добавил Николай, сам не представляя, как быть, и чего ожидать от наступающего дня, который уже и так напитал их событиями... Надо ещё раз всё переосмыслить и быть более внимательными к мелочам... А что нам по этому поводу добавит профессор...

Борис Яковлевич задумался, не зная с чего начать, так много в его голове роилось мыслей...

– Вселенскому определению Времени у нас пока что нет точного объяснения, Время абстрактно в своём движении... Имея, как бы, разные Коридоры... Где-то, в этих Коридорах, Время летит – как пуля, где-то, как поезд, а где-то, останавливается, как здесь, у этого Чёрного Озера... Но... В определённых местах, Коридоры Времени, как и Коридоры Пространства – Пересекаются! Открывая избранным свои врата... – Борис Яковлевич сделал паузу, стараясь сосредоточиться на том, что он считал главным, чувствуя на себе ответственность момента.

– Был такой интересный Человек – Николай Рерих, который очень долго прожил в Индии, я хочу вам рассказать одну из записанных им древних легенд. – продолжил профессор. – Существует Беспредельность Прошлого, так же, как и существует Беспредельность Будущего... Но Мы этого не ощущаем, так как живём в Настоящем – имея способность оценить лишь то, что Есть Здесь и Сейчас, как что-то Реальное, Разумное и Рациональное... Прошлое для нас – Миф, Легенда... А Будущее – непостижимое стремление Быть! Однако, эти точки Бытия могут между собой пересекаться и даже меняться местами... и я так думаю, что МЫ находимся как раз в такой точке... Где есть и Коридоры Времени и Изменение Пространства... – тут профессор замолчал, понимая что хотел сказать что-то другое...

– Вернёмся к Индо-Арийской легенде, записанной Рерихом... Когда-то очень давно, на Заре Человечества, на нашу Землю пришли Высокие Духи... Эти Божественные Существа пришли, чтобы ускорить эволюцию планеты. Вместе с ними пришёл на нашу планету и Люцифер, который так же участвовал в пробуждении в Человеке высших способностей. Он тоже вначале был Светодателем и по Космическому праву был истинным хозяином нашей Земли – «Князем Мира Сего»! Но Люцифер не был Высшим среди своих Собратьев. Когда ему пришлось облечься в земные плотные оболочки, дух его не удержался на прежней высоте. В беспредельном совершенствовании не исчезает ни одно человеческое чувство. Наоборот, все чувства растут беспредельно. Они или преображаются в высшие восприятия – в Добро, или же утончаются – во Зло. Когда Люцифер достиг сознания своего потенциала неограниченной мощи и нерушимости; когда он овладел многими космическими тайнами и силами; когда он почувствовал, что может стать создателем того или иного мира; когда он увидел невежественность масс, окружавших его – тогда нужна была огромная сила сердца, чтобы удержаться от многих соблазнов. И прежде всего – от гордыни Духа... А Люцифер не обладал всеми совершенствами: Он не смог побороть в себе чувства гордыни и ревности к другим Светлым Духам. Когда человеческое естество в нём взяло перевес над Божественным, он возревновал. Он начал губительную борьбу против Великих Собратьев. Отход Люцифера от Пути Света

наметился уже во времена Лемурии. Его восстание зародилось в конце Третьей Расы. Падение Люцифера началось с первых времен Атлантиды, а его окончательное падение совершилось в Четвертой Расе. Во всех последующих веках он явился ярким противником своих Великих Собратьев. Великая битва в Четвертой Расе между Сынами Света и Князем Тьмы упоминается во всех древних традициях. Она окончилась победою Первых и гибелью Атлантиды. Индо-Арийские сказания увековечили князя тьмы во многих Образах. Наиболее известный среди них – облик царя Раванны с острова Шри-Ланки (Цейлон). Он показан противником богоподобного царя Рамы (героя эпической поэмы Махабхарата) и похитителем его жены Ситы. В чём же было восстание Люцифера? Став хозяином Земли, он задумал вести развитие Человечества своим особым путем. Он пошёл против закона эволюции или Воли Космоса. Он не пожелал сотрудничать с другими планетами. Он захотел остаться в пределах Земли. Так создалась эта психология обособленности! Так в каждом крупном феодале имеется пример случившегося. Кроме того, зерно Духа Люцифера в потенциале своём заключало все тождественные энергии, заложенные в ядре нашей планеты. И этот факт был для него роковым, ибо тем самым он был особенно привязан к Земле... Восстание Люцифера и проведение им плана обособления Земли вызвало сопротивление Белого Братства. Оно оказало противодействие Люциферу и всё время выправляло курс корабля нашей планеты. Восстание Люцифера

дало Миру Христа. Восстание Люцифера вызвало появление других Великих Учителей до Христа и после Него. В то время, когда Люцифер превозносит Свет одной лишь Земли, Христос указывает на красоту всего Мироздания. Христос показал преимущество движения за пределы Земли. Христос говорил: Могу переночевать на прекрасной Земле, чтоб продолжить путь. Итак, один восхитился только материей, другой же идёт к мирам возможностей Света. Люцифер предпочёл оградиться от соседей, а Великие Белые Братья строят вечное движение. Они говорят – «К чему одна Земля, когда суждены все миры». Они создают правильный путь человечества, когда широким сотрудничеством с дальними мирами будет заложен настоящий обмен знаниями. Но при единстве Бытия, при законе взаимобмена, всякая обособленность приводит лишь к отмиранию или полной смерти. Потому Люцифер мог только затруднить, но прервать поток жизни он не мог. Все это задержало развитие земного Человечества. А происходящая всё время борьба между Силами Света и восставшим Люцифером создала опасное положение для Земли и её обитателей... – Профессор замолчал, осмотрев внимательно всех своих товарищей, стараясь понять насколько те понимают то, что он говорит, и не получив никаких возражений и вопросов, продолжил своё повествование, как бы дополняя легенду Рериха своими словами:

– Существует заблуждение, что Тёмные Силы являются антитезой Светлым и потому Неизбежны, но

это ошибочное мнение. Тьма, являющаяся антитезой Свету – ничто иное как непроявленный Хаос! А Непроявленный Хаос является противоположной полярностью Творческого Вселенского Начала. Непроявленный Хаос действует во всём Космосе, тогда как Люцифер существует только на нашей планете. Его проявление – чисто местное проявление, и влияние его не распространяется дальше низших сфер нашей планеты. Существующее на Земле особое положение есть временное явление и не есть непреложный закон Природы Бытия. Законы развития Жизни не предусматривают существования в Космосе сознательной Злой Силы, которая противодействовала бы Благим Творческим Силам. Все усилия Творческих Сил Космоса всегда направлены на одоление Хаоса, на приведение его в гармоничное состояние. Эта вечная борьба Хаоса с Космосом есть вечная борьба Света с Тьмою... Тёмные Силы свели одоление необузданных стихий к эгоизму повстанцев и начали вызывать Хаос, вместо претворения его в рабочую силу, способствующую творческому и духовному развитию. Они стали возводить в Высший ранг лишь низменные чувства, возбуждая в людях эгоизм личности в ущерб общественному благополучию, убивая в Человеке стремление к Светлому. Преступление это велико, и нельзя считать антитезой желание потушить Свет. Творческое одоление Хаоса или «Силы Дракона» есть постоянный подвиг Светлой Личности. Но битва с Тёмными есть лишь судорога, затрудняющая движение к Духовному совершенствованию. Тьма Хаоса

представляет средство для мысленного творчества, но поединок с иерархией Тёмных Сил есть лишь пропущенный срок, так нужный для созидания. Мало того, Тёмные постоянно вызывают мощные стихии, не зная, конечно, управления ими. Не сами Тёмные опасны, но силы, вызываемые ими... Запомните – там, где великая Тьма, там свирепый враг, ищущий погибели Света, но забывший, что без Света он не может существовать... Главным фактором воздействия Тёмных Сил на Человечество есть Сила Мысли. Будучи существами Тонкого Мира, Тёмные воздействуют на тонкую природу Человека. Видя нашу Ауру и читая наши Мысли, они усиливают наше отрицательное мышление. На низших ступенях своего развития человек может быть пойман в сети Тёмных Сил низшими свойствами своей природы, таких как пьянство, зависть, корыстолюбие, чревоугодие и другие. На более высших ступенях его ловят на тщеславии, на гордости, на признании своей непогрешимости и т. д. Тёмные очень любят большие интеллекты, развившиеся за счёт сердца, ибо через них можно особенно тонко действовать. Чёрное братство распространяет учение всех позорных свойств. Никто из Учителей не завещал человеку самость и корысть. Не от Света родились эти ехидны религий. Силы разложения очень подвижны, они являют разложением, скверной, заразой и отступлением ото всего прекрасного. Питаясь нашими Мыслеобразами, служители Тьмы, как бесчисленные когти, впиваются в наше сознание, воздействуя на самые уязвимые места!

– Борис Яковлевич замолчал, всматриваясь в лица тех, с кем он разделил свою судьбу, быть может на остаток своих дней, ища в них понимания...

Сидящие у костра мужчины, молчали, находясь каждый в себе, под впечатлением сказанных профессором слов, стараясь их переосмыслить в более усваиваемой форме, пропустив через своё видение изложенного... И понимая сказанное, каждый по своему...

– Так вот, к чему я всё это вам рассказал???

Не получив никакого ответного вопроса на свой вопрос, Борис Яковлевич продолжил свою мысль:

– Да к тому, чтобы в любой сложившейся ситуации, каждый из нас оставался Человеком Света, осознав, что ЭТОТ МИР наполнен Тьмой, с которой МЫ каждый день ведём Борьбу, одним лишь только своим Духом, ведя тот или иной образ Жизни... И если наши помыслы и действия направлены на Общее Благо, как желание достичь чего-то Светлого, то нам нестрашны никакие Силы Тьмы... И наш Путь будет пройден с честью, подсвеченный нашей же Совестью... Которая и является тем Лучиком Света, что освещает нам Путь к Истине.

Все по прежнему молчали, понимая важность темы, и думая над тем, какую роль в этой жизни играют ОНИ... Каждый в отдельности... Ибо только в глубине своей Души Человек может дать себе ответ – Кто Он? Светлая Личность или Тварь предержажая.

– Да-ааа... Тема пожалуй очень даже серьёзная... И своевременно затронутая... – констатировал, как бы за всех Николай. – Осталось только надеяться, что МЫ окажемся Сильными Духом и преодолеем все те козни, что нам приготовили Тёмные Силы.

– Я в этом даже и не сомневаюсь... Иначе и не стал бы Вам всё это говорить... И уж тем более не отправился бы с вами в это интересное, но очень опасное предприятие... Наше дело Правое! Победа будет за Нами!!! – достаточно серьёзно и даже нарочито строго сказал Борис Яковлевич, ещё раз внимательно всмотревшись в лица своих товарищей, в коих не заметил ни капли страха или неуверенности...

Глава двадцать первая.

«Золотая Баба»

Юля, проснувшись, встала, потянулась и сделала лёгкую зарядку. Запах дыма приятно ударял в нос, это значило, что мужчины уже сами готовят себе завтрак. Она побежала к воде, чтобы умыться, но ей пришлось идти дальше обычного, вода явно отступила от берега. После водных процедур Юля побежала к костру, в лёгкой дымке тумана еле различая силуэты мужчин, сидящих у очага.

– Ой, мальчики, а вода в озере куда-то делась? Ой, какие вы молодцы, чайник вскипятили, завтрак сделали. А по какому поводу пьём с утра? У нас какой-то праздник? Я чего-то проспала? А тушёнка откуда? – Юлино удивление было чрезвычайно искренним.

– Из Вертолёта. – Ответил, чавкая от удовольствия Вадик, при этом выковыривая остатки мяса из банки.

– Вы уже и туда смотались, вот молодцы! А не знаете, почему вода ушла?

Николай, не давая Юле сказать что-то ещё, протянул ей кружку чая с печеньями. Та, увидав печенье, просто расцвела, как ребёнок в Новый год перед Дедом морозом, осталось только стишок рассказать.

– И так, продолжим. Какие будут предложения? – с отрешённым спокойствием сказал Николай, разливая всем чай.

– Предлагаю занять круговую оборону, разведя по периметру костры, думаю, на ночь дров нам хватит. – высказал своё мнение Михаил, сам понимая глупость этого плана.

– От кого мы собираемся защищаться? – спросила Юля, с наслаждением кусая печенье.

– Сами не знаем Юленька, но осторожность не помешает. – Борис Яковлевич был озадачен не менее остальных, он то, меньше всех представлял степень опасности, ведомый лишь жаждой открытий.

– Я думаю, Миша преувеличивает степень возникшей опасности, но по любому стоит лучше осмотреть прилегающую территорию. А к вечеру будет видно, что делать, однако костры не помешают. – подытожил Николай.

– Я, чур, останусь дрова заготовливать! – давясь набранным в рот чаем, выпалил Вадим.

– Хорошо, Вадим занимается дровами, Юленька готовит ужин, а оставшиеся идут осматривать лес и ущелье. Вперёд за дело. – сказал решительно Борис Яковлевич.

– Предлагаю нам разделиться. – высказал своё видение ситуации Николай. – Я пойду в ущелье, за одно и лошадей посмотрю, как они там пасутся, а вы профессор с Михаилом, осмотрите лес и предгорье. Всем вооружиться и быть внимательными.

На том и порешили. Собакам Николай снова приказал остаться охранять Юлю. Те были этому рады, уже привыкнув к этой несложной миссии. По берегу озера сначала шли вместе, но потом у ручья разделились, Борис Яковлевич и Михаил свернули налево, вглубь бора, а Николай, набрав в ручье студёной водицы во флягу, перешёл через него, и стал подниматься вверх по ущелью. Дойдя до «смотровой площадки», он попытался ещё раз осмотреть озеро с высоты, но пелена нависшего облака мешала это сделать. Туман, по-прежнему, висел над озером густым студнем, не давая пробиться лучам солнца...

Лошади мирно паслись в ущелье у скалы, через которую они сюда прошли, пощипывая редкую траву и кустарник. Приходу Николая они были явно рады. Он осмотрел каждую из них, теребя гриву и говоря ласковые слова, после чего, присел на камень, чтобы передохнуть и немного подумать...

– Так, надо поискать выход. Раз есть вход, то должен быть и выход из этого «Заколдованного мешка». – думал Николай шаря глазами по окрестным уступам и камням.

Передохнув немного, он подошёл к скале, сквозь которую они сюда попали. Непроступная стена всем своим видом говорила, что назад пути нет, и если бы он не знал, что они попали сюда именно в этом месте, то глядя на окружающий ландшафт подумал бы, что это тупик. Хотя, что тут думать, это и вправду был тупик, потому, что никаких камней с надписями или отпечатками рук вокруг Николая не было, как он не старался разглядеть. Лишь мирно фыркающие лошади нарушали тишину. Коля сделал несколько глотков из фляги, затем плеснул немного влаги себе на голову и на лицо.

– Бр-ррр, какая холодная... Да-а, попали в ловушку, как мыши...

– Ловушка... Ловушка... – повторилось само собою в голове Николая, при этом, он продолжал внимательно осматривать скалистые уступы ущелья.

Не увидев ничего стоящего, Николай повернул в сторону Озера. Ему в лицо ударили лучи яркого

солнца, а чуть ниже, по склону, перед его ногами расстился матовый ковёр пелены, укрывающий собой озеро. Было впечатление, что он стоит на вершине Мира, а у его ног сплошное полотно из облаков, укрывающее матушку Землю.

На какое-то мгновение Николай даже почувствовал себя немного Богом, способным вершить Человеческие судьбы. Но эйфория этой мысли, улетучилась так же быстро, как и пришла. Вдруг, внизу прогремел выстрел, разнёсшийся по всей округе многократным эхом.

Николай слегка оторопел, прибывая в оцепенении, но потом, понимая, что что-то произошло, прицепил к ремню фляжку, и, схватив прислонённый к камню карабин, рванул вниз по склону...

Добежав до ручья, Николай остановился и прислушался. Справа, в той стороне, куда пошли Михаил и Борис Яковлевич, послышались голоса. Николай побежал вдоль ручья на этот шум, внимательно всматриваясь в кусты и деревья. Как только звук голосов стал более отчётливым, Николай стал сбавлять темп, стараясь повнимательнее осмотреться, проявляя осторожность.

Сквозь густой кустарник и деревья, Николай разглядел Частокол, сделанный явно руками человека, а за ним голоса своих товарищей, которые что-то эмоционально обсуждали. Пройдя вдоль ручья, и миновав Частокол, Николай очутился на большой поляне, которая являлась древним языческим Капищем,

у Николая в этом даже не было сомнений. Посередине Капища, на возвышении, стоял Каменный Идол... Нет, если быть более точным, то сидела обнажённая каменная женщина, державшая на коленях ребёнка...

Поодаль, стояли Борис Яковлевич и Михаил, при этом Михаил держал в руках какие-то украшения и монеты (как оказалось золотые), а Борис Яковлевич настоятельно убеждал его ничего не трогать.

– Что за шум, а драки нет, дорогие Товарищи. Что, клад нашли, а поделить не можете? – шутивным тоном поинтересовался Николай, продолжая осматриваться.

Позади идола-женщины стояли два других истукана, поменьше и со светящимися глазами, и длинными руками, древний скульптор явно старался изобразить их мохнатыми. У ног женщины стоял большой серебряный поднос, с различными монетами и украшениями, а на руке ребёнка Николай заметил часы. Проводник от изумления протёр глаза и ещё раз присмотрелся – часы, «Командирские часы». Николай начал быстро соображать, пытаясь осознать всё увиденное и сделать правильные выводы, подумав:

– Скорее всего, это и есть та самая «Золотая Баба», а за её спиной, наверное, «Куля» и «Тунгу»... Но вот часы...

– Михаил, я требую, чтобы Вы положили всё обратно. Николай, хоть Вы поддержите меня, Вы же

здравомыслящий человек. – говорил Борис Яковлевич, обращаясь, то к Михаилу, то к Николаю.

Николай его не слушал, он как замороженный шёл к «Золотой Бабе», не сводя глаз с «Командирских часов». В его голове билась всего одна мысль:

– Часы... Время... За этим что-то кроется... Не зря они на руке ребёнка, это как-то связано с нашим пребыванием здесь, но как... И откуда они здесь взялись, эти современные «Командирские часы»???

Думая об этом, Николай подошёл к Идолу, и снял с руки ребёнка часы. Они стояли, время на циферблате показывало – 11:57...

Николай их завёл, тряхнул, но они продолжали стоять, как и его собственные часы, как и часы Михаила. Даже в его сознании время будто бы остановилось, лишь фантомное тиканье в ушах, и пульсирование крови в висках, говорило о том, что время по-прежнему неудержимо идёт, отсчитывая свой ход жизни. Из оцепенения Николая вывел Михаил, который уступив требованиям Бориса Яковлевича, вернул к ногам идола всё то, что взял, и, вырвав из его рук часы, стал их разглядывать.

– «Иванову Сергею Ивановичу в честь 20-летия безупречной службы в рядах Советской авиации» – прочитал Михаил надпись на тыльной стороне часов.

– Часы тоже оставить? – спросил Михаил Бориса Яковлевича.

– Часы тоже? – твёрдым голосом приказал профессор. – Не нами положено, не нам и брать.

– Часы, скорее всего вертолётчиков... – уверенно сказал Николай.

– Почему ты так уверен, может чьи-то ещё, сам ведь говорил, что здесь народа пропало уйма? – поинтересовался Михаил, надевая часы обратно на руку каменного ребёнка, сидящего на коленях у Идола.

– В вертолёте на часах, было зафиксировано тоже самое время, что и на этих. Значит, часы и вертолёт попали сюда одновременно. К тому же надпись на них говорит сама за себя. А тот, кто сделал подношение Идолу, либо снял часы с живого лётчика, либо с мёртвого, и возможно, что это был тот, кто чуть было не сцапал Михаила. Но это точно не Кузя, я бы почувствовал. – Николай говорил спокойно и уверенно, словно пытаюсь убедить самого себя в отсутствии какой-либо опасности, существующей на этом клочке Земли, затерянном, не только в Пространстве, но и, как выясняется, во Времени.

– А вы не рассматриваете такую версию, что лётчик сам сделал подношение, прося у Идола отпустить его отсюда? – задал вопрос Николаю профессор. – Возможно... А Идол указал попавшим сюда людям путь в коридоре времени, по которому они и ушли, только вот непонятно куда тут можно уйти.

– Да отсюда можно уйти куда угодно... Или остаться здесь навсегда... – эмоционально высказался Михаил.

– Похоже, что в этом Коридоре Времени мы действительно застряли, как в фантастическом триллере, и дальнейший сюжет не обещает нам ничего утешительного. – Тоже не спокойным, но менее обречённым голосом сказал Борис Яковлевич.

– Смотрите, что получается молодые люди, – задумчиво потирая нос, продолжил говорить профессор. – Если мы в Коридоре Времени, то те лабиринты, в которых мы с вами были Николай, это выходы из этого коридора, надо только выбрать правильный путь, и тогда можно выйти куда угодно. Возможно, что лётчики таким путём уже вышли из этого коридора, но только вот...

– Что значит «Только ВОТ», меня это ваше «Только ВОТ», раздражает Борис Яковлевич. Начали, так договаривайте... – вспыхнул Михаил. – И что с этим «богатством» делать будем, я его тут не оставлю, хоть что-то, но взять надо, иначе нам не поверят, что мы тут были и это всё видели.

– Только Вот... – профессор не знал как сказать.

– Неизвестно в каком Времени они вышли, и в каком Измерении. Не факт, что мы можем попасть именно в Ваше Время, мы же, не знаем, как тут всё устроено? – впервые голос Бориса Яковлевича был таким растерянным. – А с этим «богатством» нас точно отсюда не выпустят... Подтвердите ему Николай...

– Да, но ведь те, кто об этом Чёртовом озере рассказывал, как-то отсюда выбирались же? А древние легенды, которые вы нам сами же цитировали. Это же тоже свидетельства того, что раз о них говорят, значит, это было с кем-то, кто смог выбраться и донести до потомков эти рассказы. Или я что-то не так понимаю? – высказавшись, Николай посмотрел профессору прямо в глаза, словно ища там ответ.

– Так-то оно так, только ведь, раз это до нас дошло, то не обязательно именно в то самое время, когда тот или иной человек, здесь побывал. Он ведь мог, если рассматривать пространственно-временную концепцию, выйти из этой «Временной воронки» либо раньше, либо позже своего времени существования. И такие случаи в Мировой Истории не редкость... Даже можно вспомнить устоявшееся в нашей традиции выражение: «Родился не в своё время» или «Опередил своими знаниями своё время»... Сирано де Бержерак, Нострадамус, Леонардо да Винчи, Микеланджело, и это, далеко не весь список людей, о которых такое говорили. – не выдержав пристального взгляда Николая, профессор отвернулся и умолк.

– Ладно, пошли в лагерь, там поговорим, а то Юля с Вадиком уже с ума наврное сходят из-за нашей пальбы... Давайте попьём чаю, успокоимся, и у костра решим что делать дальше... Идёт? – сказал Михаил, незаметно прихвативший с подноса, золотой медальон на золотой цепочке и пару золотых монет.

– Идёт... – хором ответили Николай и Борис Яковлевич...

Уходя с Капища, Николай обернулся, посмотрев на «Золотую Бабу», и инстинктивно перекрестился. Глаза идолов, стоящих за спиной старухи, блеснули рубиновым цветом, словно подмигивая ему...

Юля и Вадим ждали ушедших мужчин с тревогой и волнением, после выстрела, они укрылись в лагере, заняв круговую оборону. Надежда, что ничего страшного не случилось, не покидала их, но ожидание было невыносимо долгим. Учувя запах своего хозяина, подошедшего уже близко к лагерю, собаки кинулись Николаю навстречу, завиляв хвостами. Он любовно потрепал их по холке, прижав к своим коленям, после чего, они, продолжая вилять хвостами, рванули обратно к Юле, у которой от такой трепетной картины, пробежала по щеке слеза. Она была рада, что ничего не случилось.

– Мальчики, ну что же вы нас так пугаете. Нам тут и так страшно, а вы ещё палите, почём зря. Или всё же что-то случилось? – её страх за них был настолько искренним, что голос дрожал от волнения.

– Какая она красивая! – подумал Николай, с завистью посмотрев на Михаила, который её обнимал.

– Мы несказанно богаты друзья!!! Мы нашли Капище «Золотой Бабы»... Прости, что напугал тебя, это я стрельнул от радости, когда её увидел, я просто очумел от такого потрясения. – восторженно говорил Михаил, целуя Юлю в щёки.

Затем, тайком, достав из кармана золотое украшение, он повесил его Юле на шею, спрятав под майку, и шепнув ей на ухо:

– Смотри, чтоб Борис Яковлевич не увидел, а то ругаться сильно будет, я это тайком для тебя взял. Думаю, что Идол не обидится, у него там этого барахла, выгон и маленькая тележка...

После ужина, запалив вокруг лагеря костры, сложенные Вадимом заранее, стали обсуждать сложившуюся ситуацию. Обсудить было что, ведь день выдался особо насыщенным на события...

– Так молодые люди, давайте проанализируем наши шансы на то, чтобы выбраться отсюда. Николай, что скажете Вы? – Борис Яковлевич посмотрел на проводника.

– А что тут скажешь, я, когда только сюда входили, всё сказал. Там, откуда мы пришли, никаких подсказок нет, я ещё раз всё осмотрел. Вертолёт, думаю, не взлетит, если б мог, то лётчики на нём улетели бы. Я так думаю, что они попались в этот «временной капкан» так же как и мы, и как геологи, и как многие другие. Так что, выход может быть только через пещеры, которых тут натыкано, наверное целая тьма. Придётся искать ту, которая необходима именно нам, но как это сделать, я не знаю. – сделал свой вывод Николай.

– Что теперь скажет Михаил? – Борис Яковлевич посмотрел на своего заместителя.

– Ну, а что тут ещё скажешь, Николай всё сказал. Пещер здесь, похоже, действительно много, одну такую я заметил на плато, за вертолётом, как раз из неё скорее всего и выходила та Тварь. Так что, есть опасность столкнуться с этим существом в какой-нибудь другой из пещер. Вообще думаю, надо всё равно проверить именно ту пещеру, вертолётчики могли уйти только по ней. В любом случае надо попробовать выбираться отсюда. – высказал свою точку зрения Михаил.

– Вадик, тебе слово, какие будут у тебя предложения. – обратился Борис Яковлевич к лаборанту.

– А что я... Я как все... На «Золотую Бабу» вот только хотелось бы посмотреть, а так я не против всего сказанного... Будем пробовать выбираться... – пробормотал Вадим.

– Юля, что скажете Вы? – Борис Яковлевич с особой, отцовской теплотой посмотрел на юное создание.

– А куда я без Вас! Куда Вы, туда и Я... Как скажете Профессор, так и будет, вы у нас самый опытный, вам и решать за всех, мы вам доверились, и не капельки в Вас не сомневаемся. – с надеждой в голосе ответила девушка, обведя взглядом всех сидящих рядом, и тем самым, высказав общее мнение всех остальных членов экспедиции.

– Ну что, спасибо за доверие. Тогда сделаем так. Мы с Николаем пойдём в лабиринт, попробуем прояснить обстановку там. Миша с Вадиком поплывут

к противоположному берегу, и посмотрят, что есть там. Может где ещё есть пещеры. Ну, а Юленька, как всегда готовит нам ужин, потому, что обедать нам будет некогда. – подытожил разговор Профессор.

– Да, кстати... Николай же обещал побриться, как доберёмся до озера. Николай, надеюсь увидеть вас завтра без бороды. Вы же слово дали, что как к озеру придём, то побреетесь, а мы уже здесь давно. – вспомнила обещание Николая Юля.

– Ну что ж... – теребя бороду, вздохнул Николай.

– Раз слово дал, то придётся его выполнять. Утром обязательно побреюсь... Обещаю... Честное комсомольское... – улыбнувшись, сказал Николай, отправившись к кострам, чтобы подкинуть дров, ещё раз осмотреть подходы и лечь спать.

Глава двадцать вторая

«Утренний мираж»

Михаил проснулся, открыл глаза и прислушался. По-прежнему стояла гробовая тишина, к которой он ни как не мог привыкнуть в этом проклятом месте.

– Проклятое... Проклятое... А почему Проклятое? И если оно Проклятое, то мы все, значит в какой-то степени тоже... – подумал Михаил, отгоняя от себя эти странные мысли. – Чего только в голову не

придёт. Какое же оно проклятое, если рядом со мною лежит такое прелестное создание!

Михаил повернул голову в сторону Юли. Она сладко спала, чему-то улыбаясь во сне. Он аккуратно снял со своей груди её руку, убрал волосы с лица и встал. Лучи раннего солнца только пробивались сквозь стволы вековых деревьев и молочную пелену. Туман был не таким сильным, как вчера, но всё же, его вуаль накрывала озеро полностью, ограничивая видимость до нескольких десятков метров. Запахло костром. Запах дыма, перемешался с запахом леса и тумана.

– Похоже, Николай опять встал раньше. Вот потрясающий мужик, ну ничем его не проберёшь. Да, повезло нам с проводником. – снова подумал Михаил, одеваясь.

Михаил умылся из фляжки и пошёл к костру. Как не странно, но у костра, рядом с Николаем, уже суетился Вадик. Профессора было не видно. Лодка уже была готова к спуску на воду, в ней лежали: верёвка, вёсла, рюкзак, карабин и сумка с файерами и сигналками.

– А где Борис Яковлевич? – спросил Михаил, наливая чай и присаживаясь за стол, на котором лежал кусковой сахар и печенья.

– Он ещё спит. – ответил Вадик. – Мы решили с Николаем дать ему немного подольше поспать.

– Пусть отдохнёт, пока я побреюсь и приготовлю снаряжение. Лазание по горам дело утомительное, не

то, что купание. – с улыбкой сказал Николай, допивая свой чай, и дав по кусочку сахара собакам.

– Намёк понял... Вадик пошли купаться... Ты там, в сумку, для купания пару гранат нам не положил? – так же с улыбкой, парировал Михаил, бросив взгляд на Николая.

– Ну если нужны, то могу одолжить? – уже более серьёзным голосом ответил Николай, на шутку товарища. – Я прихватил с собой, как раз две штуки.

– Ты что, серьёзно? – с волнением в голосе произнёс Михаил, потому, что не мог понять, шутит Николай или нет.

– Совершенно серьёзно, мало ли что может произойти, вот и взял с собой на всякий случай. Если вам с ними будет спокойнее, то правда могу одолжить. Но только одолжить... – снова заулыбался Николай.

– Что значит ОДОЛЖИТЬ... Как «Червонец» до полочки, что ли. Гранаты это же... Это же, ГРАНАТЫ... Я же когда спрашивал, то просто пошутил, а ты над товарищем издеваешься. – снова не понимая тона Николая, с показной обидой, запинаясь, ответил Михаил.

Вадим смотрел на старших товарищей со снисходительной улыбкой, воспринимая их разговор, как шутивную перепалку детей в песочнице: «А у меня есть настоящая машина. А у меня есть настоящий пистолет. А у меня есть... А у меня тоже есть...».

Но, когда Николай, поставив кружку на стол, а из под стола достал свой рюкзак, и увесисто шмякнул на всё тот же стол, Вадим с Михаилом насторожились. А после того, как покопавшись в нём, он извлёк две гранаты РГД и пистолет ПМ, они просто раскрыли рты. После некоторой паузы, первым в себя пришёл лаборант, пролепетавший умоляющим голосом, и одновременно, протягивающий к пистолету Макарова руку:

– А можно мне посмотреть?

– Можно, но только осторожно. – ответил Николай, хлопнув по протянутой руке Вадима.

Он взял пистолет, вынул из него магазин, снял с предохранителя, и передёрнув затвор, сунул Вадиму. Одну из гранат, символически взвесив в руке, передал Михаилу.

– Да, внушительная вещь. Я всего один раз ею пользовался, на сборах, да и то, она была учебной. Зато метнул я её дальше всех. – с ностальгией в голосе, сказал Михаил, на мгновение вспомнив институт.

– Блин, классная пушка!!! – восторженно выпалил Вадик, имитируя стрельбу, то от пояса, то навскидку, а то по ковбойски, после чего прицелившись в Михаила, нажал на спусковой крючок.

Раздался щелчок, и в тот же миг, Николай выбил из рук Вадима пистолет, каким-то неуловимым приёмом, опрокинув того на землю. Всё произошло так быстро, что Михаил даже не успел заметить, что за приём применил Николай.

Лаборант, потирая руку и ушибленное заднее место, с недоумением смотрел на проводника.

– В людей целиться нельзя, а уж тем более, стрелять. Раз в год, как говорят охотники, и палка может выстрелить... Понял... – спросил Николай надувшегося Вадика, возвращая ему пистолет, и показывая как с ним обращаться.

Пока они игрались с оружием, туман плавно рассеивался, поднимаясь ввысь. Солнце сквозь него светило как лампа дневного света, не припекая. В воздухе повисла приятная прохлада.

Их возня разбудила Бориса Яковлевича, который с недоумением подошёл к костру, пытаясь понять чем там занимаются его подопечные. Николай тут же отобрал у ребят «боевые игрушки», и снова сунул их в свой рюкзак. Затем достал оттуда опасную бритву, ножницы, стаканчик с помазком, мыло, и пошёл бриться...

– Чем это вы тут балуетесь Голубчики, и почему меня вовремя не разбудили. Солнце уже кажется высоко. – с лёгкой укоризной в голосе, заявил профессор.

– А здесь всё, лишь только кажется. Вот и Солнце, Борис Яковлевич, вроде как – есть, а вроде как, и нет. Так что, и время здесь определить можно, разве что по ощущениям. – заметил Михаил.

Николай, тем временем, пока Борис Яковлевич умывался и садился есть, поставил к дереву два чурбачка, попросив у Михаила зеркало. Михаил, передав Николаю зеркало, обратился к Вадиму:

– Так Вадик, поел, поигрался, пора и поплавать.

Подхватив лодку, они пошли к озеру. Противоположный берег уже стал понемногу просматриваться, уровень воды был чуть ниже нормы. Хотя, где у этого озера была норма, определить было трудно, уровень постоянно менялся. Сев в лодку, мужчины поплыли к скалам, туда, где должен был находиться Вертолёт, в надежде отыскать какой-нибудь проход или пещеру. Тем временем, Николай, приладив к дереву зеркало, на один чурбачок сел, а на другой поставил принадлежности для бритья. Сначала он обстриг волосы, насколько мог, затем помазком, натерев его об мыло, вспенил на лице, предварительно увлажнив бороду мокрым полотенцем, смоченным тёплой водой из чайника.

Пока Николай готовился к бритью, Борис Яковлевич поел, и сделав несколько важных записей в свой дневник, стал готовиться к походу в Лабиринт, разбирая свой рюкзак. Помня, как тяжело далось прошлое восхождение, профессор решил максимально облегчить свою ношу, положив в рюкзак только самое необходимое и ценное.

– Борис Яковлевич, миленький, может сходите с одним ведром к ручью, свежей водицы наберёте, ну чтобы уж Юлю лишний раз не утруждать. Если не трудно конечно? А я за это время, как раз побреюсь, и тронемся в путь, на покорение гор и пещер. – сказал Николай, поднося к щеке бритву.

Профессор, молча взяв ведро, и пошёл вдоль берега к ручью, собаки побежали за ним вслед. А Николай продолжил бриться...

Подплыв к противоположному берегу озера, Михаил и Вадик стали внимательно осматривать расщелины в скалах. Туман над водой полностью рассеялся, повиснув матовой шапкой над головами. При этом противоположный берег был хорошо виден, представляя собой замысловатую картину, достойную кисти художника. Огромные сосны упирались своими макушками прямо в небо, словно проткнув ватное одеяло нависшего над озером облака, а отражение в воде, проецировало этот пейзаж с точностью до наоборот, создавая иллюзию двустороннего Мира.

– Символично... – подумалось Михаилу, который засмотрелся на этот двусторонний пейзаж. – Чего только не увидишь в этом заколдованном месте...

Да-ааа... Сюда бы какого-нибудь художника или писателя, чтоб смог красочно описать весь этот фантастический пейзаж. Жаль, что я не художник...

От романтических мыслей Михаила отвлекло какое-то движение в дальней левой части озера, где скалы обрывались прямо в воду, и где, по словам Николая, был тот самый Лабиринт, в который они собирались отправиться с Борисом Яковлевичем. Михаил напряг своё зрение, воздух был настолько прозрачным и чистым, что были отчётливо видны малейшие детали на противоположном берегу.

Вот Николай сидит на чурбачке у дерева и бреется. В это же самое время, в правом углу противоположного берега, Борис Яковлевич набирает воду из ручья, спадающего небольшим водопадом в озеро. А в левом дальнем углу картинки, (картинка перед ним действительно была как в широкоформатном кинотеатре) бежала какая-то толпа дикарей, размахивающих топорами и копьями. Михаил, инстинктивно почувствовав грозящую опасность находящимся в лагере, не отдавая отчёта своим действиям, прыгнул в воду, решив, что вплавь до противоположного берега он доберётся быстрее. И действительно, он плыл так яростно, что берег приближался с ощутимой скоростью. Желая немного отдохнуть, и не терять темпа движения, Михаил нырнул. Вода практически не оказывала сопротивления плывущему, создавая ощущение лёгкости и блаженства. Михаил вынырнул и осмотрелся. Николай по-прежнему брился у дерева, а Борис Яковлевич, набрав воды, собирался возвращаться в лагерь, умывая лицо под водопадом. Повернув свой взгляд в левую сторону, Михаил растерялся. Никаких дикарей не было и в помине...

Тогда он обернулся назад. Вадик с недоумением смотрел на него, преодолевшего половину озера, со скоростью мирового рекорда. Ничего не понимая, Михаил снова погрузился в воду. Вынырнув и протерев глаза, он снова посмотрел на противоположный берег. Николай добривал подбородок,

а за его спиной, всё так же, размахивая холодным оружием, бежали какие-то дикари. Михаил снова бросился в плыв, работая руками как бешенный.

Приблизившись к берегу, он приподнял голову и увидел следующую картину: бежавший впереди всех дикарь, приостановившись, метнул в сторону Николая копье. Николай, находясь к нему спиной, ничего этого разумеется не видел, да и шедший в сторону лагеря Борис Яковлевич, похоже, что тоже не замечал нападавших, лишь собаки за его спиной настороженно замерли. Михаил хотел крикнуть Николаю об опасности, рванув всем телом к берегу, но его крик застыл комом в горле. Он снова нырнул, размашисто загребая воду, сделав несколько мощных рывков брасом. Выскочив из воды словно дельфин, Михаил воспринимал окружающую его действительность в замедленном виде: Вот он повис над водой, готовый в неё снова погрузиться. В это же мгновение Николай, брившийся у дерева, наклоняется, чтобы взять полотенце и утереть лицо. И в это же самое мгновение, копье, пущенное дикарём, вонзается в дерево над его головой, вдребезги разбив стекло. (Так бывает, когда все чувства напряжены до предела, и человеческий организм начинает работать на пике своих возможностей, обостряя сознание, когда всё вокруг видится, словно в замедленном действии)...

Михаил снова погружается в воду, чтобы ещё несколькими размашистыми движениями донести своё тело до берега. Вынырнув в очередной раз из воды,

уже на мелководье, он встал и посмотрел на поляну возле лагеря. Никаких дикарей не было. У дерева стоял Николай, растерянно глядя на торчащее в нём копьё, а подошедший через минуту Борис Яковлевич смотрел на всё происходящее с изумлением, и в особенности на Михаила.

– Михаил, вы потрясающеплыли... – сказал профессор выходящему на берег заместителю. – Что-то случилось, или вы с Вадиком поспорили?

– Случилось профессор, случилось! Сами полюбуйте... – ответил Михаил, показывая на собирающего осколки Николая.

Николай был словно контужен, он не понимал, что вообще произошло, судорожно собирая осколки от разбитого зеркала. Увидев приближающихся товарищей, он развёл руками стараясь оправдаться:

– Не поверите, я сам не понимаю как оно расколосось... Только наклонился взять полотенце, и вдруг – Бац!!! И вдребезги... И вот это копьё, откуда оно взялось... А вокруг, представляете, ну ни одной Души, ну кроме вас разумеется... – продолжал оправдываться Николай, держа в руках зеркальные осколки.

Борис Яковлевич, как и Николай, с удивлением и непониманием разглядывали торчащее в дереве копьё.

– Да-ааа... Ну ты Николай, действительно «Бессмертный»... – констатировал произошедшее Михаил.

Собаки, недоумённо метавшиеся вокруг хозяина, вдруг с диким лаем кинулись в сторону ручья, словно почуяв зверя. Лай и шум разбитого зеркала, разбудили Юлю. Она, неспешно потирая глаза, вышла к собравшимся, тоже с недоумением взирая на торчащее в дереве копьё. Через несколько минут подплыл и Вадик. Если б не торчащее в дереве копьё, Михаил подумал бы что сошёл с ума, и это не мудрено, учитывая то место, в которое они попали. Он, в общем-то, уже даже готов был произошедшее списать на мираж, или на кокой-то временной сдвиг, но собаки... Собаки явно что-то почувствовали...

– Так, Вадик и Николай, срочно хватайте оружие и за мной!!! – скомандовал Михаил, выдёргивая копьё из дерева, и устремившись за собаками.

Николай, вдруг только сейчас, поняв серьёзность момента, приказал профессору и Юле вооружиться и занять оборону в лагере.

Схватив карабины, они с Вадимом бросились догонять Михаила, убежавшего довольно далеко вперёд. Михаил бежал по камням босиком, не ощущая боли, он словно летел на крыльях, крепко сжимая копьё в правой руке. Добежав до ручья, он повернул в сторону Капища, именно оттуда раздавался лай собак. Сделав несколько прыжков вдоль ручья, Михаил сбавил темп, приблизившись к густому кустарнику, за которым было Капище. Одна из собак завизжала, видимо от удара, через мгновение вторая, а ещё через пару секунд, они скуля, пронесли мимо Михаила. Он

по руслу ручья, резко рванул к входу в Капище, на разумное принятие решения и ориентацию у него были доли секунды, но организм сам среагировал на увиденное как надо. Возле Идола стояло несколько дикарей. Подпрыгнув, Михаил метнул копьё в того, кто стоял в самом центре Капища, это был как раз тот дикарь, который до этого пытался убить Николая. Копьё вонзилось в грудь своего бывшего хозяина, приведя всех остальных в оцепенение и ужас. Приземляясь, Михаил оскользнулся на мокрых камнях и упал лицом в ручей, на некоторое время потеряв сознание.

Николай и Вадим, двигаясь вдоль ручья, увидели лежащего в воде Михаила. Они не видели что произошло, они лишь слышали визг собак, и как те пронеслись мимо них, выбежав из бора. Подбежав к лежащему Михаилу, Николай приподнял его и осмотрел, видимых повреждений не было. Приподняв голову Михаила, он ударил его слегка по щекам, стараясь привести его в чувства.

– Миша, Миша... Что случилось? Миша очнись...

– Где они? – придя в себя, и приподнимаясь на колени, спросил Михаил, рыская по сторонам глазами.

– Кто? – вопросом на вопрос, ответил Николай.

– Как кто... Дикари с Капища, ну которые хотели тебя убить... Они только что были тут... – не договорив, Михаил вскочил и кинулся в заросли.

Вадик с Николаем, вскинув оружие наизготовку, двинулись следом. Раздвинув ветки, они увидели на поляне одиноко стоявшего Михаила, блуждающим

взглядом шарившего по сторонам. Но в зарослях у ручья и в окрестностях, не было не только дикарей, но и самого Капища. Они прошли по ручью до самого его истока, где он тонкой струйкой выбивался из скалы, но никаких следов пребывания в этих местах других людей так и не нашли. Да и Капище пропало, словно его и вовсе не было. В лагерь мужчины вернулись подавленными и настороженными, так как на обратном пути, Михаил рассказал им всё, что произошло, и что он видел до этого, когда плыл. За ужином, ему пришлось пересказать всё ещё раз, и в мельчайших подробностях.

Отсутствие Капища и торчавшее в дереве копьё говорили о том, что Михаилу всё то, о чём он рассказал, не приснилось и не почудилось, но заставляло всех задуматься о происходящем вокруг ещё сильнее. В связи с произошедшими событиями поход в пещеры было решено на время отложить...

Глава двадцать третья

«Похищение Юли»

Юля категорически отказалась оставаться в лагере одна, не отходя от Михаила ни на шаг. Было решено отправить её с Мишей к противоположному берегу на лодке, искать пещеры. А Николай, Вадим и Борис Яковлевич решили отправиться в Лабиринт.

Собрав в дорогу только самое необходимое, всё остальное спрятали в кустарнике, завалив хвоей.

Ночью почти не спали, вслушиваясь в окружающую тишину. С первым просветлением на небе все встали. Снова стоял густой туман, сквозь пелену которого просматривались лишь смутные очертания стволов деревьев. Плотно позавтракав, стали собираться по своим маршрутам. Подкачав поплотнее лодку, Николай помог Михаилу донести её до воды. Озеро вновь отступило, оголив скользкие камни.

– Николай, а вам хорошо без бороды. Вы помолодели лет на десять. – сказала Юля, разглядывая побрившегося Николая, и уловив его ухмылку, добавила: – Серьёзно...

– Спасибо, пожалуй учту на будущее. – вновь усмехнувшись, ответил Николай, покосившись на Михаила, тот тоже усмехнулся...

– На, возьми. – сказал Николай Михаилу, тайком кладя тому в карман гранату. – Надеюсь, что не пригодится, но чувствовать себя будешь с ней поувереннее.

– Спасибо... Вернёмся, верну...

– Мальчики, вы что там шепчитесь? Я в ней одна боюсь. – сидя в лодке, запричитала Юля.

Посадив их в лодку, и оттолкнув от берега, Николай ещё долго всматривался в размытые очертания удалявшихся Юли и Михаила, пока они не растворились в тумане. Тяжело вздохнув, со щемящим чувством в груди, Николай пошёл к лагерю, не представляя ещё, что ждёт всех их впереди...

Собаки резво бежали за хозяином по берегу озера, едва угадываемся в туманной пелене. Николай изредка останавливался, поглядывая назад. Борис Яковлевич и Вадим, явно за ним не поспевали. К скале, за которой был подъём в гору и пещера, они подошли без излишней спешки. Николай, внимательно осмотрев возвышенность за камнем, вернулся к ожидавшим его товарищам.

– Вроде ничего подозрительного. Немного передохнём и в путь. Рюкзак свой мне отдайте Борис Яковлевич. – твёрдым голосом, не требующим возражений, сказал Николай.

– Спасибо, я сам, он лёгкий... – попытался немного поартачиться профессор, но Николай без лишних слов отобрал у него мешок, приказав пополнее наполнить фляги водой.

– Сколько мы там будем плутать, неизвестно, так что запасаемся водой впрок. – приказал Николай, сам наклоняясь к воде.

Рядом наполнял флягу Вадим, после чего стал наполнять бутылку, которую достал из рюкзака. Борис Яковлевич и Николай с живым интересом посмотрели на лаборанта.

– Ну ты Вадик молодец, бутылочку из-под коньяка прихватил. – Николай явно был доволен находчивостью лаборанта.

– Я тоже подумал – дорога дальняя, вода всегда пригодится. Это без еды можно долго продержаться, а вот без воды... А без воды, и не туды, и не сюды... – убирая в рюкзак бутылку, пропел Вадик.

Собаки тоже лакали воду впрок, осторожно спустившись к озеру по скользким камням. Уровень воды не сильно отступил, по сравнению со вчерашним днём, но теме не менее, туман был достаточно густым. Ступени, уходившие в гору, словно уводили в облака или в небо... Или вообще в иную реальность...

– Знаете что Николай. – спокойно заговорил профессор. – Я вот что подумал, а ведь лабиринт в пещере может быть коридором времени, который может нас вывести куда угодно. Так что не факт, что мы снова вернёмся в своё время, и даже в своё измерение.

Николай с удивлением и непониманием посмотрел на Бориса Яковлевича, не зная что ответить. А профессор пояснил:

– Вчерашний рассказ Михаила меня в этом окончательно убедил. Я всю ночь над этим думал. Те люди, которых увидел Миша, были из параллельного измерения, которое на некоторое время пересеклось с нашим, а изменяющийся уровень воды в озере, каким-то образом влияет на эти процессы. И слава Богу что мы разделились, быть может хоть кому-нибудь из нас удастся вернуться домой и поведать Миру об этих тайнах Чёрного озера.

– Вы по прежнему думаете, Борис Яковлевич, что нашему Миру это нужно? Я что-то последнее время стал в этом сильно сомневаться. Для того чтобы понять изменчивость и многогранность Мира, не обязательно куда-то ехать или лететь. Весь Мир и вся

Вселенная уже находится в Нас... И только в НАС... Нужно, прежде всего, познать самого себя, а современное Человечество слишком сильно обленилось, уповая лишь на прогресс, который на самом деле стал для нас регрессом. Мы перестали ходить босиком по земле, пить чистую воду, смотреть на Звёзды, а ведь Звёзды это глаза нашей Души, Земля – это энергия жизни, дающая нам внутренние силы, а Вода – проводник информации, которой мы себя заполняем... – закончил свой монолог Николай, делая первые шаги по ступенькам вверх.

– Я где-то слышал фразу: «Через тернии к Звёздам». В нашем случае, тернии, это наверное лабиринт ждущий нас впереди. А в тёмных пещерах мерцает наш лучик надежды.

Символично – «Свет и Тьма», как сущность нашей Жизни... – попытался пофилософствовать Вадим, шагая вверх за Николаем. Сзади тяжело дышал профессор, старавшийся не отставать...

На плато они поднялись на одном дыхании. Николай, сбросив рюкзаки, присел на камень, дожидаясь остальных. Последними приковыляли собаки, подгонявшие Бориса Яковлевича.

– Так, Вадик с собаками ждёт нас здесь. Будь внимательным, как только услышишь в конце коридора шум, бросай файер. Сам не лезь и не высовывайся. Мало ли, вдруг это не мы будем. Если что, стреляй в пол пещеры, эхо тут такое, что мы даже в преисподней услышим. Ну, а если Нечисть какая

ползет, надеюсь, испугается и убежит. – пошутил Николай, протягивая Вадиму конец верёвки. – Не дрейфь, тяни за веревку, если до вечера нас не будет, только смотри не оборви, это наш путеводитель обратно.

Хлопнув лаборанта по плечу, и приказав собакам ждать его здесь, Николай шагнул в пещеру, зажигая фонарик. Следом шагнул Борис Яковлевич, но потом что-то вспомнив, остановился, и, повернувшись к Вадиму, негромко сказал:

– Если мы вдруг не вернёмся, сам в пещеру не лезь, возвращайся в лагерь, и ищите с Михаилом и Юлей другой выход.

Пещера поглотила профессора, донеся до Вадика его последние слова слабым эхом. Через несколько минут стихли последние отзвуки шагов ушедших во мрак товарищей. Он сел спиной к большому камню положив рядом карабин, намотав конец верёвки на небольшой камень. Осознав, что он остался один, Вадиму стало немного жутковато...

Михаил подгрёбал к противоположному берегу осторожно, всматриваясь в непроглядную пелену. Юля по его приказу пускала ракеты, подсвечивая скалы. Вскоре они оказались у Вертолёта. Крылатая птица на половину была в воде. Юля с восхищением смотрела на мёртвый кусочек цивилизации, забытый кем-то в этом диком месте. Михаил проплыл вдоль Вертолёта поближе к пещере, до которой в прошлый раз не дошёл, спрыгнув в воду, он подтянул лодку и крепко

привязал верёвку к большому камню. Закрепив у пояса нож, и взяв карабин с рюкзаком, Михаил поднялся в расщелину, направившись в сторону предполагаемой пещеры, приказав Юле дожидаться его в лодке.

– Ты если что, стреляй из ракетницы, а я постараюсь далеко не заходить, проход в пещеру осмотрю и вернусь... Хорошо...

– Хорошо... – эхом отозвалась Юля...

Вход в пещеру был довольно большим, но со стороны озера его прикрывал выступ скалы. Он шёл по пояс в воде, с трудом делая шаги на ощупь. Вот показался чёрный проём пещеры, Михаил зажёлг файер, держа его над головой. Вход в пещеру был ступенчатый. Через несколько метров вода едва доходила до колен, идти стало намного легче. Затем пол пещеры стала резко уходить вверх, и вода отступила. Через несколько метров коридоры разделились на два рукава. Михаил пошёл направо, через сотню метров снова под ногами стала хлюпать вода, постепенно доходя ему до колен. Ещё через пару сотен метров Михаил вдруг резко провалился в яму без дна. Падая, он упустил свой карабин, рюкзак тоже тянул его вниз, хорошо ещё, что он не выпустил из рук файер. Скинув с плеч тяжёлый рюкзак, Михаил вынырнул. Дальнейшее движение вперёд было уже невозможным. Отдышавшись, он побрёл назад к выходу. Михаилу почему-то показалось, что он плутает в пещере уже давно, потеряв счёт времени. Снова стало сухо, он дошёл до второго рукава, решив

свернуть на этот раз налево. Но от переулка он успел отойти недалеко, как сзади послышалось эхо крика. Михаил прислушался, эхо донеслось до него сильнее, крик был похож на Юлин, только очень глухой, словно откуда-то снизу. Михаил рванул к выходу. Через несколько сот метров вода снова стала доходить до колен. Михаил споткнулся и упал в воду, уронив фонарь. Поднявшись, он достал из кармана фонарик и посветил вокруг. Впереди, метрах в пяти, Михаил увидел выступ, за которым был небольшой проход, ступенями уходящий вверх. Когда он шёл сюда, то прохода не заметил, и это было немудрено, так как со стороны входа, в свете фонаря, проход затенялся выступом. Михаил остановился в замешательстве – толи идти назад к лодке, толи в этот проход? Он снова прислушался, для чего-то погасив фонарь. Михаил простоял неподвижно минут пять-семь, стараясь привыкнуть к темноте и обострить свой слух. Глаза всматривались вглубь тоннеля, ничего не видя, однако слух стал обостряться. Со стороны озера было тихо, а из вновь открывшегося коридора слышались отдалённые шаги. Михаил осторожно пошёл на звук, не включая фонаря. Пройдя метров тридцать, вдоль стены на ощупь он снова остановился и прислушался. Шагов стало несколько, и они приближались, затем резко завоняло мокрой шкурой, как от козлятины. Михаил не выдержал и включил фонарик, направив луч света туда, откуда были слышны шаги, при этом он присел, крепко сдавив в левой руке нож. В свете луча промелькнули огромные мохнатые Существа,

отбрасывая ещё большие тени. Ближайшее Существо, похожее на огромную гориллу, ринулось на Михаила, махнув своей лапой над его головой наугад, так как, было ослеплено лучом фонаря. Михаил сделал выпад навстречу, наотмашь резанув Существо по ногам. Не дожидаясь результата своего выпада, он побежал к выходу, на ходу пряча нож в ножны и доставая из кармана гранату. Позади послышался дикий рёв, и шум падающего тела, затем ещё одного, но более глухого. Скорее всего, второе существо споткнулось об упавшее первое, подрезанное им. Достав гранату, Михаил на ходу выдернул зубами чеку, и кинул её позади себя. Выскочив к ступеням основного коридора, Миша прыгнул, отскакивая за выступ, и в этот же миг раздался взрыв, и грохот падающих камней.

Эхо разнесло этот грохот по всем подземным коридорам, оглушив и его. Накрывшая Михаила пыль забила уши и глаза, заскрипев даже на зубах. Через некоторое время, протерев глаза, и придя в себя, Михаил пошёл к выходу из пещеры, шагов сзади уже не было. Когда он спускался по коридору пещеры к самому выходу, вода уже была ему по грудь, и она прибывала. Выйдя на свет, Михаил зажмурился и нырнул, проплыв несколько метров под водой. Вынырнул он метрах в десяти от пещеры. Осмотревшись он не нашёл лодки, её не было, а у вертолёта были видны только лопасти. Туман уже почти рассеялся, зависнув над озером густым тяжёлым облаком, сквозь которое пробивался хмурый свет.

– Где же Юля? – озираясь по сторонам, задал себе вопрос Михаил, и тут же сам на него ответил:

– Наверное, испугалась и уплыла. Наверное, эти Твари её напугали, вот она и закричала...

Ещё раз осмотревшись, и не увидев ничего, кроме чёрных скал, Михаил нырнул, и поплыл к противоположному берегу. Вода смыла с него грязь подземелья и придав сил. Доплыв до середины, он перевернулся на спину, решив плыть так, чтобы как можно меньше тратить сил...

Никола и Борис Яковлевич, дойдя до большого зала пещеры, остановились. Файер, оставленный в прошлый раз у входа в зал – пропал, что навело на мысль – они тут не одни. Чтобы не плутать, на случай обрыва верёвки, Николай, предусмотрительно, взял с собой меловой камень, написав на стене коридора: «Выход к озеру», а со стороны зала поставил крупную букву «В».

– Ну что профессор, будем разделяться или как? – спросил Бориса Яковлевича Николай, доставая из рюкзака ещё один моток верёвки, ведь он уже знал ответ.

– Конечно же будем. «Или Как?» в данном случае неуместно.

– Тогда прошу вас, выбирайте свой путь. – предложил проводник, привязывая к основной верёвке другую, только что вынутую из рюкзака, и передовая моток профессору.

Борис Яковлевич подошёл к пятому от выхода коридору, и повернувшись к Николаю, хотел что-то ему сказать, но тут... Тут сильный грохот раздался где-то глубоко в горе, выскакивая из всех коридоров гулким эхом, но почему-то с разными временными промежутками...

– Ого!!! Кажется, начинается землетрясение? – слегка удивлённо проговорил профессор, остановившись у выбранного входа.

– Или взрыв! – подумал Николай, подходя к Борису Яковлевичу, а вслух сказал:

– Я напишу на входе вашего коридора значок, ну чтобы если вдруг что, было понятно куда вы пошли. – и Николай нарисовал у входа в коридор знак – «X-1».

– Спасибо Николай, вы очень предусмотрительны! Жаль что это не пришло мне в голову... Мне было приятно с вами работать... Если выберемся, приезжайте ко мне в гости... – сказал профессор обнимая проводника.

– Ну, в самом-то деле, Борис Яковлевич, перестаньте... Мы ещё живы, и нас так просто не одолеть. Что Вы, ну хватит, а то как на похоронах. Не для того нас всех Судьба здесь собрала, чтобы размазать об эти скалы. Всё будет в норме, я ещё к Вам приеду.

Борис Яковлевич его не дослушал, он уже входил в тоннель, скрывая свои слёзы, наворачнувшиеся от слов Николая. Профессор уже осознал скорбность их положения, понимая, что найти в этих лабиринтах

нужный им коридор, это даже не «иголка в стоге сена», а всё равно, что искать колибри в дебрях Амазонки. Но он не жалел ни о чём, он был счастлив, что провел несколько дней в компании этого, как оказалось молодого человека, особенно после того как он побрился. Так профессор шёл несколько минут, погружённый в свои думы, не сильно замечая рукава и ответвления от основного коридора. Он просто шёл «куда глаза глядят» или «куда выведет кривая», начиная осознавать смысл этих сакральных высказываний...

Николай выбрал тот коридор, из которого эхо взрыва вырвалось самым последним. Он написал при входе знак – «X-2», и смело пошёл вперёд. По выбранному коридору он шёл долго, не видя никаких ответвлений. Тоннель то поднимался вверх, то повернув, стал плавно уходить вниз, словно путая идущего по нему путника. После очередного поворота тоннель расширился, уходя двумя рукавами в разные стороны, а посередине, чуть впереди в глубокой нише, был крутой спуск со ступенями. Николай растерялся, остановившись в раздумьях. Интуиция молчала, разум тоже не мог принять нужного решения, пауза затянулась. Вдруг в боковом коридоре справа, послышались шаги. Николай, выключив свет, нырнул в нишу. Через несколько секунд, мимо него, в темноте, что-то прошмыгнуло. Ещё через несколько секунд пробежало несколько человек с факелами. Николай не успел их разглядеть, прячась от света факелов, увидев

лишь удаляющиеся тени. Выбор был сделан сам собой, он стал спускаться по ступеням вниз, оставив на стенке ниши надпись «Факельщики»...

Прохладный воздух подземелья, прикосновение к сырому, холодному полу, внезапно наступившая глубокая тишина и абсолютный мрак создавали особое настроение, тяжёлым камнем навалившись на сердце, от чего оно стало биться сильнее прежнего, а его стук отдавался в голове с такой отчётливой силой, словно стучало не сердце, а отбойный молоток. Николай ощущал себя в совершенно ином мире – чуждом его природе, мире подземном, таинственном и загадочном, который своей неизвестностью волновал его до глубины души и даже до мурашек, наполняя внутренности Николая холодком мистического трепета перед той громадой каменной скалы, в глубине которой он находился. Пещеры и лабиринты, по которым он бродил, не выглядели какими-то природными пустотами, образовавшимися в геологическую эпоху, а имели явно искусственное происхождение, уж больно они были правильными и замысловатыми одновременно. Николай шёл подавленный и растерянный, не ведая, куда бредёт и что ищет, ибо он потерял не Путь, а Жизненные ориентиры... Он стал терять нить Бытия, не понимая где Реальность, а где Мираж... А Время вообще приобрело абстрактное состояние, словно его и не существовало вовсе...

Вадик испугался, услышав гулкое эхо взрыва, вырвавшееся из гортани пещеры. Он был в растерянности, не зная, что предпринять. Через несколько минут придя в себя, он понял, по звуку приглушённого эха, что эпицентр исходил откуда-то из глубины горы. Вадим, зайдя на несколько метров вовнутрь пещеры, всмотрелся во мрак коридора. Было темно и тихо, словно ничего и не было вовсе. Постояв немного в нерешительности, он вернулся. Собаки стояли у самого входа, наострив уши. Выходя из пещеры, Вадик их погладил, приговаривая:

– Всё хорошо глупенькие, всё будет хорошо. Скоро хозяин ваш вернётся, и мы пойдём в лагерь ужинать... Всё будет хорошо...

Вадик присел к камню, обнимая собак, которые подсев к нему, так и жались к его ногам. Вскоре, от волнения и напряжения ожидания Вадим уснул, проснувшись лишь далеко за полночь. Встав и протерев глаза, Вадим осмотрелся, луна пробивавшаяся сквозь пелену облака создавала лёгкий полумрак. Собаки лежали поодаль, охраняя сон Вадима, одна у входа в пещеру, а другая у ступеней. Вадик, поняв что ушедшие задерживаются, стал тянуть за верёвку, не рассчитав усилий, он поскользнулся, упал и порвал её. Наматывая остаток на руку, он вытянул примерно метров двести.

Расстроившись ещё больше, Вадим почувствовал, что очень сильно хочет есть. Достав из рюкзака бутылку воды и сухари, он вспомнил про сырок. Порывшись в чреве своего рюкзака, Вадик

торжественно достал затвердевший сырок «Дружба». Очистив его от фольги, он разломил сыр на три части, одну оставив себе, а два других кусочка протянув собакам. Те, радостно подбежали к Вадиму, тоже проголодавшись. Запив сухари и кусочек сыра водой, Вадик стал вслушиваться в окружающие его звуки, но тишина была жутчайшая...

Просидев всю ночь на ступенях уступа, под утро Вадик заснул снова, сморённый нервным перенапряжением. Ведь нет ничего хуже, чем «ждать и догонять», как гласит мудрая народная поговорка. Разбудил его настороженный рык собак, которые стояли у входа в пещеру, и ощетинившись, грозно рычали. Схватив карабин, Вадим приблизился ко входу в пещеру.

– Если бы это были свои, то собаки вряд ли бы стали рычать. – подумал лаборант, всматриваясь в темноту, но при этом, не видя ничего подозрительного.

Вдруг затхлый вонючий запах ударил ему в нос. Собаки зарычали ещё злобнее, и их рык эхом отозвался из глубины коридора, усиливая свою мощь на входе. Потом собаки заскулили и рванули по ступеням вниз. Вадик, почувствовав опасность, выстрелил в пещеру, как велел Николай, и кинулся вслед за собаками...

Глава двадцать четвёртая

«Потеря товарищей»

Николай спускался по очередным ступеням, вскоре, коридор на который он вышел, стал ровным и широким. Дойдя до множественного разветвления Николай повернул направо даже не раздумывая, словно точно знал куда идти, и в этот момент в его руке мелькнул конец верёвки, которую всё это время он держал в руке, как спасительную нить Ариадны. Остановившись, и немного поразмыслив, он написал на стене: «Конец верёвки»...

С этого самого момента все ориентиры для него закончились, рассчитывать приходилось только на своё чутьё и жизненный опыт. Правда опыт здесь в подземелье мало чем мог помочь, окружающая его среда была непривычной, а потому, не поддавалась анализу, из расчёта применения к конкретной ситуации. Подобных ситуаций в его жизни, просто никогда не было. Подобного с ним ещё не случалось, если не считать Афганистан, правда, там он был без памяти, а те короткие отрывки воспоминаний ничего не давали...

Взглянув на конец верёвки, и махнув рукой, Николай продолжил свой путь в выбранном им направлении, положившись лишь на удачу и интуицию воина...

Выбравшись на берег, Михаил опешил. Лодки и Юли нигде не было видно, в лагере была гробовая тишина. Отыскав в своей сумке, спрятанной в лагере, бинокль, Михаил стал обшаривать взглядом всё противоположное побережье, но кроме чёрных камней, больше ничего не увидел, ни какого движения. Он даже сходил в бор, потом к ручью, поднялся на смотровую площадку, но и там, никого кроме лошадей не нашёл. Возвращаясь из ущелья, и дойдя до ручья, Михаил повернул направо, в сторону Капища.

– Может это был не Мираж... – подумал Михаил, вспоминая про Идола и про копьё. – Может Идол просто каким-то образом скрывается от посторонних глаз, сам определяя, перед кем показаться, а от кого и спрятаться.

Подойдя к заветной поляне, Михаил остановился, взяв в левую руку нож, а в правую увесистый булыжник. Медленно раздвинув кусты, он увидел Частокол, Капище стояло там же, где и позавчера. Михаил зашёл вовнутрь поляны, осматривая стоящего там Идола и его охранников.

«Золотая Баба» с ребёнком на коленях была на том же самом месте, а два истукана за её спиной, подмигивали ему рубиновыми глазами. Михаил, присмотревшись повнимательнее, только сейчас понял,

что глаза у них – это действительно огромные красные рубины. Чаша с подношениями стояла у ног Идола, а на руке ребёнка, по-прежнему красовались «Командирские часы»... Михаил замер в оцепенении не зная что ему делать дальше...

Борис Яковлевич, в отличие от Николая, даже не заметил как закончилась верёвка, упустив её конец где-то позади себя, и, по всей видимости, уже давно. Когда он понял, что в его руках нет верёвки, он растерялся, и решил вернуться назад, но дойдя до ближайшего перекрёстка, остановился в замешательстве. Профессор не знал куда ему идти. Собравшись с силами, он всё же принял волевое решение, идти туда, куда шёл изначально...

– Бог с ней, с этой верёвкой, куда попаду, туда и попаду... Лишь бы не застрять здесь на совсем... Обидно... Однако пожалуй пора перекусить... – подумал Борис Яковлевич, доставая из рюкзака сухари, и жуя их на ходу.

Через достаточно длинный промежуток времени, съев пару сухарей, и петляя по коридорам подземелья, Борис Яковлевич оказался в большой пещере, с высоким сводом. Он уже успел устать, бродя по этим подземным коридорам, и бродя по всей видимости уже довольно давно, при этом полностью потеряв счёт времени. Найдя подходящее место в одном из уступов пещеры, профессор остановился, отдышался, попил водички, и прилёг отдохнуть, обняв карабин и

положив под голову рюкзак, после чего, почти моментально уснул...

Ему снилось море, ласковым накатом волн ударявшее по его ногам, опущенным в воду. Он сидел на небольшом пирсе, закатав брюки выше колен, опустив ноги в солёную морскую воду. Вскинув взгляд в небо, он прищурил глаза, ослеплённый солнцем. Где-то вдалеке послышался выстрел, который заглушил крик чаек, метавшихся над его головой, и профессор не придавал этому выстрелу никакого значения. Подставив ноги прибою, а лицо солнцу, Борис Яковлевич блаженствовал. Даже суета за спиной и странные голоса не тревожили его, он не хотел отвлекаться от приятного ощущения внутреннего комфорта, расплывшегося по его телу сладкой негой сна...

Не обнаружив нигде Юли, Михаил вернулся в лагерь, не став задерживаться на Капище. Он развёл костёр и вскипятил чайник, в надежде что хоть кто-то придёт. Было уже поздно, а никто ещё в лагерь так и не вернулся.

У Михаила кошки скребли на Душе. Есть не хотелось, он просто пил чай, сидя у костра и смотря на огонь. Отблески пламени будоражили в его голове всевозможные мысли:

– Профессор что-то там говорил про Параллельный Мир, с которым мы вчера пересеклись... А может я и сейчас нахожусь в этом самом –

«Другом Мире»... Стоп! Точно!!! Раз есть Капище, значит Я точно в Параллельном Мире, а ребята, возможно даже сидят сейчас рядом, но в своём Мире, а Я их просто не вижу... С ума можно сойти, как всё сложно... Но тогда... Тогда эти дикари могут вернуться, а Я тут один, и без оружия!

Михаил резко встал и пошёл в лес искать подходящее дерево для копья. Найдя ровную длинную палку, он обстругал её и ровненько обрезал с двух сторон, с одной стороны сделал прорезь, а затем, взяв большой кухонный нож, сломал на нём ручку и вставил лезвие в прорезь палки, плотно обмотав место стыка мокрой верёвкой. Получилось внушительное копьё, длиной примерно два метра. Работа так увлекла Михаила, что он не заметил как стало темнеть. Когда полумрак уже ограничил видимость, Михаил подсел к костру поближе, подбросив в него побольше дров, и продолжая шлифовать древко копья.

Он почти всю ночь просидел у костра, поглощённый своими мыслями. Одиночество очень сильно давило на него, а мысль о Юле тем более не давала уснуть.

– Да-аа... Легко быть героем на Миру. Как там говорит Русская поговорка – «На Миру и смерть красна». А вот как быть, когда остался один, да ещё в Чужом измерении, тут никакой поговорки не подберёшь... Ах, Юля... Юленька... Как же так... Ну может хоть профессор что-нибудь придумает... А вдруг я их вообще больше не увижу... Юленька...

Михаилу захотелось закричать что есть мочи, но подкативший к горлу ком не дал этого сделать, только крупные редкие слезинки прокатились по его щеке... Так он сидел один, большой и сильный мужчина, с каплями слёз на щеках, даже не думая их вытереть... И только лишь под утро Михаил вырубился, измотав себя внутренними терзаниями...

Профессор проснулся от того, что кто-то выдернул из-под его головы рюкзак. Он вскочил, ища возле себя карабин, но карабина не было. Вокруг него стояли люди в звериных шкурах, держа в руках факелы. Один из дикарей потрошил его рюкзак, перебирая не представляющие на первый взгляд интереса вещи – блокнот, ручку, патроны, файеры. Все остальные его собратья с интересом следили за этим процессом. Повертев в руках банку тушёнки, дикарь сунул её обратно в мешок, заострив своё внимание лишь на сухарях и сахаре.

Как только в его руках появился сахар, все остальные живо на это отреагировали. По всей видимости, они уже знали этот продукт, но и сухари оказались хорошей добычей. Ещё один из дикарей, по всей видимости главарь, крутил в своих руках карабин профессора. Наставив его на того, кто рылся в рюкзаке. И тут главарь неожиданно для всех нажал на спусковой крючок карабина. Раздался выстрел! Тот, что держал рюкзак профессора, упал, уронив и рюкзак, и сахар, как, в прочем, и всё остальные. Тут же началась паника. Воспользовавшись сумятицей, Борис

Яковлевич подхватил свой мешок и побежал вглубь пещеры, лавируя между камнями, с трудом различая путь в отблеске горевших сзади факелов. Погоня началась с запозданием, и профессору удалось немного оторваться. Увидев впереди два зияющих чёрных проёма, Борис Яковлевич остановился и осмотрелся, высветив фонариком боковые стены. Справа, в глубокой нише была узкая расщелина. Направив мощный луч фонаря в проём одного из коридоров, профессор выключил свет и нырнул в боковую расщелину. Сзади послышался топот пробегающих мимо ног большой толпы. Выждав паузу, пока шаги стихли, он стал ползти вперёд на ощупь. Через несколько десятков метров, узкая расщелина стала расширяться вверх и вширь, можно было уже идти согнувшись. Ещё через сотню метров, Борис Яковлевич шёл уже в полный рост. Спина его занемела, а ноги в коленях болели, постоянно подгибаясь. Споткнувшись об крупный камень, профессор остановился, разминая ноги и спину, после чего посветил фонариком вокруг себя. Коридор тоннеля был примерно два метра шириной, и три высотой, спереди и сзади луч фонаря тонул во мраке. Присев на камень Борис Яковлевич стал рассматривать содержимое своего мешка. Аптечка была цела, до неё дикари добраться не успели, а вот из еды остались лишь пару сухарей и банка тушёнки.

– Да-ааа... Не густо... – глубоко вздохнул Борис Яковлевич. – С таким запасом особо не побегаешь, ну максимум три-четыре дня, если не съедят Дикари... Ну а не съедят, так сам с голоду помру...

– Стоп... – мелькнул в голове профессора мысль.
– Раз здесь есть люди, то они как-то ведь питаются. Раз на них шкуры, значит есть и животные. К тому же, помимо шкур на них была и тканая одежда. Судя по всему, не такие уж они и дикари...

Николай, потеряв счёт времени, шёл по подземному коридору с файером в руке. Было, похоже, что этот коридор ни имел конца и края, так долго он по нему шёл, и при этом, не было никаких ответвлений. Этот тоннель был почти прямой, примерно везде в три метра шириной, и столько же высотой. Он хорошо продувался, так как дым от файера, тянуло назад по ходу его движения. Это значило лишь одно, что где-то впереди есть выход, и он непроизвольно прибавил ход.

Вдруг неожиданно и громко прогремел выстрел, пробежав эхом дальше по коридору. Николай остановился и прислушался, эхо ещё долго несло отзвук выстрела, плавно удаляясь. Когда совсем стихло, Николай продолжил движение, прибавив шаг.

– Интересно, кто стрелял, Борис Яковлевич или Вадик? – подумал Николай, ибо в том, что это был кто-то из них, проводник даже не сомневался. – Скорее всего, это Вадик. Слишком уж долго они отсутствовали, вот он и запаниковал, хотя, могло что-то и случиться.

Николай вновь прибавил шагу, а точнее, он уже почти бежал, всматриваясь вглубь коридора, но и боковым зрением не пропуская ни одного выступа, а

вдруг какой скрытый лаз или надпись какая промелькнёт. Вдруг Николай остановился, заметив справа в стене замурованный плоский камень, огромного размера. Он был словно большая дверь, прикрывающая какой-то путь. Осмотрев повнимательнее эту стену, Николай стал её прощупывать, надеясь найти нужный выступ, который мог быть ключом, но, не обнаружив ничего похожего призадумался. С виду Плита словно была вмурована в стену. Но эта плоская глыба его почему-то насторожила. Он что-то почувствовал, но не мог понять что? Глыба явно была здесь не просто так? Постояв так ещё немного, и вникая в свои ощущения, он вновь не обнаружил в стене ничего стоящего, тогда Николай достал из кармана меловой камень, и написал на плоской стене – «Длинный, длинный коридор»...

Когда Николай ушёл далеко-далеко вперёд, плоская глыба бесшумно утопилась вовнутрь, оголив слегка подсвечивающийся проём, из которого вышел седой Старец в белом. Белый Старец держал в руке свечу, пламя которой слегка колыхалось в потоке воздуха разряженного пространства. Посмотрев вслед удалившегося путника, Старец бесшумно ухмыльнулся, сделал свечёй крестное знамение, и словно растворился во мраке проёма...

Михаил проснулся от того, что кто-то лижет его лицо. Ещё не проснувшись, он отмахивался, не понимая что случилось, лишь слегка приподнявшись на

локтях. Однако дрёма никак не хотела его отпускать, и он опять уронил голову, но при этом открыв глаза от удивления. Над ним стояли собаки проводника. У Михаила аж защемило в груди от Счастья. Он стал обнимать их по очереди, словно родных ему людей.

– Так... Раз собаки здесь, значит и хозяин должен быть где-то рядом? – подумал Михаил, продолжая обнимать лаек.

– Господи, как же я рад вас видеть собачки вы милые мои!!! Какое же это счастье что вы вернулись! – приговаривал Михаил, открывая для собак банку с тушёшкой...

Пока собаки ели, Михаил умылся и стал вновь внимательно разглядывать в бинокль окрестности озера, и вновь не заметив ничего подозрительного кроме скал.

– Ну, перекусили, теперь пойдём встречать вашего хозяина. – сказал он собакам, после того, как они поели и попили...

Собаки, поняв его слова, неспешно пошли вдоль берега озера, в ту сторону, откуда прибежали. Михаил взял сделанное им копьё, и пошёл за ними, в сторону круто обрывающейся в озеро скалы, за которой был вход в лабиринт. Правда перед этим, он ещё раз осмотрел в бинокль всё озеро, и вновь ничего не увидел. Скорее всего, был уже полдень, но за пеленой нависшего облака, было трудно определить более точное время. Солнце не проглядывалось.

Когда Михаил приблизился к большому камню, собаки отстали и неохотно поплелись сзади. Подходя к краю скалы, Михаил вдруг наткнулся на выбежавшего из-за валуна Вадика. Тот отскочил и стал опасно озираться по сторонам, испуганно держа карабин на изготовке. Через мгновение, встретившись взглядом с Михаилом, он обрадовался такой встрече не меньше, чем Михаил собакам, но озабочено показал в сторону камня, пролепетав:

– Там что-то страшное! Ужас так и пробивает с головы до пят, аж собаки испугались и убежали...

Однако Михаил смело шагнул за Валун, держа копьё остриём вперёд. Но, не увидев ничего подозрительного, он прислонил копьё к камню и поднёс к глазам висевший на шее бинокль. Его взор был устремлён вверх, в расщелину, где начинались ступени, ведущие к лабиринту, но там было всё тихо и спокойно.

Вновь ничего не увидав, и даже не почувствовав, а чувствам Михаил стал верить больше чем глазам, он вернулся к ожидавшемуся его Вадика и собакам. Вадим по-прежнему был насторожен и испуган, как и собаки.

– Так... Приказываю всем успокоиться... Там всё тихо и спокойно, никого нет, но вот у меня к тебе вопрос – где ребята? – заглянув Вадиму в глаза, спросил Михаил.

Вадик начал что-то сбивчиво рассказывать, но Михаил его прервал, предложив пройти в лагерь и там

всё обсудить. Однако по дороге Вадим всё же рассказал всё что было, но сбивчиво и путано.

Придя в лагерь и попив чаю, Вадим успокоился окончательно, хотя до этого всё время озирался, пока шли. Допив чай, он первым делом стал задавать вопросы:

– А где Юля, что-то я её не вижу? А почему ты с копьём?

– А где твой карабин? А где лодка? А что случилось?

Михаил не выдержав его прямолинейного напора рявкнул на лаборанта, о чём тут же пожалел, увидев как Вадик весь скукожился. Он и так уже был сильно напуганный и выглядел уставшим не менее Михаила, только-только приходя в себя, а вопросы были реакцией на стресс, перенесённый им у пещеры...

– Так! Хорош мне тут допросы устраивать! Лучше ответь, где Николай с профессором, а то я из твоей белиберды ничего не понял?

– Я... Я, не знаю... Я у пещеры их ждал...

– Ну, а потом что? – более спокойным голосом спросил Михаил.

– А потом я уснул... Да... Ещё грохот какой-то был слышен, похожий на подземный взрыв...

– Ну, а потом?

– Потом я пошёл в пещеру, а там...

– Что там? – прерывая паузу, переспросил Михаил. – Ну что я из тебя всё как клещами вытягиваю, говори нормально!

– Там что-то страшное было, и вонючее, меня аж мурашки прошибли, даже собаки испугались и убежали. Ну, я выстрелил, и тоже убежал, как велел Николай... – Вадим стал более уверенно подбирать слова, стараясь рассказать Михаилу всё как можно подробнее.

– Я что-то не уловил, тебе стрелять Николай велел?

– Ну да. Когда уходил, так и сказал – «Если вдруг в пещере что-то появится или тебе что послышится, то стреляй, мы услышим». – Вадик совсем понизил голос, и сделав очередную паузу, добавил:

– А Борис Яковлевич сказал, чтоб я к тебе шёл, если они до утра не вернуться, и чтоб сам в пещеру не совался.

– Всё? Больше ничего они не говорили? – переспросил Михаил.

– Профессор ещё сказал, чтобы мы с тобой другой путь искали, как отсюда выбраться, если они не вернуться... А где Юля? – ещё раз неуверенно спросил Вадик, жалобно глядя на Михаила.

– Я бы и сам хотел бы знать где Юля? – Михаил встал и заходил вокруг стола, что-то бубня под нос.

Замолчав, Михаил вдруг резко остановился, и застыл на пару минут, затем так же резко сел за стол напротив Вадима, впялив в него пронзительный взгляд.

– Как ты думаешь, мы ещё в том измерении, или уже в этом? – спросил он лаборанта, по-прежнему не отводя от него глаз, словно хотел просверлить того взглядом насквозь.

– Ты это о чём? О каком Этом? – непонимающе спросил Вадик, пугаясь заданного ему вопроса.

– Ну, мы сейчас в «Другом Мире» или в Нашем?

– А я почём знаю? – искренне ответил удивлённый Вадим.

Михаил снова вскочил, и стал ходить из стороны в сторону, при этом собаки и Вадим вертели головами в след его движениям. А он всё метался и метался, не зная что предпринять, бубня что-то себе под нос и размахивая руками.

– Я понял как это можно проверить! – выпалил Михаил, снова подсаживаясь к Вадиму. – Пойдём к Капищу.

– Какое Капище? Его же ведь нет? – удивлённо выпятил на Михаила глаза Вадим.

– То-то и оно!!! Если его нет, то мы в нашем измерении, а если оно есть, то мы в «Другом Мире»! Пошли... – сказал он Вадиму, беря копьё и пустую сумку из-под продуктов.

Вадик нехотя встал и поплёлся за старшим товарищем, не сильно понимая, что тот хочет ему показать. Ведь они же уже проверяли. Но по ходу движения он включил соображалку и прибавил ходу, поняв мысль Михаила. Догнав его, он неуверенно спросил:

– Ну а если оно там, то нам-то что от этого?

– Ну, как это что? – переспросил Михаил, вынимая из кармана брюк две золотых монеты.

– Видишь это? – показал он монеты Вадиму, у которого тут же загорелись глаза. – Эти монеты с Капища. Если оно нам откроется, то это значит что мы в «Другом Мире», там же, откуда пришли дикари, и возможно похитили Юлю и Николая с Борисом Яковлевичем... Ты же сам сказал что в пещере было что-то страшное и вонючее... А что может вонять кроме дикарей... Вот мы и наберём с тобой на Капище украшений и золота, и выменять на него у дикарей наших товарищей. Если они конечно у них.

От слов Михаила лаборант, шедший за ним неспешно вдоль ручья, даже прибавил шаг, в предвкушении поскорее увидеть несметные сокровища «Золотой Бабы», с помощью которых они, смогут выручить своих товарищей. Даже собаки стали более активны, почуяв бодрый настрой своих новых хозяев и устремившись вперёд них...

Глава двадцать пятая

«Сокровища Золотой Бабы»

Дойдя до Капища, Михаил с Вадимом насторожились, сбавив шаг и взяв оружие наизготовку. Собаки первыми забежали за частокол, и лишь потом туда ворвались Михаил и Вадим. На Капище было пусто, лишь истуканы зорко смотрели на них своими рубиновыми глазами.

– Так Вадик, копаем землю и складываем в сумку золото и украшения, которые в ней найдём, только с подноса, что стоит у ног Идола, ничего не брать. – сказал Михаил негромко, словно боялся что его кто-то услышит...

Михаил стал копать грунт возле самой Золотой Бабы, перед этим перекрестившись, на всякий случай. Помимо золотых и серебряных монет попадались ювелирные украшения древней работы вперемешку с непонятно откуда взявшимися украшениями «времен коммунистического застоя». В какой-то момент Михаил увлёкся, пытаясь ножом выковырять глубоко ушедшую в землю, вертикально торчащую золотую вазу, с очень интересным орнаментом, в виде платиновой инкрустации. Откопав вазу, которая оказалась похожей на современный Спортивный Кубок из их

институтского спортзала, он стал её очищать и пытаться вытряхнуть содержимое. Из Кубка, вперемешку с землёй, вывалились бусы, хотя бусами их можно было назвать условно, так как камни из которых эти бусы состояли, были плотно нанизаны на прочную нить и имели форму многогранника, как игральные кости с точечками на каждой стороне, только вместо точек был изображён какой-то узор, и узор был на каждой грани свой. Михаил очистил бусы от остатков земляного налёта и стал внимательно рассматривать. Узор оказался рунами, из которых можно было составить надпись, повернув камешки нужной стороной друг к другу. При этом камни были полудрагоценными и разного цвета и оттенка. А ещё из Кубка выпал Золотой Ключик, на который Михаил сразу и не обратил внимания. Немного повертев в руках «бусы» он бросил кассой взгляд на другой упавший из Кубка предмет и только тут рассмотрел, что этот Ключ не простой.

– Ого!!! Как в сказке – Золотой Ключик! Раз есть Ключик, значит где-то есть таинственная Дверка, которую он откроет. – подметил вслух Михаил.

Копавшийся рядом Лаборант переспросил:

– Какая дверца? Ты это о чём?

– Да вот нашёл Золотой Ключик. Теперь осталось найти каморку Папы Карло и потайную дверцу... – пошутил Михаил.

– Дай мне взглянуть! – бросился к Михаилу Вадик, чуть ли не вырывая у него из рук таинственный предмет.

Ключик оказался небольшим, но замысловатым, как от старого бабушкиного сундучка, который в детстве очень сильно интриговал Вадика, когда он бывал летом у предков в деревне. Ему постоянно хотелось заглянуть в этот секретный «Бабушкин сундук», ключик от которого бабушка вместе с крестиком носила на шее. Вадик думал, что в этом небольшом сундучке скрыты невероятные богатства, он даже один раз попытался снять ключик со спящей бабули, но она его подмяла под себя, заграбастав своими сильными, но нежными руками и уложив спать рядом с собой. Тайна «Бабушкиного сундучка» перед Вадимом раскрылась намного позднее, когда любимая бабушка умерла, оставив дом в деревне ему в наследство. После похорон и всех связанных с этим скорбным событием хлопот, оставшись вечером один, Вадим с трепетом ребёнка достал старый сундучок из-под кровати, которая была чуть менее старой, чем сундучок. Вставив в небольшое отверстие тот заветный ключик, он медленно и осторожно повернул его. Хруст замочного механизма пролился музыкой в его Душе, а в голове пробежали сюжеты из детства, беззаботность которого уже никогда не коснётся его щеки и волос руками Бабушки Матрёны. Вадим слегка приоткрыл крышку, словно опасаясь ослепнуть от ожидающих его внутри сокровищ, доставшихся ему в наследство. Зажмурившись, он открыл сундучок, и запустил в него руку. Рука нащупала какие-то предметы и бумажные свёртки. Открыв глаза, Вадик испытал некоторое удивление и разочарование. В сундучке лежали какие-

то тряпки, а под ними: письма от деда с фронта, какие-то документы, среди которых он нашёл и похоронку на деда, старые фотографии, серебрянное обручальное кольцо, двое стеклянных бус, медную заколку, медные пуговицы с орлами, часы на цепочке и серебрянный николаевский рубль. Бумаги были перевязаны шёлковой красной ленточкой, а предметы помельче лежали в бархатном мешочке... Эти ностальгические мысли Вадик навевал зажатый в его руке ключик...

Вспоминая всё это, Вадим не заметил, как Михаил продолжал рыть ножом уже довольно таки глубокую ямку, на том месте, где перед этим он откопал «Кубок». Из задумчивости Лаборанта вывел звук удара ножом о какой-то деревянный предмет. Мужчины не сговариваясь кинулись рыть землю руками. Через несколько минут они вытащили из ямы в земле отрытой ими возле ног Золотой Бабы небольших размеров прямоугольный сундучок. Он был примерно, сантиметров 20 высотой, шириной где-то – 40, а в длину около 60 сантиметров...

Очистив Сундук от земли, ребята стали заврожено на него смотреть. Он был сделан из тёмной, и судя по весу, из плотной и твёрдой породы дерева, по углам обитый таким же тёмным, почти чёрным металлом, на котором не было ни миллиметра ржавчины. Ручки сундучка были узорчато-скрученными, в виде переплетённых змей и каких-то веток, а на

металлических частях окантовки сундучка были выбиты замысловатые узоры, напоминавшие арабскую вязь, но явно другого стиля. На крышке был выдавлен рисунок: Круг, по краям поделённый на 16 частей, где каждая часть соответствовала определённому свастическому знаку, а внутри Круга был рисунок, очень похожий на изображение нашей Солнечной системы в миниатюре, где выдавленные части отдельных планет были заполнены разного цвета краской, а солнце, изображенное, как и положено посередине, выглядело таким, как из детской книжки – с глазами и улыбающимся ртом.

Михаил провёл рукой по поверхности сундучка, внимательно всматриваясь в Космический сюжет, понимая, что перед ним карта астрономического неба, но что-то в этом сюжете было не совсем так, как принято в современной астрономии. И тут он понял, что на рисунке не так, когда сосчитал кружочки планет, их было больше – 27, а в том месте, где обычно располагают пояс астероидов – была планета. При этом всё изобилии разноцветных точек на поверхности сундука, Землю Михаил определил сразу – она, как и положено, была голубоватого цвета. Вводило в заблуждение лишь то обстоятельство, что вокруг неё было две точки, определяющие её спутники. Возле каждой точки была выдавлена какая-то надпись... Возле точки, расположенной ближе всего к Солнцу, был знак, похожий на букву «Е», возле следующей планеты был знак похожий на букву «З»... Значёк, нарисованный возле Земли был похож на

«Прицел» (круг, разделённый линиями пополам)... ещё один значок был похож на вздыбленную кобру или на вопросительный знак... В общем, у каждой точки был свой значок...

Вадику не терпелось открыть сундучок, тем более, что ключик от него был в его руке. Он пристально смотрел на Михаила, пока тот ощупывал сундук. Михаил кивнул ему головой – мол пробуй, открывай.

Вадим осторожно и так же трепетно, как в своё время в сундучок бабушки, вставил ключик и уверенно повернул. Механизм сработал легко и беззвучно, словно и не было того времени что он провёл в земле. Открыв крышку, как и несколько лет тому назад, в доме у любимой бабули, он испытал удивление и разочарование. В сундучке лежала книга. Она была вся покрыта толстым слоем прозрачного воска, или некой субстанции похожей на воск, на первый взгляд даже было сложно определить, но от этого покрытия исходил умиротворяющий и нежный аромат, рисующий в голове образы лугов и полей, поющих птиц и собирающих нектар пчёл. После некоторого замешательства Михаил положил на книгу свою правую руку, ощутив тепло и лёгкое покалывание, которое разлилось по его телу блаженством, словно его внутренности наполняла энергией Солнца, вытекающая из этой книги...

– Что это??? – с неподдельным интересом спросил Вадим.

– Как что... Какая-то очень-очень древняя книга... И не поверишь, от неё исходит тепло, словно она живая! – ответил Михаил, беря руку Лаборанта и прислоняя её к книге.

– Обалдеть... И правда тепло! Чудеса, да и только!!! – Вадик искренне был поражён увиденным, восхищаясь тем ощущением, которое он испытал на себе, в такой необычной ситуации.

– Похоже, что это древняя книга ценнее всех нарытых нами сокровищ. Во всяком случае мне так кажется... – Михаил задумался над сказанным, слегка сдерживая волнение в голосе, а потом более уверенным тоном добавил:

– Нет... Не кажется... Я в этом просто уверен... Она ценнее даже всего того золота которое зарыто тут... И даже там... – он показал рукой за горы...

Соскоблив с торцов книги воск, Михаил открыл её и обомлел. Листы книги были сделаны из очень тонкого листа платины, этот металл Михаил мог легко определить, не раздумывая, так как в их лаборатории из платины были сделаны специальные розетки для проведения опытов. На металле был выдавлен текст и залит красной краской, как кровью, хотя возможно, что красная аль и могла быть кровью. От такой мысли по всему телу Михаила мурашками пробежало волнение, и он резко закрыл книгу.

– Ты чего? – спросил Вадим. – Давай посмотрим...

– Сейчас... Подожди немного, Дух захватило... И Сердце что-то Ёкнуло... – не сразу ответил ему Михаил.

– А листы из чего сделаны? – задал риторический вопрос Вадик, сам на него и ответив. – По цвету похоже на миски из нашей лаборатории.

– Да Вадик... Ты удивительно проницателен... Это платина... – с придыхательными паузами ответил Михаил. – Действительно, как миски из нашей лаборатории.

– И что в ней такого в этой платине? Что Ты так руку от книги отдёрнул, словно током ударило... Кстати, у нас в лаборатории этой платины полно... Миски как миски. – Вадик, сказав это, даже помухортился, видимо вспомнив какие-то неприятные моменты из лабораторной жизни.

– Да в общем-то ничего такого... Если только не считать того факта, что платина дороже золота... И что этой книге, даже по беглому взгляду, как минимум несколько тысяч лет... – сказал Михаил, вновь потянувшись к книге, которая его каким-то магическим образом притягивала.

Открыв книгу ещё раз в самой её середине, Михаил стал жадно всматриваться в слова, написанные явно Древнерусскими буквами, и которые сами притягивали к себе его взгляд. Текст, словно проникал в него сам по себе.

Он не понимал, как это происходит, ведь для него Древнерусские тексты были незнакомы, а тут вдруг слова, на которых он останавливал свой блуждающий взгляд, становились для него понятными, и как бы сам входил в его сознание, пробуждая в голове соответствующие образы:

«Тяжкие времена принесёт поток Реки Времени на Святую Землю Расы Великой... И останутся на земле сей лишь Жрецы-Хранители Древнего Знания и Мудрости Потаённой... Ибо используют люди Силу стихий Мидгардъ-Земли и уничтожат малую Луну и Мир свой прекрасный... И повернётся тогда Сварожий Круг и ужаснутся людские Души...».

Не дочитав, Михаил перевернул две следующие пластины и вновь остановил свой взгляд на тексте:

«Эти Кащеи, правители Серых, сгнули вместе с Луной в получасье... Но расплатился Мидгардъ за свободу Даарией, скрытой Великим Потопом... Воды Луны тот Потоп сотворили, на Землю с Небес они радугой пали, ибо Луна раскололась на части и ратью Сварожичей в Мидгардъ спустилась...».

Прочитав ещё несколько страниц, Михаил ощутил усталость, как будто прочитанный им текст наполнил его мозг увиденным, давя на его сознание непосильной тяжестью. От напряжения у него разболелась голова, а сердце стало учащённо биться.

Даже кусочек информации из этой книги давил своей значимостью, и для неподготовленного человека был опасен. Михаил ощутил это всей своей сущностью. Он закрыл книгу и положил её обратно в сундучок, замазав края воском. Затем закрыл на ключ, а ключ положил в нагрудный карман рубашки, который застёгивался на пуговицу.

– Что Ты там прочитал? Я видел, как у Тебя шевелились губы, а потом... А потом ты побелел... – и не дождавшись ответа, Вадик задал новый вопрос:

– Там написано что-то очень страшное? Да...

– Да... И это про нашу Землю... – ответил ему Михаил...

Лаборант погрузился, но расспрашивать дальше товарища не стал, как-то вдруг самостоятельно ощутив сложность момента. И чтобы не загоняться темой дальше, начал снова набивать рюкзак драгоценными безделушками, выкапывая их из земли, ползая на корачках вокруг идолов...

Они ещё довольно долго рыли землю вокруг Золотой Бабы, набрав целую сумку украшений из золота и серебра с дорогими самоцветами, а так же много старинных золотых и серебряных монет, кубков, перстней и браслетов. Накопали столько, что до лагеря сумку еле донесли, так много было в ней драгоценностей...

Ближе к вечеру, когда Михаил с Вадимом разглядывали повнимательнее нарытое, разложив его на столе, где-то за скалами раздался сильный гром, а сквозь нависшее над озером облако, пробила молния. Эхо грозового раската пронеслось над Каньоном несколько раз, напугав молодых людей. В этот момент Михаил держал в руке большой перстень, серебристо-титанового цвета с большим тёмным камнем, как бы светившимся изнутри тусклым светом. Но когда ударила молния, камень вспыхнул на мгновение ярким светом, и снова стал тёмным. После небольшой паузы, вновь ударил грозовой раскат и почти тут же небо прорезали яркие всполохи. Одна из молний ударила в скалу на противоположном берегу, где была та пещера, куда вчера ходил Михаил. Он невольно повернул голову в ту сторону...

– Миша смотри, камень светится! – испуганно и заворожено проговорил Вадим, показывая на перстень.

Михаил, в это время смотревший на то место куда ударила молния, не сразу понял о чём говорит Вадик. Перстень интересовал его на тот момент в меньшей степени. Но когда он одел перстень на средний палец своей руки, вдруг вновь ударил гром и сверкнула молния.

Камень на перстне выпустил отблеск яркого луча, который по своему направлению сошёлся со вспышкой молнии на противоположном берегу! Эта мгновенная вспышка привела Вадика в оцепенение, а Михаил не сводил глаз со скалы куда показывал луч,

сверкнувший так же быстро и так же ярко, как удар хлестнувшей по противоположному берегу молнии.

– Вадик это знак! Это знамение!!! – закричал Михаил, тряся Вадима, который никак не мог придти в себя от увиденного.

– Вадик это знамение! Кажется мой план сработал... Там должен быть выход... – более спокойно сказал Михаил, показывая на противоположный берег, туда, куда ударила только что молния, сойдясь с лучом от перстня, но это почему-то, было чуть выше того места где стоял вертолёт.

– Странно... Молния ударила чуть выше и левее... – подумал Михаил, добавив вслух: – Ладно, завтра проверим.

– А как мы туда без лодки доплывём? – спросил пришедший в себя Вадим.

– Очень просто, на плоту. – тут же ответил Михаил, хлопнув лаборанта дружески по плечу.

– Хватит побрякушки разглядывать, сворачиваемся. – радостно засуетился Михаил, убирая сокровища в сумку, оставив лишь магический перстень на руке...

Поужинав, они легли спать, но сон никак не одолевал. В голову лезли всякие мысли, нарушавшие придел возможного восприятия разума. Всё то, что происходило с ними в этом странном месте, полностью поменяло их представление о жизни и о смерти, да и пожалуй, о всей Вселенной тоже, хотя до этого, такие масштабные умозаключения в голову приходили редко.

Голова Вадима бурлила мыслями как пчелиный улей, роившийся тысячами жужжащих пчёл. Он думал о Юле, о Борисе Яковлевиче, о золоте, а то о том, как они прибудут в Институт, и что там только о них и будут говорить. Вдруг его мысли неожиданно переметнулись на воспоминания о Николае, про лошадей подумалось, которые останутся наверное тут навсегда... Он никак не мог сосредоточиться на чём-то конкретном, постоянно перескакивая с одной вырисовывающейся в голове картинки на другую...

Михаил тоже никак не мог уцепиться за какую-нибудь мысль, постоянно перескакивая с одной на другую. Однако это он делал специально, чтобы не заикливаться на думках о Юле, боясь даже себе представить, что может потерять её здесь навсегда... И тем не менее, дурные мысли лезли и лезли в голову сами собой, а Михаил их всё гнал и гнал прочь, переводя дурные образы в голове на другие темы, не в силах что-либо предпринять, ибо в данной ситуации от него уже ничего не зависело...

Глава двадцать шестая

«Возвращение»

Как только предметы вокруг стали проступать из полумрака, а утренний туман понемногу рассеиваться, Михаил с Вадимом начали делать плот из тех жердей, что нарубили когда-то для завала в лесу. Жерди между собой связали верёвкой. В общем, к обеду, когда туман уже полностью рассеялся, плот был готов и все вещи на него уложены. Хотя собрать-то особо было и нечего: сумка с продуктами и снаряжением, да сумка с драгоценностями... Ларец с книгой Михаил убрал в рюкзак, закинув его себе за спину...

– Ну что Вадик... Давай посидим на дорожку, попьём чайку и в путь. – снимая с костра чайник произнёс Михаил.

– А чайник с собой возьмем или здесь оставим?
– вдруг как-то неожиданно для Михаила спросил Вадим.

– А ты молодец... Я как-то об этом не подумал... Наверное стоит оставить, а то вдруг наши сюда опять попадут...

– А может им какой-то знак оставить или письмо. – продолжил свою мысль лаборант.

– Точно... Ты Вадик голова... Как же я сам-то не додумался... И вот ещё что, надо на Капище сходить. – ответил Михаил.

– А на Капище-то зачем? – удивился Вадик.

– Посмотреть, на месте оно или нет... Да и надо у этой Золотой Бабы спросить дозволение на уход отсюда с её сокровищами... Надо что-то взамен оставить, а то мы вчера нахапали всего как воры, даже ничего не сказали и не объяснили. Боюсь что нас могут и не выпустить. С Богами шутки плохи.

– Да... Пожалуй ты прав... – после некоторой задумчивой паузы отреагировал Вадик.

– Так... Я пойду отнесу назад Кубок, ну и оставлю что-нибудь ещё, а ты вырежешь на столе надпись: «Мы ушли в горы на другой стороне озера». – продиктовал текст Михаил.

– Хорошо... – без особого энтузиазма отреагировал Вадим на данное ему задание, доставая свой раскладной ножик.

– Ну вот и славненько... – сказал Миша, беря с собой Золотой Кубок.

– Да, и не расслабляйся тут... Повнимательнее... – добавил он уходя...

К Капищу Михаил шёл неспешно, постоянно прислушиваясь и внимательно оглядывая окрестности. Дойдя до того места где ручей небольшим водопадом спадал в озеро Михаил умылся, смочил шею и грудь

и набрал во флягу воды. Вдоль ручья он пошёл ещё более осторожно, чем шёл до этого. Его тело превратилось в сгусток энергии, готовое в любую секунду к непредсказуемым действиям, однако гробовая тишина не сулила ничего плохого, как в прочем и ничего хорошего. Подойдя к частоколу, Михаил прислушался. Всё та же мистическая тишина звенела в ушах. Он прошёл к Золотой Бабе, положил в открытую ими вчера ямку Золотой Кубок и закопал его. Затем попросил у Божества прощения, объяснил ситуацию и поклонился, при этом зачем-то перекрестившись три раза, словно был не на Капище, а в Христианском храме. Когда он поднял голову и осмотрелся, то заметил как рубины в глазницах Идолов-Охранников засверкали ярко-красным светом, а в его сознании промелькнула мысль: «оставь что-то самое ценно, что у тебя есть...».

Михаил не сразу понял откуда взялась эта мысль, словно она исходила не от него, а возникла сама собой, проникнув в его голову откуда-то снаружи. Посмотрев более пристально на Золотую Бабу, Михаил почувствовал мощный поток энергии, пронизывающий его насквозь. И тут он всё понял – Божество просило от него что-то взамен, поняв и приняв его слова, но при этом требуя дань, в виде какого-то подношение. Миша стал торопливо думать что оставить, а самое главное, он стал сам для себя определять, то дорогое что у него есть. Он осмотрел себя с ног до рук, остановив взгляд на дорогих Швейцарских часах.

Расстёгивая ремешок, Михаил проговорил вслух:

– Я оставляю тебе Золотая Богиня самое дорогое что у меня есть – «Своё Время»!!!

После этих слов Михаил снял с себя часы и прикрепил их к руке младенца, сидевшего на коленях Золотой Бабы. Затем помедлив несколько минут, произнёс:

– А теперь позволь мне Богиня взять «Твоё Время»? Я обещаю относиться к нему бережно и с почтением!

После этих слов в груди Михаила колыхнулась какая-то тёплая волна, лёгкой негой обволакивая всё его тело, а на сердце стало светло и радостно, словно и не было того напряжение что он испытывал в последние дни...

Поняв, что таким образом Золотая Баба даёт ему «Добро», Михаил снял с руки младенца Командирские часы и ещё раз поклонился Божеству. Подняв голову, он посмотрел на Идолов. Их рубиновые глаза медленно затухали, как угольки в гаснущем костре...

– Ну что там Золотая Баба... Добро дала??? – поинтересовался Вадим, встречая Михаила у ручья.

– Дала... А ты почему тут, я же тебе дал задание...

– А всё уже сделано шеф! – бодро отозвался лаборант, перебивая старшего товарища, не дав тому договорить.

– Молодец! Сейчас посмотрим...

Подойдя к столу, Михаил прочитал вырезанную надпись: «Мы ушли в горы искать выход на той стороне озера... Миша и Вадик...».

– Ну что ж, сойдёт и так... Надеюсь что кто-то это прочтёт...

– Ого... Ты свои Швейцарские часы обменял на Командирские... Или это такую дань пришлось заплатить? – поинтересовался Вадик, заметив на руке Михаила Командирские часы.

– Ты сегодня внимателен и проницателен... Это радует... Надеюсь что и дальше ты будешь так же собран и настроен, ибо на карту поставлено Всё! В том числе и наша Жизнь!!!

Последние слова Михаил выделил особым тоном, дав понять, что шутки кончились...

Ещё раз всмотревшись в противоположный берег озера, как бы определяя конечную точку маршрута, Михаил сказал:

– Поехали...

Они с Вадиком стали дружно грести по разным сторонам плота, неспешно приближаясь к своей цели. Уровень воды в озере был в тех пределах, что и в тот день, когда Михаил впервые увидел Вертолёт на его дне. Когда они причалили к выступу скалы, где предполагалось искать вход в пещеру, Михаил ещё раз направил руку с перстнем в сторону возвышающихся гор, как бы сканируя пространство. Примерно на

высоте 30-40 метров, прямо перед ними, что-то ярко блеснуло.

– Нам туда!

Сказав это, Михаил подхватил сумку со снаряжением и полез в гору. Вадику досталась сумка с драгоценностями. Взяв её, и подождав немного пока его старший товарищ поднимется чуть выше, стал тоже карабкаться вверх.

Когда они добрались до небольшого плато, то устали так, словно только что пробежали несколько километров кросса в полном военном снаряжении. И тут, тяжело дышавший Вадим поймал себя на мысли, что впервые пожалел о таком количестве богатства находящегося в его тяжёлой сумке. Отдышавшись и осмотревшись, они увидели чуть выше плато большой чёрный камень, поверхность которого с лицевой стороны была отполирована до блеска. Михаил направил на этот камень свой перстень – и тот засверкал, словно внутри его была скрыта мощнейшая лампочка.

– Мы у цели, вход должен быть где-то тут. – произнёс Михаил направляясь к камню.

И действительно, за чёрным камнем были ступени, ведущие к небольшой пещере, больше похожей на лаз, чем на вход в подземелье. Со стороны этот лаз увидеть было бы совершенно невозможно, так всё было устроено кем-то, и лишь тот, кто обладал подсказками, в виде чёрного камня, мог добраться сюда.

Они достали фонарики и осторожно стали подниматься. Первым в отверстие в скале полез Михаил. Он прополз на карачках несколько метров по уходящему в сторону коридору и оказался в достаточно просторном зале полукруглой формы. Зал расходился от того места где он стоял в стороны примерно на шесть-семь метров, имея на противоположной стороне два овальных выхода.

– Вадик давай ползи, тут недалеко...

Из входного отверстия сначала появилась сумка, а затем и сам лаборант. Он заполз в зал, сел у стенки и закрыл глаза, видимо стараясь адаптироваться к темноте. Михаил присел рядом, выключив фонарь и так же закрыв глаза. Несколько минут они сидели рядом молча, с закрытыми глазами, прислушиваясь к окружающей тишине и своему внутреннему Я.

Первым молчание нарушил Михаил:

– Лево или Право?

– Что Лево или Право?

– Просто ответь – Лево или Право...

Помолчав немного, Вадик ответил:

– Право... Ведь наше дело Правое – и Победа будет за нами...

– Ну вот и я точно так же думаю... – после некоторой паузы сказал Михаил. – Значит, пойдём по Правому проходу...

Посидев ещё немного, они не сговариваясь встали, и двинулись к Правому выходу из зала. Коридор оказался достаточно широким, по которому можно было идти в полный рост. Пройдя примерно с полкилометра они остановились перевести дух, или им так показалось что прошли они полкилометра, а может быть и больше, ведь время здесь шло не так, как на поверхности, просто шли они довольно долго. В правой боковой стене была ниша, в которой было круглое отверстие, снутри перекрытое каменной глыбой. Осмотрев нишу, и не найдя ничего такого, за что можно было бы уцепиться хотя бы взглядом, они пошли дальше. Шли они так достаточно долго, при этом коридор петлял несколько раз, но разделений нигде не было, лишь в одном месте им пришлось обходить по краю стены большой провал в полу...

Вдруг коридор упёрся в тупик, справа от которого была небольшая ниша с круглым отверстием, почти такая же, что они видели ранее, но уже с открытым входом. Через круглый метровый вход Михаил и Вадим попадают в какую-то пещеру, а точнее говоря – камеру, размером три на три метра. Попав в эту камеру, Михаил стал осматриваться.

– Вадик, ищем какой-нибудь необычный выступ или наоборот углубление.

– Есть! Отпечаток ладони, как там, у входа к озеру, что нашёл Николай...

– Молодец!!! Я же говорю – ты сегодня просто сама собранность и внимательность...

– Ну что, пробуем!

Михаил приложил руку к проявленному на стене силуэту ладони, и продержал так руку несколько минут, но ничего не произошло. Он убрал руку и приложил через минуту снова, но опять всё было как прежде.

– Ну-ка Вадик, приложи ты, может у тебя получится.

Вадик приложил свою руку, но всё без результата, ничего не менялось в их окружении и в их ощущениях.

– Что-то мы с тобой делаем не так. – высказал свою мысль Вадим. – А может просто надо наметить путь или место, куда мы хотим попасть, мы же не определились с тобой, что нам надо?

– Как же ты Прав... Прав во всём!

И Михаил ещё раз приложил руку к отпечатку ладони, но при этом, почему-то представив то место возле скалы, где они видели рисунок ящерицы с солнцем и древний жертвенник.

После этого вход в камеру вдруг перекрыла упавшая сверху каменная глыба, а через несколько мгновений их ослепила яркая вспышка, заставившая сильно зажмуриться. Придя в себя и открыв глаза, они не поверили увиденному, в круглое отверстие входа заглядывало Солнце!

Вадим первым выглянул наружу, осматривая окрестности. Вылезая из камеры он радостно закричал:

– Миша, у нас получилось! Это же тот Дольмена на Скале, что стоит над Храмом Огня, где мы были

вместе с Николаем и Борисом Яковлевичем... Ну помнишь тот алтарь у подножия...

– Помню. – как-то невесело буркнул Михаил, вытаскивая сумки.

Перед ними как на ладони был открыт простор, с уходящим за горизонт Солнцем. Этот простор пугал и радовал одновременно, так как вырвались они из плена времени одни без товарищей, и не известно ещё в какое время попали. Судя по цвету листьев на деревьях и прохладному воздуху, на улице была уже осень.

– Ну что, надо где-то тут спрятать наши сокровища, и идти в посёлок. – предложил Михаил.

– Здесь под Дольменом есть вход в Храм Огня, можно там сумки спрятать. – предложил Вадим.

– Пойдем, посмотрим, где тут Храм Огня.

Спустившись чуть вниз с правой стороны горы, они увидели заросший вход в Храм. В Храме было сухо, но темно. Просмотрев все стены, они нашли нишу с отодвигающимся камнем. Ниша была достаточно большой, да и камень её прикрывающий был внушительных размеров, но кем-то уже давно приоткрытый. Вынув из сумки несколько драгоценностей и монет, Михаил положил сумку и рюкзак с книгой в нишу, после чего они с Вадиком придвинули камень, который оказался тяжелее, чем им показалось с первого взгляда. Затем они набили в стыки между стеной и камнем мох, чтобы не было видно швов, и забросали сверху ветками. Вход в храм тоже завалили камнями и ветками, после чего

спустились к подножию горы, устроившись там на ночлег, так как Солнце уже совсем скрылось за горизонтом...

– Ну что Вадик делать будем? – сидя у костра и доев последнюю банку тушёнки спросил Михаил. – кроме сухих галет у нас с тобой ничего не осталось.

– Не знаю, нам бы до заимки Николая добраться, а там видно будет. Там какие-то припасы у него есть.

– Припасы это хорошо, а вот что говорить будем, когда до людей доберёмся? Про сокровища говорить, думаю, не стоит, если конечно хотим в живых остаться. А то ведь, как только о них кто-то из местных узнает, мы можем до города и не добраться. – высказал свои мысли Михаил.

– Согласен... Да и в городе я думаю, на эту тему не стоит распространяться. Соорудим новую экспедицию, и приедем товарищей выручать. А сокровища потом с ними разделим. Думаю, что так будет справедливо. – вопросительно посмотрел на Михаила Вадик.

– Конечно же, справедливо. А главное разумно. – не раздумывая согласился Михаил. – Но, это не самое главное. Судя по всему, мы отсутствовали несколько месяцев, и что объяснять-то будем – где были, где остальные члены экспедиции?

– Ты прав, тут есть над чем подумать? – ответил лаборант.

– Если рассказать всё как было – это прямой путь в дурдом! – продолжил свои мысли вслух

Михаил. – Нас не поймут и не поверят... А если, не дай бог поверят, то будет ещё хуже...

Наступила длинная молчаливая пауза. Мужчины сидели и смотрели на языки пламени, каждый думая о чём-то своём...

Встали они рано, и с первыми лучами Солнца отправились в сторону Николаевой заимки, до которой добрались лишь на второй день. По дороге им здорово повезло, они умудрились подстрелить крупного тетерева и поймать рыбу в реке. У Кузиного камня ненадолго остановились, оставив Снежному Человеку дань, в виде старинного бронзового украшения.

Добравшись до заимки проводника, Михаил с Вадиком остановились в растерянности. Было такое впечатление, что тут не ступала нога человека как минимум несколько лет. Изба покосилась и заросла таким бурьяном, что была видна только наполовину. Навес над сеновалом и вовсе обвалился. Всё вокруг говорило о полном запустении. Они с трудом пробились к входу и ели-ели смогли открыть покосившуюся дверь. Внутри помещения был такой слой пыли, что даже не верилось, что тут совсем недавно жили люди. Бочка возле очага совсем рассохлась, зияя широкими трещинами. Хорошо ещё что ведро было на месте и цело.

– Ладно, Вадик, давай сбегай за водой, а я немного приберусь и очаг разожгу.

Михаил развёл огонь, смахнул пыль со стола и с лавок, и вытряхнул на улице покрывала с лежака, которые уже совсем прогнили. Вадик принёс воды и они стали готовить ужин из рыбы, что-то наподобие ухи, но без всяких добавок, хорошо ещё что в доме соль и перец нашлись.

– Слышь Миша, у меня такое впечатление, что мы отсутствовали несколько лет, а не месяцев. – почему-то шёпотом проговорил Вадим.

– Да я и сам уж боюсь тебе о том же сказать. Представляешь если это так, то нас уже дома похоронили...

Рыбную похлёбку ели молча, говорить почему-то не хотелось, в голову лезли всевозможные мысли, не совсем приятные и разумные. Радости от того, что они вырвались из плена Чёрного озера, почему-то не было никакой, была тревога и неопределённость...

– Ну, так что будем говорить-то? – первым нарушил молчание Вадик. – Ведь если нас не было несколько лет, то банальное оправдание «заблудились» не прокатит.

– А так и скажем, что добрались до Чёрного озера, а там попали в какой-то подземный лабиринт, и заплутали. Где остальные не знаем, так как решилиделиться и искать выход каждый самостоятельно. Ещё скажем, что питались летучими мышами и крысами – так быстрее от нас отвяжутся. – предложил свой план Михаил. – Ведь всё равно говорить-то больше нечего.

– Пожалуй ты прав, такая простая версия будет самой приемлемой. – согласился Вадик. – А то, если валить всё на потерю памяти, то точно упекут в психушку...

До посёлка Качнар добрались без особых приключений, не задерживаясь особо нигде в пути, ноги сами несли путников к людям. Посёлок встретил Михаила и Вадика насторожено, встречавшиеся люди косо смотрели на чужаков. Было видно, что в посёлке некоторое запустение, и всё выглядит не так, как было в их уход отсюда.

Они подошли к правлению, но, несмотря на полуденный час, на двери висел увесистый замок.

– Мужики вам кого? – поинтересовался полупьяный местный житель, заправивший рубаху в штаны вместе с наброшенной сверху курткой. Видно он оправлялся за углом, а теперь пытался впихнуть рубаху и куртку одновременно, но штаны упрямылись и мужик злился.

– Нам начальство нужно, не подскажешь где найти?

– А какое именно? – переспросил мужик, по прежнему пытаясь заправить куртку в штаны.

– А самое главное... У кого деньги есть и машина... Нам до станции нужно добраться... – ответил ему Михаил спокойным голосом.

– Ну понял, это вам к Петровичу надо, нашему местному Кооператору, он у нас тут всему голова...

Петрович, крепкий мужик среднего возраста, принял гостей настороженно, у порога своей усадьбы, пристально всматриваясь в лица чужаков:

– Чего надо, и как сюда забрели?

– Помощь нужна, мы с другом заблудились, нам бы до станции добраться. – начал разговор Михаил. – Не поможете, мы в долгу не останемся.

– Заблудились говорите... Ну допустим, – Мужик недоверчиво покосился на карабин, который был в руках Михаила и на сумку что держал Вадик. – А я-то вам чем помочь могу, и про какой долг речь?

– Ну если вы нас до станции отвезёте мы вам заплатим. – уловив взгляд Петровича, Михаил тут же предложил. – Можем карабином расплатиться.

– А вы вообще как сюда попали-то, я у нас туристических маршрутов что-то не наблюдал?

– Да мы к старому армейскому товарищу приехали, а он, говорят, пропал, мы к нему на заимку отправились, а там полное запустение, вот и не знаем что делать.

– И кто же это тут у нас такой вояка? Я вроде всех в округе знаю, что-то не пойму о ком вы говорите?

– Да Николай его зовут.

– Николай!!! – удивлённо присвистнул Петрович.
– Так он десять лет как пропал!!!

– Но мы-то не знали, думали, живёт себе тихо и мирно человек в лесу, дай наведаемся... А тут такое непонятное дело...

– Да, дело действительно непонятное. – призадумался Кооператор – Даже не знаю как с вами и быть... А что в сумке-то, может что поценнее найдётся, чем карабин?

– Фонарик, несколько файеров... – открывая сумку, показал Михаил. – Но это за дополнительную плату, нам билет на поезд ещё купить надо.

– Хорошо, выручу, тем более что Николая я уважал, хороший мужик был, хоть и балагур...

– Николай – балагур? Да ты мужик гонишь. – И Вадик с Михаилом так искренно удивились, посмотрев друг на друга, что Петрович заулыбался.

– Ну теперь вижу что вы его правда хорошо знали, балагуром его действительно назвать трудно... Это я вас проверял... – немного потеплев взглядом, сказал Петрович, уточнив детали:

– Когда нужно ехать и сколько вам денег надо?

– Петрович, денег нам только на билет надо, да и пожевать чего-нибудь в дорогу, к тому же, мы в долгу не останемся по любому, на следующий год подготовимся посерьёзнее и приедем своего друга искать... Даже можешь не сомневаться – приедем обязательно, не верится что он вот так просто пропал, не такой человек Николай, чтобы за просто так сгинуть.

– Ну что ж, надумаете приехать и разобраться с этим делом – помогу, чем смогу... А сейчас пойду готовить машину...

Борис Яковлевич, проснувшись в пещере в полной темноте, вдруг почему-то вспомнил слова Николая Гумилёва, промелькнувшие в его памяти словно приговор:

*«И тут я проснулся и вскрикнул – Что,
Если Страна эта истинно Родина мне?
Не здесь ли любил я и умер, не здесь ли,
В зелёной и солнечной этой Стране?
И понял, что я заблудился навеки
В пустых переходах пространств и времён,
А где-то струятся Родимые реки,
К которым мне путь навсегда запрещён»...*

Послесловие

«Реальность»

Михаил одиноко сидел в зале своего загородного дома, уйдя в себя, после очередной выпитой бутылки Водки. На красивом резном столике горела одинокая толстая свеча, а так же, стояло несколько полупустых бутылок и тарелок с закуской. Этот преуспевающий бизнесмен был уже третий день в запое. Он в очередной раз обмывал ностальгический приступ по прошлому, вспоминая своих старых друзей, которых уже нет рядом, заливая воспоминания спиртным. В голову лезли бредовые мысли, вперемешку с нереальной реальностью:

Передо мной стоит стакан, наполненный Водкой до золотистой кромки. Я бы с кем-нибудь выпил, но вот беда, Я не пью, с кем попало...

Пламя свечи жжёт мне руку, Я чувствую жжение Небытия, а это значит, что Я ещё жив...
Хотя...

Следуя теории относительности, это всего лишь вопрос, вопрос времени и ощущений в беспредельном хаосе Вселенной. Реальность времени пугает, в пространстве бесконечной нереальности, ускользая

каждый раз от возможности её ощутить, словно горизонт, убегающий от путника с той же скоростью, с которой тот к нему стремится...

Хочется, просто – Быть, здесь и сейчас... Быть, а не казаться...

Лишь пламя свечи, лижущее мою руку, и оставляющее на ней ожёг, говорит о том, что Я – Есть. Хотя, даже это ещё не факт, ведь боль тоже может быть фантомной, и следовательно, нереальной в действительности, а только воображаемой, как в любви, когда не находишь взаимности, или теряешь её, не успев насладиться. Вроде как она Есть – ты чувствуешь её сердцем, а вроде как её и Нет, потому, что не можешь потрогать...

Реальность? ...

Реальность – это стакан, наполненный до золотистой кромки Водкой, да привкус крови на прикушенной губе. Вот всё, что является реальностью, на данную минуту моей жизни...

Я снова пью в одного, потому, что Я не пью, с кем попало...

Какой предел у человеческого терпения, и где кончается нечеловеческое?

Сколько стоит несказанное, тёплое слово, утонувшее в потоке ненужных, обиденных фраз?

Боль – это жизнь или смерть, или всего лишь грань между жизнью и смертью?

Возможно, ли определить стоимость жизни, и какова её себестоимость? Где можно найти ответы на эти вопросы?

В Себе, и только в Себе, беребя Свою ДУШУ!

Не каждому дано об этом даже задуматься...

Под жернова Небес дано попасть лишь раз, возможно, что потом сюда не впустят нас, Мы попросту умрём, Земле оставив Прах. Проснувшись поутру уже в других Мирах...

Как Нереальна Реальность на конце иглы смерти и страсти. Можно прочитать много книг и не понять их смысла. Можно думать, что ты живёшь и не жить. Можно слушать, но не слышать, даже собственного голоса. Можно кричать, но не быть услышанным. А можно молчать, сидя на траве в лесу, ощущая каждой клеткой своего тела – лёгкий шелест листьев, звучащий голосом жизни в пересказе мудрости книг, где страсти – это шаги разума в твоём сердце, скользящие нежною поступью Светлого Счастья... Не боящегося и не признающего Смерти... Ибо в сравнении с этим Смерть – всего лишь Миг, на Пути к новому Счастью...

Не бойся быть не Услышанным, когда тебе есть что сказать. Бойся Пустоты, застывшей комом в горле. Я снова пью в одного! Почему в одного? Потому, что Я не пью, с кем попало...

Хмель гоняет Звёзды по небу. В голове гудит улей. Как же обманчиво желание забыться и утонуть в болоте грёз, обильно политых вином, когда те, кого ты Любил, сами уже Звёзды...

Реальность!...

Стакан, вновь наполнен до золотистой кромки, в воздухе повис резкий привкус тоски, вперемешку с перегаром и запахом дорогого одеколона... А ещё пространство наполнилось Тоской по ушедшим! Тоска? Тоска! Тоска.

Что может быть реальнее боли – пронизывающей Душу, от непонимания тобой Реальности, и тебя в этой Реальности. Конечно, эту боль можно утопить всё в том же стакане с золотистой кромкой. Но Душу, Душу, мою грешную Душу – не утопить в бездонном угаре похмелья...

*«Реальность тонет, как в болоте,
В банальном слове – Я Люблю!
И только Душу, свою Душу,
Я даже ей не продаю!»...*

Реальность...

Стакан с золотистой кромкой, кровать, секс, разочарование и вновь пустота бытия.

Ночь с женщиной – ещё не женщина, ночь с женщиной – всего лишь ночь. В потоке очередных взлётов и падений Реальность растворяется, в поиске чего-то нового. Но лишь хлебнув нового – осознаёшь вкус потерянного старого.

Накрытый стол – свечи, вино, фрукты, и мнимый образ той, что ушла, не оставив Надежды. И вновь – приводишь в ночь, лишь ту, что переспать не прочь...

*«В реальном времени судьбы,
Читая ей свои псалмы,
Задумайся, взглянув на звёзды,
С каких высот упали Мы!»...*

Реальность?!!

Реальность – это то, от чего мы постоянно убегаем, или то, за чем мы безуспешно гонимся, в зависимости от точки расположения в пространстве и времени... Хотя... Это лишь вопрос времени...

Пространство и время, тоже могут быть Нереальными, а лишь Воображаемыми, пока Мы вообще что-то из себя воображаем...

Хочется Быть! Здесь и сейчас! И лишь с тем, с кем просто – Хорошо! Хочется Быть! Быть, а не казаться... Нереальная Реальность Желаний...

Пламя свечи снова жжёт мне руку, и Я чувствую это жжение Небытия, возвращающее меня в суетность этого Мира, и значит Я ещё жив, а следовательно Я существую, впрочем, жить и существовать – не одно и то же... Это разные ценности бытия...

Кто вообще определяет стоимость жизни и чем её можно определить – возрастом, сединой, морщинами, деньгами или счастьем, не выпитым до дна? А может Любовью, терзающей нашу Душу и рвущей её на части, словно злобный Цербер на пути к вечному блаженству? Но, даже если и можно определить стоимость нашей жизни, то кто же всё-таки определяет её себестоимость?

Реальность!

Реальность?

Реальность...

Я снова и снова рву вуаль судьбы, оголяя пред Миром нерв своей грешной Души, и, тем не менее, снова пью в одного, потому, что Я не пью с кем попало, вновь натываясь на очередную стену непонимания. Вот она – обыденная Реальность...

И всё равно, человеку необходимо общество,
даже если это общество – одиноко горящей свечи...

*«Наш Мир не плох и не хорош,
Он просто знает всему цену.
Лишь ценность жизни ускользает,
Не находя себе замену...»*

(Ульянов Ю. А.)

Оглавление

Предисловие.....	3
Глава первая «Михаил и Юлия, работники обычного НИИ».....	7
Глава вторая «Николай – таёжный отшельник».....	22
Глава третья «Михаил и Юлия, начало отношений».....	43
Глава четвёртая «Первые дни экспедиции».....	58
Глава пятая «Борис Яковлевич – учёный без страха и упрёка»	87
Глава шестая «Шаровая молния».....	99
Глава седьмая «Баня для женщин».....	111
Глава восьмая «Снежный человек Кузя».....	125
Глава девятая «Древний Алтарь и Храм Огня».....	140
Глава десятая «Чёрное озеро или чёрная дыра».....	171
Глава одиннадцатая «Загадочный лесной туман».....	183
Глава двенадцатая «Разделение экспедиции у реки».....	203
Глава тринадцатая «Переправа через речку Усь».....	218
Глава четырнадцатая «Каменная тропа или проклятое место»..	227
Глава пятнадцатая «Рука Судьбы или Коридор Времени».....	240
Глава шестнадцатая «Обустройство лагеря на Чёрном озере»..	249
Глава семнадцатая «Вертолёт на дне озера».....	260
Глава восемнадцатая «Подземный лабиринт».....	271
Глава девятнадцатая «Не раскрытая тайна озера».....	283
Глава двадцатая «Другой Мир».....	294
Глава двадцать первая. «Золотая Баба».....	314
Глава двадцать вторая «Утренний мираж».....	327
Глава двадцать третья «Похищение Юли».....	339
Глава двадцать четвёртая «Потеря товарищей».....	354
Глава двадцать пятая «Сокровища Золотой Бабы».....	369
Глава двадцать шестая «Возвращение».....	382
Послесловие «Реальность».....	399

г. Рязань. 2010 год.

Ульянов Ю. А.

*Сквозь трепет огненной Души,
Мы переходим в бесконечность,
Стараясь в смерти обрести,
Людьми не признанную вечность.*

*Переходя из жизни в жизнь,
Судьбу Души самим нести.
В бескрайнем хаосе сердец,
Любовь не просто пронести.*

*Блуждая в сумерках вселенной,
Мы звёзды лишь меняем на пути.
Земная жизнь – Души дорога,
С которой суждено сойти.*

*Меняя облик бытия, с вопросом –
«Быть, или не Быть!»
Меняя счастье на надежду,
Хотим, порою, просто – Жить!*

*И в этот «маленький мирок» –
Где любят, пьют, дерутся,
Пусть даже в облике ином,
Я бы хотел – ещё вернуться!*

(Ульянов Ю. А.)

390000, г. Рязань, ул. Связи, д. 25. Почта: nasledie@russia.ru Сайт: <http://nasledie.ucoz.org>

Ульянов Юрий Александрович

***Мистическая трилогия «Таёжный мираж»
Книга первая – «Чёрное озеро»***

Ответственный за выпуск: Громовой А. А.
Редактор: Ульянов Ю. А.
Технический редактор: Громовой А. А.
Компьютерный набор: Ульянов Ю. А.
Компьютерная верстка: Громовой А. А.

Подписано в печать: 10.05.2010
Страниц: 408. Бумага офсетная.
Гарнитура: Times New Roman
Тираж: 500 экз.

ИД «Культурное Наследие Руси»
г. Рязань, ул. Связи, д. 25
Печать цифровая